ISSN 2619–0214

НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

2019, том 2
№ 2

НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Издаётся с 2018 года

2019, т. 2, № 2 **ISSN 2619–0214**

Международный научно-методический журнал
о культурном наследии

Включен в каталог периодических изданий Ulrichsweb (Ulrich's Periodicals Directory)
Размещается на платформах eLIBRARY.RU и КиберЛенинка

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Р.М. Валеев – доктор исторических наук, профессор (г. Казань, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
П.М. Шульгин (шеф-редактор) – кандидат экономических наук (г. Москва, Россия)
Р.Р. Хайрутдинов – кандидат исторических наук, доцент (г. Казань, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
А.Г. Ситдиков (председатель) – член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан, доктор исторических наук (г. Казань, Россия)
Г.Н. Василевич – кандидат экономических наук (с. Михайловское, Россия)
Ю.А. Веденин – доктор географических наук, профессор (г. Москва, Россия)
Д.Д. Иманкулов – доктор архитектуры, профессор (г. Бишкек, Кыргызстан)
В.Н. Калуцков – доктор географических наук, профессор (г. Москва, Россия)
А.А. Литвин – доктор исторических наук, профессор (г. Казань, Россия)
И.Э. Мартыненко – доктор юридических наук, профессор (г. Гродно, Беларусь)
А.С. Пилипосян – доктор исторических наук (г. Ереван, Армения)
А.В. Работкевич – кандидат культурологии (г. Москва, Россия)
Р.Р. Фахрутдинов – доктор исторических наук, профессор (г. Казань, Россия)
Ф.Г. Мухаметзянова – доктор педагогических наук, профессор (г. Казань, Россия)
О.Л. Панченко – кандидат социологических наук, доцент (г. Казань, Россия)
А.В. Фахрутдинова – доктор педагогических наук, профессор (г. Казань, Россия)

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
О.Е. Штеле (ответственный секретарь) – кандидат географических наук (г. Москва, Россия)
С.И. Мурашкина (научный редактор) – кандидат географических наук (г. Москва, Россия)
Е.В. Витоль (ответственный за выпуск) – (г. Казань, Россия)

Редактор-составитель **М.Е. Кулешова**

Учредители: Хайрутдинов Рамиль Равилович, Ситдиков Айрат Габитович
Издатель: АНО «Институт культурного наследия»
Адрес: ул. Кремлёвская, 10/15, г. Казань, Россия, 420111. Тел.: +7 (843) 221-33-21
Email: worldheritage2018@mail.ru
Сайт: https://n-i-s.ru
Адрес редакции: ул. М. Межлаука, 3, каб. 117, г. Казань, Россия, 420008
Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-71548 от 13.11.2017 (печатное СМИ, журнал)
Периодичность: 4 выпуска в год
Подписка и распространение: на оформлении

Дата выхода в свет: 24.06.2019. Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 70x108 1/16. Тираж 500 экз.
Заказ 93/7. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
Издательства Казанского университета.
Адрес: ул. Профессора Нужина, 1/37, г. Казань, Россия, 420008.
Тел.: +7 (843) 233-73-59; +7 (843) 233-73-28.

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции.
Редакция не несёт ответственности за содержание публикаций.
Распространяется бесплатно.

© Наследие и современность, 2019 год

HERITAGE AND MODERN TIMES

Published since 2018

2019, vol. 2, no 2 **ISSN 2619–0214**

International scientific-methodical journal for cultural heritage issues

Included in the Ulrichsweb (Ulrich's Periodicals Directory)
Placed in the platforms of eLIBRARY.RU and CyberLeninka

EDITOR-IN-CHIEF
P. Valeev – Doctor of History, Professor (Kazan, Russia)

DEPUTY CHIEF EDITORS
P. Shulgin (deputy editor-in-chief) – Ph.D. in Economics (Moscow, Russia)
R. Hayrutdinov – Ph.D. in History, Associate Professor (Kazan, Russia)

EDITORIAL BOARD
A. Sitdikov (Chairman) – Corresponding member of the Tatarstan Academy of Sciences, Doctor of History
G. Vasilevich – Ph.D. in Economics (Mikhailovskoe, Russia)
Y. Vedenin – Doctor of Geography, Professor (Moscow, Russia)
D. Imankulov – Doctor of Architecture, Professor (Bishkek, Kyrgyz Republic)
V. Kalutskov – Doctor of Geography, Professor (Moscow, Russia)
A. Litvin – Doctor of History, Professor (Kazan, Russia)
I. Martynenko – Doctor of Law, Professor (Grodno, Republic of Belarus)
A. Piliposyan– Doctor of History (Yerevan, Republic of Armenia)
A. Rabotkevich – Ph.D. in Culturology (Moscow, Russia)
R. Fakhrutdinov – Doctor of History, Professor (Kazan, Russia)
F. Mukhametzianova – Doctor of Pedagogics, Professor (Kazan, Russia)
O. Panchenko – Ph.D. in Sociology, Associate Professor (Kazan, Russia)
A. Fakhrutdinova – Doctor of Pedagogics, Professor (Kazan, Russia)

EDITORIALAND PUBLISHING GROUP
O. Shtele (Executive Secretary) – Ph.D. in Geography (Moscow, Russia)
S. Murashkina (Scientific Editor) – Ph.D. in Geography (Moscow, Russia)
E. Vitol (Executive Editor) – (Kazan, Russia)

Editor-compiler of the issue **M. Kuleshova**

Certificate number	ПИ No.ФС 77 – 71548
Certificate status	Actual
Media name	Heritage and Modern Times
Date of registration	11/13/2017
Distribution pattern	Printed media-journal
Periodicity	4 issues per year (quarterly)
Distribution territory	Russian Federation, foreign countries
Founders	Khayrutdinov Ramil, Sitdikov Ayrat
Editorial address	of. 117, 3, M. Mezhlauk str., Kazan, Russia, 420008
Languages	Russian, English
Email:	worldheritage2018@mail.ru
website:	https:/n-i-s.ru

Approved for printing on 06.24.2019. Offset paper. Digital printing. Format 70x108 1/16. Circulation 500 pieces. Order: 93/7. Printed from ready-to print file in the printing house of Kazan University Publishing house. 420008, Kazan, Prof. Nuzhin St., 1/37. Ph.:+7 (843) 233-73-59; +7 (843) 233-73-28.

Reprint of materials is allowed with the written permission of editorial board only.
Editorial office is not responsible for the contents of publications.

© Heritage and Modern Times, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Слово редактора-составителя..... **5**

Шатковская Е.Ф., Мелютина М.Н.
ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА КЕНОЗЕРЬЯ **9**

Веденин Ю.А.
КУЛЬТУРНО-ЛАНДШАФТНОЕ РАЙОНИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИИ КЕНОЗЕРЬЯ..... **20**

Кулешова М.Е.
ФЕНОМЕН КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА КЕНОЗЕРЬЯ **35**

Колбовский Е.Ю.
ГЕОСИСТЕМНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КЕНОЗЕРСКОГО КУЛЬТУРНО-ЛАНДШАФТНОГО РЕЛИКТА **49**

Шургин И.Н.
ДЕРЕВЯННАЯ АРХИТЕКТУРА КАК КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА И ЭВОЛЮЦИЯ ТРАДИЦИОННОГО ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА В КЕНОЗЕРЬЕ **64**

Ведерникова Н.М.
ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА КАК ФАКТОРА ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА КЕНОЗЕРЬЯ **81**

Ведерникова Н.М., Мелютина М.Н.
ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА КЕНОЗЕРЬЯ В САКРАЛЬНОЙ ТОПОГРАФИИ И ЭПИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ **95**

Мелютина М.Н.
МУЗЕЙНЫЕ СОБРАНИЯ КЕНОЗЕРСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ПАРКА КАК ДЕПОЗИТАРИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ И ЛОКУСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЫ В ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЛАНДШАФТА **109**

Максаковский Н.В.
«ЗАПОВЕДАННОЕ КЕНОЗЕРЬЕ»: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПО УСТАНОВЛЕННЫМ КРИТЕРИЯМ ЦЕННОСТИ **120**

Веденин Ю.А., Кулешова М.Е.
«ЗАПОВЕДАННОЕ КЕНОЗЕРЬЕ» В СИСТЕМЕ КАТЕГОРИЙ ВЫДАЮЩЕЙСЯ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ЦЕННОСТИ ЮНЕСКО **132**

СТРУКТУРА ОТЧЁТА О НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЕ «ОБОСНОВАНИЕ ВКЛЮЧЕНИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО СЕВЕРОРУССКОГО КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА “ЗАПОВЕДАННОЕ КЕНОЗЕРЬЕ” В СПИСОК ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ ЮНЕСКО» **146**

CONTENTS

From the compiling editor **5**

Shatkovskaya E., Melyutina M.
KENOZERO CULTURAL LANDSCAPE: HISTORICAL FACTORS OF EVOLUTION **9**

Vedenin Yu.
KENOZERIE TERRITORY: CULTURAL LANDSCAPE ZONING **20**

Kuleshova M.
KENOZERIE CULTURAL LANDSCAPE PHENOMENON **35**

Kolbovsky E.
GEOSYSTEM REGULARITIES IN THE FORMATION OF KENOZERIE RELIC CULTURAL LANDSCAPE **49**

Shurgin I.
WOODEN ARCHITECTURE AS THE CULTURAL LANDSCAPE KEY ELEMENT AND EVOLUTION OF TRADITIONAL HOUSE CONSTRUCTION IN KENOZERIE **64**

Vedernikova N.
ETHNOCULTURAL ASPECTS OF PEASANTS' HOUSEHOLD AS A FACTOR OF KENOZERIE CULTURAL LANDSCAPE FORMATION **81**

Vedernikova N., Melyutina M.
KENOZERIE SPIRITUAL CULTURE IN SACRAL TOPOGRAPHY AND EPIC TRADITION **95**

Melyutina M.
KENOZERO NATIONAL PARK MUSEUM COLLECTIONS AS CULTURAL HERITAGE DEPOSITARIES AND HISTORICAL RETROSPECTIVE LOCUCES IN LANDSCAPE SPATIAL ORGANIZATION **109**

Maksakovsky N.
"ZAPOVEDANNOE KENOZERIE": COMPARATIVE ANALYSIS BY THE ESTABLISHED VALUE CRITERIA **120**

Vedenin Yu., Kuleshova M.
"ZAPOVEDANNOE KENOZERIE" IN THE UNESCO OUTSTANDING UNIVERSAL VALUES NOMINATION SYSTEM **132**

STRUCTURE OF THE REPORT ON RESEARCH "JUSTIFICATION OF THE PEASANTS' NORTH RUSSIAN CULTURAL LANDSCAPE "ZAPOVEDANNOE KENOZERIE" INCLUSION INTO UNESCO WORLD CULTURAL HERITAGE LIST" **146**

Слово редактора-составителя

Настоящий выпуск журнала посвящён единой теме – культурно-ландшафтному наследию, единой территории – Кенозерью, единому поводу – обоснованию выдающейся универсальной ценности культурного ландшафта Кенозерья как перспективного номинанта Списка всемирного наследия ЮНЕСКО. Актуализация культурно-ландшафтной темы журналом «Наследие и современность» отвечает международным тенденциям и дискурсу: Международный Совет по памятникам и достопримечательным местам (ICOMOS) объявил 2019 г. годом сельских культурных ландшафтов[1], им посвящены разнообразные проекты и научные форумы. Учитывая, что от России в Списке всемирного наследия пока официально значится только один культурный ландшафт – Куршская Коса (о чём мы уже говорили в тематическом выпуске журнала № 4 за 2018 г.), выдвижение такого рода объектов имеет особо важное методологическое значение.

Центром всемирного наследия ЮНЕСКО опубликовано несколько аналитических изданий и руководств, разъясняющих общий порядок номинирования объектов мирового значения, особенности работы с культурными ландшафтами и их положение в общей системе мирового наследия. Однако, обоснование включения каждого из них в Список всемирного наследия имеет свои индивидуальные подходы и, в каждом конкретном случае, структура доказательств должна следовать не только установленным формам, но и специфическим особенностям самого объекта, что и попыталась продемонстрировать группа авторов на примере Кенозерья.

Предлагаемые вниманию читателя статьи содержат основные результаты большой коллективной работы, выполненной в 2017 г. как часть номинационного досье, обосновывающая представление Кенозерья в Список всемирного наследия. Рассматриваемая территория, уникальная по сохранности реликтовых форм культуры и исторического природопользования, расположена в юго-западной части Архангельской области, на границе с Карелией, на озёрных водоразделах Белого и Балтийского морей, в центре треугольника между ближайшими городскими центрами – Каргополем на юге, Пудожем на западе и Плесецком на северо-востоке. В 1991 г. здесь был образован Кенозерский национальный парк – одна из немногих охраняемых природных территорий России, основным достоянием которой стало культурное наследие – культурные ландшафты.

[1] см. https://www.icomos.org/en/focus/18-april-international-day-for-monuments-and-sites

Большинство авторов знакомы с Кенозерьем уже многие годы по совместным экспедициям и проектам. С начала 2000-х годов исследователи ещё дореформенного Института Наследия принимали активное участие в менеджмент-планировании и российско-норвежском сотрудничестве по Кенозерскому национальному парку, тогда же была составлена первая заявка на включение этой территории в Список всемирного наследия, но инициатива не была в то время поддержана. Только в 2014 г. заявка была нами обновлена, получила поддержку уполномоченных инстанций, и объект был включён в Предварительный список от России.

Мы не смогли представить в данном журнальном выпуске всех авторов данного номинационного проекта и весь подготовленный материал, однако основные темы постарались отразить. Полная структура номинационного проекта с его авторским составом дана в Приложении в конце выпуска. Вопросы охраны, управления, организационно-финансовые вопросы остались за пределами выполненного проекта, хотя и являются обязательной составляющей номинационных досье. Авторы акцентируют внимание на особенностях уникальной территории в том ракурсе, который необходим для принятия решения о выдающейся универсальной ценности объекта международными экспертами. Последовательность изложения материала в сравнении с проектным документом несколько изменена, многие детали сокращены ввиду необходимости соблюсти предельную лаконичность текстов.

Выпуск открывается статьей директора Кенозерского национального парка Елены Шатковской, и руководителя отдела историко-культурного наследия парка, Марины Мелютиной, посвящённой основным историческим вехам развития территории и формирования облика культурного ландшафта, его индивидуальных неповторимых черт.

Целенаправленное исследование и проектирование культурных ландшафтов Кенозерья началось в конце 1990-х – начале 2000-х годов. Необходимо было в первую очередь вычленить и систематизировать эти ландшафты, что и было проведено Юрием Ведениным, многие годы сотрудничавшим с Парком, и архитектором Денисом Тормосовым. Статья Юрия Веденина по культурно-ландшафтному районированию, написанная по результатам прошлых разработок и осмысления прошедших почти за 20 лет изменений, содержит основания для определения границ будущей номинации, дифференциации культурно-ландшафтного континуума на целостные культурно-ландшафтные единицы – комплексы.

По результатам ряда экспедиций и ранее опубликованных работ, с некоторыми дополнительными выводами, важными для номинационного процесса, подготовлена статья Марины Кулешовой о ключевых

компонентах культурного ландшафта, их роли и функциях. В ней даётся представление об основных особенностях культурного ландшафта, его феноменологии. В продолжение и развитие этой темы – работа Евгения Колбовского, рассматривающего иерархическое строение кенозерского культурного ландшафта и поднимающего важнейший вопрос о его (ландшафта) референтном состоянии, относительно которого с точки зрения автора необходимо проводить оценку ландшафта. Именно этот текст даёт представление о степени детерминированности культурных модификаций ландшафта природными условиями местоположения, об уровне взаимовлияния человека и природы и их сотворчестве – а это основополагающий признак культурного ландшафта.

Статья Игоря Шургина посвящена важнейшей теме – архитектуре как ключевому фактору формирования кенозерского ландшафта. Именно уникальная деревянная архитектура, её формы, степень сохранности, архаические черты, плотность насыщения территории разнообразными деревянными памятниками определяет восприятие Кенозерья как сказочного былинного края. О том, как деревянные постройки выстраиваются в ансамбли, и насколько эти ансамбли сочетаются с их природными местоположениями, непревзойденно в своё время было написано Ю.А. Ушаковым, материалы которого также приводятся.

Сельский культурный ландшафт сохраняет свои визуально считываемые параметры только при условии наличия живой традиционной духовной и хозяйственной культуры аборигенного населения. Это ценное нематериальное наследие и, одновременно, механизм воспроизводства основных черт и функций ландшафта, наполняющие его смыслом и назначением – духовной культуре и этнографическим особенностям традиционного хозяйства посвящены две статьи – Натальи Ведерниковой и в соавторстве её с Мариной Мелютиной.

Многие архаичные формы природопользования, хозяйства, быта уже утратили свою роль в современном сельском сообществе, однако существует национальный парк, в котором осуществляется музеефикация и приспособление к современному использованию многих ландшафтно значимых объектов; таким образом, национальный парк консервирует и хранит многие важные атрибуты сельской жизни в музейных собраниях, на экологических тропах, в эколого-просветительных центрах – к таким объектам относятся многие культовые здания, серия часовенных небес, водяные мельницы и т.д. Парк становится субъектом, сохраняющим черты референтного ландшафта в условиях, когда эти черты уже не воспроизводятся местным социумом. Вопросам музейной деятельности в контексте формирования ландшафта посвящена статья Марины Мелютиной.

Принципиально важная часть любого номинационного досье – сравнительный анализ номинируемого объекта с подобными ему в стране-заявителе и в мире. Такой анализ представлен в статье Николая Максаковского. Понятно, что Русский Север, к которому относится Кенозерье – особый геокультурный регион и бесперспективно искать ему аналоги в других концах света. Однако формальности требуют этого рассмотрения, что очень способствует усилению позиций, аргументирующих исключительность номинируемого объекта.

Завершает наш тематический выпуск статья Юрия Веденина и Марины Кулешовой, подытоживающая проведённые исследования и предлагающая формулировки выдающейся универсальной ценности по установленным ЮНЕСКО критериям. В ней также предлагается система аргументации по требованиям целостности и подлинности выдвигаемого в Список всемирного наследия объекта – культурного ландшафта, получившего в процессе подготовки обосновывающей части досье наименование «Заповеданное Кенозерье». Заповеданное – доставшееся нам от прошлых поколений и сохраняемое по их заповеди – соблюсти красоту, достоинство и осмысленность места, вызывающего сегодня чувство восхищения и сопереживания этому сохранившемуся реликту русского сельского мира.

Марина Кулешова

УДК 913

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА КЕНОЗЕРЬЯ

Е.Ф. Шатковская[*], М.Н. Мелютина[**]

[*]director@kenozero.ru, [**]nauka@kenozero.ru

Национальный парк «Кенозерский», г. Архангельск, Россия

Аннотация. *Культурный ландшафт Кенозерья является выразителем ценностей, созданных локальным сообществом, исторический процесс его формирования рассмотрен авторами статьи. Принципиальным элементом северорусского ландшафта служит деревня с крестьянскими дворами и сакральными локусами – часовнями, церквами, поклонными крестами, с сохранением архаичной планировки поселений. В начале 1960-х гг. ликвидация «неперспективных» деревень привела к появлению десятков заброшенных селений и изменению образа культурного ландшафта. Несмотря на понесённые утраты, современный ландшафт Кенозерья сохраняет статус ценного природного и историко-культурного комплекса и находится в режиме реабилитации, поддерживаемой Кенозерским национальным парком.*

Ключевые слова*: Кенозерье, Лёкшмозерье, исторический процесс, археологические культуры, водно-волоковые пути, колонизационные потоки, территориально-административное деление, статистика поселений, природный и историко-культурный комплекс.*

Для цитирования*:* Шатковская Е.Ф., Мелютина М.Н. Исторические факторы формирования культурного ландшафта Кенозерья. *Наследие и современность = Heritage and Modern Times.* 2019:2(2);9–19.

Для понимания динамики культурного ландшафта Кенозерья необходимо обозначить основные исторические этапы его освоения и культурно-хозяйственного развития, для каждого из них были характерны свои формы творческого взаимодействия человека и природы. Результаты археологических исследований, которые велись здесь с начала 1860-х гг. и продолжаются в наши дни (И.С. Поляков [1], М.Е. Фосс [2], С.В. Ошибкина [3], С.З. Чернов [4], А.Г. Едовин [5], А.Я. Мартынов [6], Д.В. Герасимов [7] и др.), позволяют судить о древнейшей истории кенозерской земли.

Первым материальным воплощением взаимодействия человека с окружающей средой являются обнаруженные археологами стоянки первобытного человека, относящиеся к послеледниковому периоду, VII–VI тыс. до н.э. Коллекция каменных предметов, выявленная на Медвежьем острове (в XIX в. в Государственный исторический музей поступили артефакты, переданные Г.Ф. Миллером), содержит типичные для среднего каменного века кремневые ножевидные пластины и нуклеусы. Стоянки древнего человека располагались на сравнительно высоких песчаных террасах «озёрного края» и как временные поселения не имели существенного влияния на изменение естественного облика ландшафта. Мезолитические стоянки были открыты на Песьяном мысу, в устье р. Волошева, в истоке р. Кены и у д. Мор-

щихинская. К неолиту, последнему этапу каменного века, относится большинство первобытных стоянок Кенозерья (наиболее известны – Вершинино, Усть-Поча, Косицыно, Челма I). В эту эпоху этнические группы уже переходили от подвижного к оседлому образу жизни, начинали заниматься производственной деятельностью, изготавливали керамическую посуду. Но основным занятием древнего населения оставались таёжная охота, озёрное и речное рыболовство. С этим периодом связана древнейшая мастерская по обработке сланца, расположенная на стоянке в устье р. Волошевы. Набор найденных керамических предметов характерен для племен ямочно-гребенчатой керамики эпохи неолита, что, по мнению археологов, связано с появлением здесь населения из Волго-Окского междуречья. Движение северной группы волго-окских племен в «озёрный край», где сформировались каргопольская, карельская и беломорская культуры, продолжался в течение II–I тыс. до н.э. [8].

В начале бронзового века – II тыс. до н.э. – люди стали использовать для проживания долговременные заглублённые в землю жилища, которые располагались на высоких береговых террасах группами. Интересные находки остатков таких жилищ отмечены у Пашкова озера, близ д. Поромское.

Известны на Кенозерье и памятники раннего железного века. Самый характерный из них расположен неподалёку от истока р. Поча из Почезера. Он датируется серединой I тыс. до н.э. – серединой I тыс. н.э. Интереснейшими археологическими объектами являются так называемые «каменные кучи» – сложения из валунов, датируемые эпохой раннего металла – раннего Средневековья. Их назначение до сих пор является предметом дискуссий. Но наиболее распространено мнение об их погребальном предназначении. Комплекс «каменных куч» в Кенозерье на о-ве Виловатый получил известность с середины XX в. В 2016 г. ещё одна группа таких сооружений выявлена на о-ве Мамонов. Данные археологические объекты можно рассматривать как одну из ранних форм исторического процесса, формирующего культурный ландшафт Кенозерья.

Этническая история Кенозерья прочитывается с середины I тыс. до н.э., когда сюда из Приуралья начали расселяться носители культуры «ананьинского» круга древностей. Это была единственная из археологических культур, распространение которой охватило всю территорию от Зауралья до Прибалтики включительно. После их продвижения возникла новая (прибалтийско-финско-саамская) этноязыковая общность, которая сложилась на основе местного этнического компонента, ассимилированного пришлым, уральским населением. Данная общность, именуемая «протосаамы», является древнейшим финно-угорским населением Русского Севера. Прибалтийско-финско-

саамская общность, просуществовав до конца I тыс. до н.э., распалась, как предполагается, на прибалтийско-финскую и саамскую. На территории, примыкающей к Финскому заливу, формировались прибалтийские финны, а к северу и востоку – саамы [9]. Существование саамской охотничье-рыболовецкой культуры в Кенозерье продолжалось до середины XI в.

Особый период в истории Русского Севера связан с включением в состав Древнерусского государства в XI–XII вв. огромных северных территорий и первым славянским заселением. В сложных процессах миграционного движения на Север из Новгородских земель вместе со славянами участвовали неоднородные этнические группы – славянизированные и аборигенные балтийские и финно-угорские. Происходит формирование своеобразной местной культуры, создание самобытного хозяйственно-культурного уклада жизни и этико-эстетической системы мировоззрения в результате взаимодействия элементов финно-угорской культуры «леса» и славянской культуры «поля». Ранний этап формирования традиционной системы сельского расселения Севера (XI–XIV вв.) называют периодом «заселения и славянской колонизации северных окраин». Это был устойчивый процесс сосуществования различных этнических групп (финно-угорской, скандинавской и славянской) [10]. Первоначально расселение, имевшее низкую плотность, было приурочено к крупным водотокам и водоёмам, где появляются селения с рублеными деревянными домами на берегах. На возвышенных местах воздвигались первые христианские сакральные объекты (часовни, кресты). Монастырские обители также основаны на гористых или высоких береговых уступах. На горе Челме (береговой уступ над рекой Челмой) был основан древнейший Кирилло-Челмогорский монастырь (XIV век). Это был важный период развития культурного ландшафта, когда естественные пейзажи изменялись благодаря активному включению в них рукотворных объектов.

Постепенно на побережьях Кенозера, Лёкшмозера и других меньших озёр формировалась сеть поселений и транспортных магистралей того времени – водно-волоковых путей, связывающих Новгород и Ростов Великий с северной периферией ряда европейских стран. Прохождение водно-волокового пути через Кенозеро оказало огромное влияние на развитие и заселение этой территории, что необходимо учитывать при рассмотрении факторов формирования кенозерского культурного ландшафта. Через Каргополье, к которому относились Кенозерье и Лёкшмозерье, проходит несколько крупных водоразделов и в период славянского освоения здесь возникает несколько волоков. Процесс колонизации мог существовать в то время только на устойчивом историко-географическом каркасе с системой расселения постоянного характера. Поэтому в непосредственной близости от волоков на берегах крупных водоемов ранее, чем в других местах, сформирова-

лись важнейшие поселенческие узлы территории – сеть водораздельных приозёрных поселений и погостов – волости-сообщества. Именно с волоковых микрорегионов начала формироваться ранняя земледельческая сеть края [11].

Огромную роль средневековой коммуникации для освоения Севера сыграл Кенский волок – первый волок на магистральном пути из Новгорода в Поморье, соединивший речные системы бассейнов Белого и Балтийского морей. Кенский волок – уникальный историко-археологический памятник, который впервые описан в 1563 г., хотя возник намного раньше, не позднее XI в. Его географический путь: Онежское озеро – р. Водла – река Черева – Кенский волок – оз. Волоцкое – р. Волошева – р. Поча – оз. Кенозеро – р. Кена – р. Онега [12, с. 20–22]. Примечательно, что фрагменты волоковой трассы, составлявшей примерно семь километров, еще сохранялись в 1979 г. Этой дорогой люди пользовались вплоть до 1940-х гг. [4; 13]. Именно здесь собрано большинство археологических находок, историко-этнографических материалов, раскрывающих особенности данной территории.

В процессе освоения северных земель новгородцы встретились с колонизационным потоком других групп славянства, исходящим из Ростова, Суздальской Руси и прилегающих земель. Этот второй поток поначалу был гораздо менее интенсивен, но со временем поставил преграду новгородскому проникновению [14]. Новгородцы, продвигаясь в глубь северных территорий, преследовали преимущественно промысловые цели, ориентировались на внешнюю и внутреннюю пушную торговлю. Поэтому особое развитие получила охота на белку, куницу, выдру, бобра, норку, горностая, рысь, росомаху. Приход с юга славянских поселенцев («ростово-суздальская колонизация»), владевших ремёслами и техникой землепашества, отличался по значению и смыслу от новгородского освоения.

В XIV–XVI вв. в связи с истреблением ценного пушного зверя охотничий промысел переместился на северо-восток Европейского Севера и в Сибирь. Экономическая роль местной охоты резко снизилась. Наблюдается активное освоение земель как новгородцами, так и выходцами из ростово-суздальских земель, которые шли главным образом через Белоозеро. Среди причин, обусловивших этот процесс, было стремление уйти из мест, захваченных монголо-татарами, бегство от боярской неволи, влияние рассказов бывалых людей о свободных землях к востоку от Новгорода [6, с. 20]. Закономерно, что именно в местах «новгородского» освоения Севера фольклористы обнаружили богатый былинный репертуар [15].

В это время освоение края приобрело выраженный земледельческий характер. Расчищаются среди леса подсеки, постепенно превращаясь в постоянно используемые пашни и выгоны для скота. Через

подсечное земледелие и пользование лесными ресурсами значительно меняется ландшафт. Вслед за новгородской и ростовской знатью здесь оседали и «дружины» – артели «чёрных» новгородских людей. Среди них были артели мастеров-плотников, кузнецов, гончаров. Активно начинают развиваться промыслы и ремёсла: кузнечное, гончарное, плотницкое и столярное дело, прядение и ткачество, ориентированные преимущественно на собственное потребление. Этот период был важным для становления традиций общинного природопользования. Тогда окончательно оформилась сохранившаяся к настоящему времени система сельского расселения. Исходя из многих финно-угорских топонимов, перешедших в названия населенных мест Кенозерья, можно утверждать, что смена финно-угорского населения славянским к XV–XVI вв. завершилась.

В 1478 г. Москва окончательно включает северные новгородские земли в состав единого русского государства. Экономическая ориентация края изменяется. Возрастает значение вначале Каргопольско-Онежского, а с XVI в. – Сухоно-Двинского торговых путей. Последующее развитие международного торга значительно понизило роль Онежского пути, и уже к XV в. водные пути (Кенский волок и другие транзитные волоки) не имели былого значения, постепенно уступая место сухопутным дорогам. Но сеть поселений на водораздельных территориях уже полностью сформировалась. К XVI в. главная сухопутная дорога транзитного характера – Пудожский тракт, прошла через водораздел на удалении от древнего волока. С одной стороны, это способствовало развитию Лёкшмозерской волости-сообщества (через которую прошёл тракт) как «малого центра тяготения» в южной части водораздельного района. С другой стороны, это обеспечило некоторую «сухопутную транспортную изоляцию» Кенозерской волости-сообщества, что способствовало консервации элементов локальной традиции. На длительный период эта локальная территория в экономическом отношении была предоставлена самой себе, край оказался в какой-то степени изолированным, замкнутым.

К концу XV в. Лёкшмозерская и Кенозерская волости, которые занимали территории, прилегающие к озерам Лёкшмозеро и Кенозеро, вошли в Каргопольский уезд с административным центром городом Каргополем. При Петре I, в 1708 г. Каргопольский уезд был включен в состав Ингерманландской губернии, затем Санкт-Петербургской губернии, а в 1727 г. – Новгородской губернии. В 1784 г., Каргопольский уезд вошел в состав Олонецкой губернии с губернским городом Петрозаводском. Северное Кенозерье оказалось в пределах нового Пудожского уезда, а южное – осталось в Каргопольском уезде. Граница между уездами прошла по озеру Кенозеро, рекам Кене и Онеге. В 1797 г. эти уезды были объединены в единую Кенозерскую вотчину с включением в состав Новгородской губернии. Указом Александра I от 1801 г.

Олонецкая губерния с губернским городом Петрозаводском была восстановлена, и Кенозерье вновь вошло в эту губернию. С 1919 по 1929 гг. Каргопольский уезд входил в состав Вологодской губернии, в 1937 г. Кенозерье было передано Архангельской области [16].

Согласно Каргопольской платёжнице 1555–1556 гг., Кенозерская волость тогда насчитывала 76 деревень, Лёкшмозерская и Долгозерская – 13 деревень. По данным за 1785 и 1791 гг. количество деревень практически не увеличилось: в Кенозерской волости – 79 деревень (427 дворов и 3279 человек населения, в среднем на деревню приходилось 5,6 дворов и 43 жителя, на двор – 7,7 человек), в Почезерской (в границах парка) и Лёкшмозерской волостях соответственно деревень – 14 и 15; населения – 744 и 1202 человек со средней численностью 53 и 80 человек [12, с. 33–45].

В XVI–XVII вв. завершилось формирование основного ядра территории Кенозерья и Лёкшмозерья. Впоследствии уже ни секуляризация, ни передвижения населения, ни межевание не изменили границ этого ядра: волости Кенозерская, Кенорецкая и Лёкшмозерская оставались в Каргополье наиболее стабильными и устойчивыми в своих границах [12, с. 45]. На основе топонимического материала можно констатировать, что территория Кенозерья, входя географически и по целому ряду историко-культурных параметров в Поонежье (бассейн р. Онега), в то же время тяготеет к восточному Обонежью (бассейн Онежского озера), с которым связана водно-волоковыми путями (Кенский, Кумбасозерский и Лёкшмозерский волоки). Эту особенность расположения Кенозерья можно определить как переходную зону между Обонежьем и Поонежьем, которая исторически отразилась и в административном делении – граница уездов проходила до начала XX в. по линии крупных водоразделов [17].

Начиная с XVII в. на территории Кенозерья начинается активное строительство часовен, церквей, монастырей, воздвижение поклонных крестов. Особенностью религиозной жизни территории является наличие широко распространенных часовенных приходов. Более восьмидесяти часовен, входившие в состав семи церковных приходов Кенозерья (Кенозерский, Кенский, Хергозерский, Лёкшмозерский, Ряпусовский, Видягинский, Почезерский) образовывали самостоятельные «меньшие церковные общины», как их назвал В.М. Верюжский.

Центром Кенозерской волости был «на Кено-озере на острове погост» [18] с храмовым ансамблем, идейно и композиционно объединявший пространство озёрной системы, по береговой полосе которой (протяженность 350 километров) и на островах группировались селения, объединённые с 1858 г. на основании Указа Александра II в общества Рыжковское, Вершининское, Климовское и Ряпусовское. На юге волости, в 15 километрах от Кенозера, находилась обособленная груп-

па поселений – куст трёх деревень Порженского погоста с Георгиевской церковью XVIII в. На восточном берегу Кенозера, у истока р. Кены – деревня Першлахта Кенорецкой волости. Часть Почезерской волости – куст деревень Почезерского погоста – слагает северную часть системы расселения Кенозерья. Лёкшмозерская волость включала еще две группы населённых мест, находящихся к северу по дороге на Кенозеро: Масельгу и Долгозерский куст деревень.

К середине 1760-х гг. в регионе устанавливается относительная стабильность в количестве населения и в распределении его по волостям и деревням Каргопольского уезда. Секуляризация церковных владений повсюду завершена. В конце XIX – начале XX в. сельские общества владели землёй: сельскохозяйственными, речными и лесными угодьями (включая озёра) на основании владенных записей, составленных в 1890–1900-х гг. [12, с. 67]. Кенозерские деревни, как и раньше, невелики. В 1905 г. наиболее населённые из них насчитывали от 10 до 15 домов в 10–12 семей. Наибольшее число жителей проживали в Семёново, Тырышкино, Тарасовой, Горбачихе, Вершинино [19]. На рубеже столетий численность населения (в границах национального парка) достигла почти 7 тысяч человек – сравнительно высокой для северных природно-климатических условий цифры. Территориальное освоение приблизилось к своему пределу.

Активное разрушение традиционного уклада жизни началось в 1929–1930-е гг., период коллективизации и уничтожения единоличных крестьянских хозяйств. Традиционный общинный уклад внешне отвечал атрибутике колхозов, но свобода хозяйствования крестьянина попадала в зависимость от командной системы. Тогда же понёс ущерб не только хозяйственно-экономический и социальный уклад, но и духовная культурная среда (в период борьбы с религией в 1930-е гг.).

Раскулачивание не миновало Кенозерье и Лёкшмозерье, в 1937–1939 гг. жители по выдуманным обвинениям подвергались политическим репрессиям. В военное время ушла на фронт большая часть мужского населения (например, из деревни Гужово ушло на фронт 45 человек, а вернулось только 10, и эта статистика типична для всех деревень Кенозерья). В 1950-е гг. многие поселения обезлюдели: необходимость подъёма промышленности в городах в послевоенный период требовала новых рабочих рук. Условия сельской жизни были тяжёлыми, что стимулировало миграцию в город, несмотря на административные запреты.

В начале 1960-х гг. началось укрупнение деревень – осуществлялся план создания «перспективных» и ликвидация «неперспективных» селений. Была нарушена социально-экономическая база села, многоукладность сельхозпроизводства, коренное население сократилось почти в 3 раза и было отлучено от кормивших его промыслов.

Культуре северно-русской деревни была противопоставлена культура лесозаготовительных поселков со свойственным их населению разрушительным мировоззрением временщиков.

И все-таки, несмотря на кризисные явления в истории Кенозерья, к моменту создания в 1991 г. национального парка, территория в большой степени сохранила своё историко-культурное и духовное наследие. В настоящее время в границах парка расположено 45 сельских населенных пунктов (в начале XX в. здесь было 102 деревни) с постоянным населением немногим менее двух тысяч человек. Часть деревень оказалась утраченной, но в них остались культовые объекты, следы традиционной планировки и застройки, которые содержат огромную информацию о культуре Кенозерья и имеют историко-культурную и эстетическую ценность. А вместе с поклонными крестами, «святыми» рощами, прилегающими к жилым и нежилым деревням сельскохозяйственными и лесными угодьями, охотничьими путиками, дорогами-тележницами составляют культурный ландшафт, сохранение которого является управленческим приоритетом в деятельности Кенозерского национального парка [20]. Итогом этой работы стало включение в 2014 г. культурного ландшафта «Заповеданное Кенозерье» в Предварительный список всемирного наследия ЮНЕСКО.

Литература

1. *Поляков И.С.* Три путешествия по Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1991.

2. *Фосс М.Е.* Неолитические культуры Севера Европейской части СССР // *Сов. Археология*. 1947. Т. 9. С. 29–46.

3. *Ошибкина С.В.* Неолит Восточного Прионежья. М., 1978.

4. *Чернов С.З.* Изучение Кенского волока // *Археолгические открытия 1979 года*. 1980. С. 37–38.

5. *Едовин А.Г.* Археологическое наследие Кенозерья // Кенозерские чтения: материалы 1-й Всероссийской науч. конференции / отв. ред. Е.Ф. Шатковская; ред.-сост. А.А. Куратов. Архангельск, 2003. С. 65–82.

6. *Мартынов А.Я.* Археологические памятники Кенозера (по материалам разведки Соловецкого отряда комплексной Кенозерской экспедиции) / Соловецкий сборник. Архангельск, 2015. Вып. 11. С. 36–46.

7. *Герасимов Д.В.* Технические отчёты о проведении археологического обследования на территории Национального парка «Кенозерский». Рукопись. 2016, 2017, 2018 гг. Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 2. Д. 594.

8. *Фосс М.Е.* Древнейшая история Севера Европейской части СССР. Вып. 29. М., 1952. С. 180.

9. *Археология Карелии*. Петрозаводск, 1996. С. 5–6, 370–372, 375.

10. *Макаров Н.А.* Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. М., 1997. С. 7.

11. *Тормосов Д.В.* Водораздельный ландшафт как историко-географическая составляющая территории Каргополья / Кенозерские чтения – 2011. Человек и среда: гармония и противоречия: сборник материалов V Международная науч. конф. / отв. ред. Е.Ф. Шатковская, сост. М.Н. Мелютина. ЗАО «Партнер НП». Северодвинск, 2012. С. 215–226.

12. Критский Ю.М. Кенозерье: история и культура: очерки, материалы, исследования: монография. Архангельск, 2005. 207 с.

13. *Севастьянов Д.В.* Кенский волок – объект историко-культурного наследия Русского Севера // Культурное и природное наследие Европейского Севера: сб. / сост.: П.С. Журавлев [и др.]; отв. ред.: Н.М. Теребихин, Е.Ф. Шатковская; Помор. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, НП «Кенозерский». Архангельск, 2009. С. 276–286.

14. История северного крестьянства // Крестьянство Европейского Севера в период феодализма. Архангельск, 1984. Т. II. С. 38.

15. Онежские былины, записанные А.ф. Гильфердингом летом 1871 г. Вступ. статья и комментарии А.И. Баландина. Архангельск. 1983. С. 5–19.

16. Тормосова Н.И. История административно-территориального устройства Кенозерья и Лёкшмозерья во второй половине XVIII – начале XIX века // Небеса и окрестности Кенозерья: расписные потолки, иконы, деревенские часовни и церкви, составляющие историко-культурный ландшафт Национального парка «Кенозерский». М., 2009. С. 550–553.

17. *Муллонен И.И., Захарова Е.В.* Многослойная топонимия Кенозерья / Кенозерские чтения – 2011. Человек и среда: гармония и противоречия: сборник материалов V Международная науч. конф. / отв. ред. Е.Ф. Шатковская, сост. М.Н. Мелютина. ЗАО «Партнер НП», Северодвинск, 2012. С. 152–162.

18. Материалы по истории Европейского Севера СССР // Северный археографический сборник. Вып 2. Северные писцовые книги, сотницы и платежницы XVI века. Вологда, 1972. С. 163–264.

19. Списки населенных мест Олонецкой губернии на 1873, 1879 и 1905 годы. Петрозаводск, 1907.

20. *Шатковская Е.Ф.* Культурное наследие Кенозерья. Спасти, сохранить, показать // Музей-заповедник: экология и культура: Материалы шестой Международной научно-практической конференции (станция Вёшенская, 4–6 сентября 2015 года). Ростов-на-Дону, 2015. С. 32–37.

KENOZERO CULTURAL LANDSCAPE: HISTORICAL FACTORS OF EVOLUTION

E. Shatkovskaya, M. Melyutina
director@kenozero.ru, nauka@kenozero.ru

National Park “Kenozersky”, Arkhangelsk, Russia

Abstract. *This paper explores the history of cultural landscape evolution in Kenozero area. Since cultural landscapes are depositaries of local cultural values, the evolution of the area is interpreted by the authors in relation to core stages of local human activity. An essential element of the local landscape is a settlement consisting of peasant homesteads and sacral sites – chapels, churches, and roadside crosses. These components form the historical and cultural makeup of the area, representing the archaic elements of a northern Russian village. The implementation, in the early 1960s, of the plan to liquidate 'the unpromising' villages had led to abandonment of cultural landscapes and undergoing cardinal changes. Despite the historic transformations and the loss of a number of villages, the present-day landscape of Kenozero has retained the status of a valuable natural and cultural area.*

Keywords*: Kenozero area, Lyokshmozero area, historical process, archaeological sites, waterways and cart roads, colonization flows, administrative territorial division, rural settlements statistics, natural and cultural complex.*

For citation: Shatkovskaya E., Melyutina M. Kenozero cultural landscape: historical factors of evolution. *Heritage and Modern Times.* 2019:2(2);9–19.

References

1. *Poljakov I.S.* Tri puteshestvija po Oloneckoj gubernii. Petrozavodsk, 1991.

2. *Foss M.E.* Neoliticheskie kul'tury Severa Evropejskoj chasti SSSR // Sov. Arheologija. M.-L. T. 9. 1947. S. 29–46.

3. *Oshibkina S.V.* Neolit Vostochnogo Prionezh'ja. M., 1978.

4. *Chernov S.Z.* Izuchenie Kenskogo voloka // Arheolgicheskie otkrytija 1979 goda. M., 1980. S. S. 37–38.

5. *Edovin A.G.* Arheologicheskoe nasledie Kenozer'ja // Kenozerskie chtenija: materialy 1-j Vserossijskoj nauch. konferencii / otv. red. E.F. Shatkovskaja; red.-sost. A.A. Kuratov. Arhangel'sk, 2003. S. 65–82.

6. *Martynov A.Ja.* Arheologicheskie pamjatniki Kenozera (po materialam razvedki Soloveckogo otrjada kompleksnoj Kenozerskoj jekspedicii) / Soloveckij sbornik. Arhangel'sk, 2015. Vyp. 11. S. 36–46.

7. *Gerasimov D.V.* Tehnicheskie otchety o provedenii arheologicheskogo obsledovanija na territorii Nacional'nogo parka «Kenozerskij». Rukopis'. 2016, 2017, 2018 gg. Nauchnyj arhiv FGBU «Nacional'nyj park «Kenozerskij». F. 1. Op. 2. D. 594.

8. *Foss M.E.* Drevnejshaja istorija Severa Evropejskoj chasti SSSR. Vyp. 29. M., 1952. S. 180.

9. Arheologija Karelii. Petrozavodsk. 1996. S. 5–6, 370–372, 375.

10. Makarov N.A. Kolonizacija severnyh okrain Drevnej Rusi v XI–XIII vv. M., 1997. S. 7.

11. *Tormosov D.V.* Vodorazdel'nyj landshaft kak istoriko-geograficheskaja sostavljajushhaja territorii Kargopol'ja / Kenozerskie chtenija – 2011. Chelovek i sreda: garmonija i protivorechija: sbornik materialov V Mezhdunarodnaja nauch. konf. / otv. red. E.F. Shatkovskaja, sost. M.N. Meljutina. ZAO «Partner NP», Severodvinsk, 2012. S. 215–226.

12. *Kritskij Ju.M.* Kenozer'e: istorija i kul'tura: ocherki, materialy, issledovanija: monografija. Arhangel'sk, 2005. 207 s.

13. *Sevast'janov D.V.* Kenskij volok – ob"ekt istoriko-kul'turnogo nasledija Russkogo Severa // Kul'turnoe i prirodnoe nasledie Evropejskogo Severa: sb. / sost.: P.S. Zhuravlev [i dr.]; otv. red.: N.M. Terebihin, E.F. Shatkovskaja; Pomor. gos. un-t im. M.V. Lomonosova, NP «Kenozerskij». Arhangel'sk, 2009. S. 276–286.

14. Istorija severnogo krest'janstva // Krest'janstvo Evropejskogo Severa v period feodalizma. Arhangel'sk, 1984. Tom II. S. 38.

15. Onezhskie byliny, zapisannye A.f. Gil'ferdingom letom 1871 g. Vstup. stat'ja i kommentarii A.I. Balandina. Arhangel'sk. 1983. S. 5–19.

16. *Tormosova N.I.* Istorija administrativno-territorial'nogo ustrojstva Kenozer'ja i Ljokshmozer'ja vo vtoroj polovine XVIII – nachale XIX veka // Nebesa i okrestnosti Kenozer'ja: raspisnye potolki, ikony, derevenskie chasovni i cerkvi, sostavljajushhie istoriko-kul'turnyj landshaft Nacional'nogo parka «Kenozerskij». M., 2009. S. 550–553.

17. *Mullonen I.I., Zaharova E.V.* Mnogoslojnaja toponimija Kenozer'ja / Kenozerskie chtenija – 2011. Chelovek i sreda: garmonija i protivorechija: sbornik materialov V Mezhdunarodnaja nauch. konf. / otv. red. E.F. Shatkovskaja, sost. M.N. Meljutina. ZAO «Partner NP», Severodvinsk, 2012. S. 152–162.

18. Materialy po istorii Evropejskogo Severa SSSR // Severnyj arheograficheskij sbornik. Vyp 2; Severnye piscovye knigi, sotnicy i platezhnicy XVI veka. Vologda, 1972. S. 163–264.

19. Spiski naselennyh mest Oloneckoj gubernii na 1873, 1879 i 1905 gody. Petrozavodsk, 1907.

20. *Shatkovskaja E.F.* Kul'turnoe nasledie Kenozer'ja. Spasti, sohranit', pokazat' // Muzej-zapovednik: jekologija i kul'tura: Materialy shestoj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (stancija Vjoshenskaja, 4–6 sentjabrja 2015 goda). Rostov-na-Donu, 2015. S. 32–37.

Сведения об авторах

Шатковская Елена Флегонтовна, заслуженный работник культуры РФ, директор ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский», г. Архангельск, Россия.
E-mail: director@kenozero.ru

Мелютина Марина Николаевна, канд. философ. наук., начальник отдела изучения и интерпретации историко-культурного наследия ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский», г. Архангельск, Россия.
E-mail: nauka@kenozero.ru

Authors of the publication

Elena Shatkovskaya, Honoured Fellow of Culture of the Russian Federation, Director of the Federal State-Financed Establishment “National Park “Kenozersky”, Arkhangelsk, Russia.
E-mail: director@kenozero.ru

Marina Melyutina, Ph.D. in Philosophy, Head of Historical Cultural Heritage Studies Department “Kenozero National Park”, Arkhangelsk, Russia.
E-mail: nauka@kenozero.ru

Дата поступления 14.01.2019

УДК 911

КУЛЬТУРНО-ЛАНДШАФТНОЕ РАЙОНИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИИ КЕНОЗЕРЬЯ

Ю.А. Веденин
vedenin37@gmail.com

Институт географии РАН, Москва, Россия

Аннотация. *В основу культурно-ландшафтного районирования Кенозерья положено представление о культурно-ландшафтном комплексе как исторически сложившемся и территориально локализованном системном образовании, включающим сельские поселения, хозяйственные угодья, социальную и религиозную инфраструктуру в их соотношении с природными особенностями местности. В границах участков, предлагаемых для номинирования в Список всемирного наследия, был выделен 21 культурно-ландшафтный комплекс. Особое внимание обращается на объекты культурного наследия, определившие характерные черты каждого комплекса, и на необходимость их сохранения. В статье использованы материалы, разработанные совместно с Д.В. Тормосовым.*

Ключевые слова: *культурно-ландшафтное районирование, культурно-ландшафтные зона, подзона, комплекс, кластер; озёрные плёсы, лахты, куст деревень, функционально-планировочные связи, целостность.*

Для цитирования: Веденин Ю.А. Культурно-ландшафтное районирование территории Кенозерья. *Наследие и современность = Heritage and Modern Times.* 2019;2(2):20–34.

Методология и целеполагание

Красота и комфортность Земли как «дома» людей во многом зависит от того, насколько каждый её участок отличается «лица необщим выраженьем». Наиболее полно это свойство Земли может быть выражено через культурно-ландшафтное районирование как наиболее адекватную реальности форму описания разнообразия жизненного пространства человека — носителя определённых культурных ценностей. Существует множество представлений о сущности и методах культурно-ландшафтного районирования. Во многом это связано с масштабом исследований. Одним из важнейших объектов районирования российских исследователей является Россия [1; 2; 3]. Есть примеры районирования на региональном уровне [4; 5], есть – на локальном, применительно к охраняемым территориям [6; 7], к которым относится и Кенозерский национальный парк. Для Кенозерья основными признаками ландшафтной дифференциации послужили хозяйственно-планировочные связи между поселениями, структура исторических угодий, история формирования расселенческих кустов.

Общая цель культурно-ландшафтного районирования — выделение целостных территориальных сочетаний культурных и природных объектов, процессов и явлений. В контексте рассматриваемой темы ос-

новное внимание уделяется выявлению места наследия в территориальной системе. Вопрос о культурно-ландшафтной дифференциации Кенозерья был поднят в начале 2000-х годов, в процессе разработки одного из первых для национальных парков менеджмент-планов. Именно тогда нами, совместно с архитектором Парка Д.А. Тормосовым, на основании документов и экспедиционных обследований, было составлено первое районирование, которое легло в основу многих программ и проектов парка [8; 9]. Включение культурных ландшафтов этой уникальной территории в список всемирного наследия – также очень важный проект, и характеристики выявленных культурно-ландшафтных комплексов лежат в основе аргументации по обоснованию границ трёх наиболее ценных по параметрам наследия кластеров в границах парка (рис. 1*а*). Ключевыми аргументами для такого выбора послужили концентрация разнообразных феноменов наследия на выделенных территориях и их относительно высокая, в сравнении с другими культурно-ландшафтными комплексами, сохранность (не все ранее выделенные комплексы были включены в номинируемые кластеры). Процедура районирования позволяет разделить территорию на достаточно целостные участки, а условие целостности является одним из основных для номинируемых объектов.

Современный образ Кенозерья – это разбросанные по берегам озёр деревни с изящными часовенками и монументальными силуэтами святых рощ. Это луга, раскинувшиеся на месте бывших пашен, сочетание которых с гладью озёр и многочисленными заливами создаёт живописную картину северной природы, освоенной и облагороженной человеком, сделавшим её уютной и приятной для жизни. Вместе с тем, характер ландшафтов на территории парка весьма различен.

Всю территорию Кенозерского национального парка можно разделить на три культурно-ландшафтные зоны: Лёкшмозерскую, Порженскую, и Кенозерско-Почезерскую, им соответствуют и три выделяемых для номинирования кластера.

Для Лёкшмозерской зоны характерно явное доминирование одного большого, округлого озера – Лёкшмозера, вокруг которого располагаются компактные группы (кусты) поселений, окружённые открытым пространством лугов. Характерной чертой этой зоны является и то, что именно на её территории особенно заметно проявлялась в прошлом деятельность монастырей, их вклад в освоение ландшафтов Русского Севера.

Для Порженской зоны характерно множество небольших озёр, равномерно разбросанных по всей её территории. На их берегах ранее располагались небольшие группы поселений с окружающими их луговыми угодьями. В отличие от поселений Лёкшмозерской зоны бóльшая часть из них ориентировалась сразу на несколько озёр, образующих в сочетании с лугами единые открытые пространства.

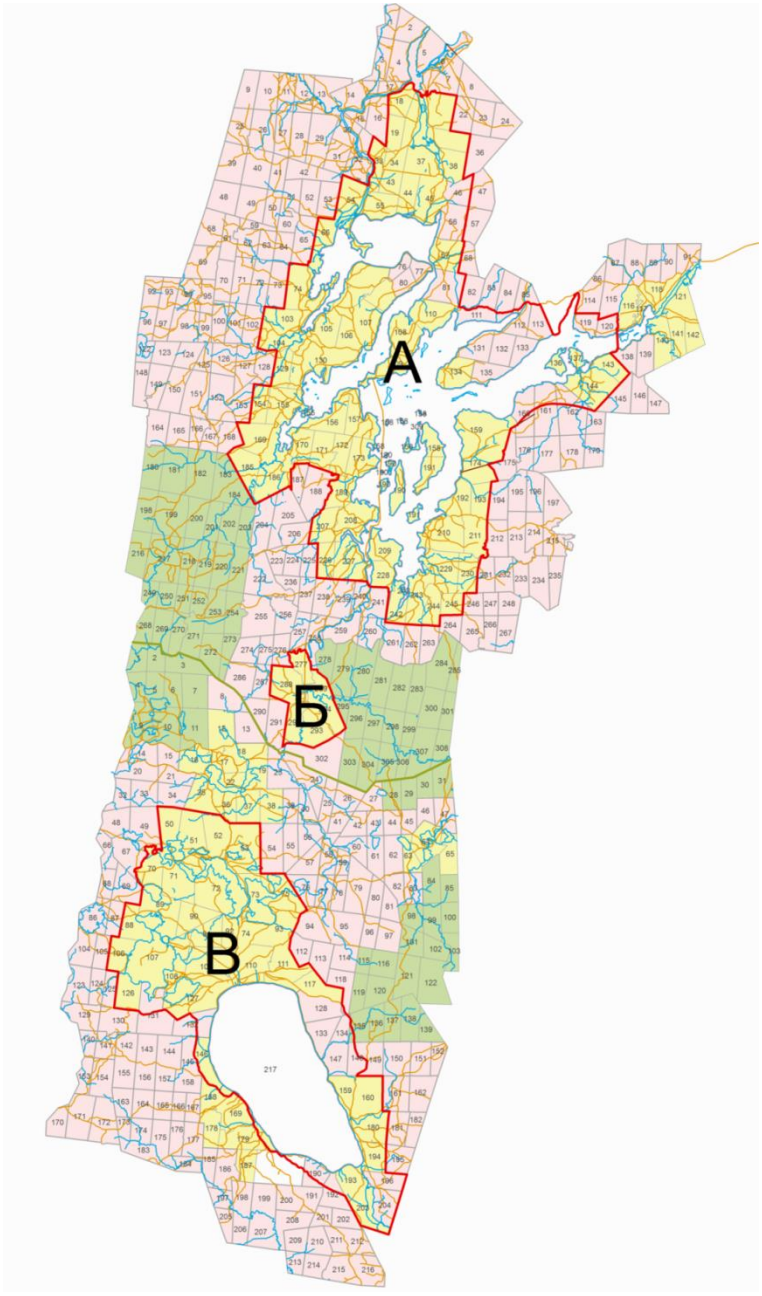


Рис. 1*а*. Границы номинируемых кластеров объекта «Заповеданное Кенозерье»: А – Кенозерско-Почезерского, Б – Порженского, В – Лёкшмозерского

Для *Кенозерско-Почезерской зоны* главным ландшафтообразующим объектом служит Кенозеро. Однако, в отличие от Лёкшмозера, Кенозеро состоит из множества плёсов и заливов (лахт), которые воспринимаются как самостоятельные водоёмы. Большинство кустов поселений и примыкающих к ним угодий связано с несколькими заливами, а также с расположенными рядом с Кенозером малыми озёрами. Отдельный расселенческий куст сформировался вокруг Почезера, связанного с Кенозером (сектор озера Свиное) рекой Поча.

В каждой культурно-ландшафтной зоне выделяются отдельные культурно-ландшафтные комплексы, границы которых определяются размерами зоны влияния деревни или группы деревень (рис. 1б).

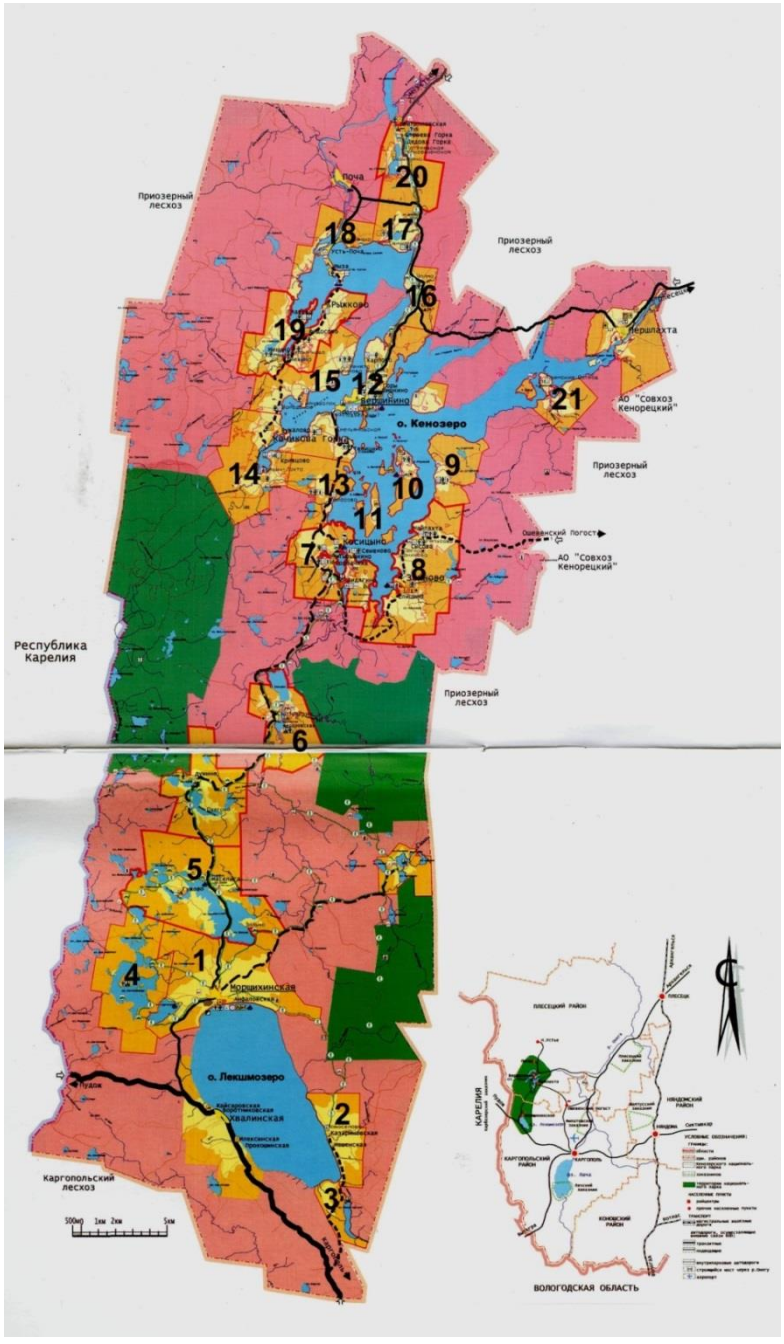


Рис. 1б. Культурно-ландшафтные комплексы Кенозерья:
1 – Морщихинский, 2 – Труфановский, 3 - Кирилло-Челмогорский, 4 – Наглимозерский, 5 – Масельга-Гужовский, 6 – Порженский, 7 – Ведягино-Тырышкинский, 8 – Зехново-Ряпусовский, 9 – Матёрский, 10 – Медвежий, 11 – Мамонов, 12 – Вершининский, 13 – Тарасовский, 14 – Тамбичлахтинский, 15 – Немятинский, 16 – Чолминский, 17 – Свиное, 18 – Усть-Починский, 19 – Шуйлахтинский, 20 – Почезерский, 21 – Поромский, 22 – Першлахтинский

Все культурно-ландшафтные комплексы подразделяются на пять классов – от устойчиво развивающихся групп поселений к оставленным и неиспользуемым:

1. культурно-ландшафтные комплексы искусственно укрупнённых или вновь созданных поселений с постоянным населением и используемыми сельскохозяйственными угодьями;

2. культурно-ландшафтные комплексы традиционных поселений с постоянным населением и используемыми сельскохозяйственными угодьями;

3. культурно-ландшафтные комплексы традиционных поселений с временным населением и используемыми сельскохозяйственными угодьями;

4. культурно-ландшафтные комплексы исчезнувших поселений с используемыми сельскохозяйственными угодьями;

5. культурно-ландшафтные комплексы исчезнувших поселений с неиспользуемыми сельскохозяйственными угодьями.

Лёкшмозерская культурно-ландшафтная зона

В её границах выделено пять культурно-ландшафтных комплексов: *Морщихинский* (первый класс), *Труфановский* (второй класс), *Масельга-Гужевский* (третий класс), *Наглимозерский* и *Кирилло-Челмогорский* (пятый класс).

Морщихинский комплекс сформировался на базе большой группы сельских поселений: Морщихинская, Калинино, Погост, Подлеша, Лукьяново, Заручевье, Анфаловское, Мартыново и Дьяково. В настоящее время все они слились в единое поселение – Морщихинскую – с «концами», сохраняющими свою историческую топонимику. Комплекс охватывает всю северную часть Лёкшмозерья. На его территории сохраняются значительные площади используемых для сенокошения лугов (рис. 2). Архитектурно-планировочной и высотной доминантой ландшафта служит действующая каменная церковь Петра и Павла. Сохранилась часть традиционной застройки села, а также две часовни – Фрола и Лавра в Дьякове и Марии Целительницы – за пределами Морщихинской, по дороге на Труфаново. Несколько лет назад рядом была поставлена ещё одна часовня, посвященная Ксении Петербуржской. Это подтверждает продолжение живой традиции установки часовен местными жителями по обету. На некоторых домах можно увидеть традиционный для этих мест декор – наличники, «полотенца», резьбу.

Рис. 2. Вид на деревни Морщихинскую и Лёкшмозеро с северо-запада

Труфановский комплекс включает куст деревень, расположенный на восточном берегу Лёкшмозера и состоящий из Новосёлова, Казариновской, Ившенской. Когда-то богатые и обширные угодья заросли лесом. Открытые пространства сохранились в непосредственной близости к деревням. В Ившенской по инициативе местного жителя восстановлена часовня Святого Пантелеймона. Основная проблема управления этим культурно-ландшафтным комплексом заключается в сохранении здесь постоянного населения, что является чрезвычайно сложной задачей.

Место *Кириллово-Челмогорской пустыни* (пятый класс) выделено в отдельный комплекс, он имеет ассоциативную значимость как место утраченного монастыря. Бывшие монастырские постройки отмечают кресты с мемориальными надписями. Фрагменты исторического ландшафта — место кельи-землянки Кирилла Челмогорского; дерево, к которому по местному преданию его привязали разбойники; три кладбища (одно из них действующее); место монастырского выселка Пела; монастырские луга, старые ели и другие свидетели монастырской жизни.

Когда-то на Монастырском острове Наглимозера находился ещё один монастырь XVII века – *Аглимозерская пустынь* (в 1764 году – упразднена, церкви Тихвинской Божией Матери и Трёх Святителей были приписаны к Лёкшмозерскому приходу, до наших дней ни одна не сохранилась). Места старых построек маркируют памятные кресты. Память о бывшем здесь когда-то монастыре и храмах отмечается двумя почитаемыми в народе святынями – Николиным крестом и Николиным камнем, – расположенными у дороги, ведущей к Наглимозеру от Морщихинской.

Масельга-Гужовский комплекс расположен между тремя озёрами – Масельгой, Пежихерьем и Вендозером. При этом Масельгская часть комплекса расположена на высоком холме, ориентированном на озеро Масельгу, а Гужовская часть занимает холмистый, не заросший лесом полуостров и образует с прилегающими озёрами единое открытое пространство. Важную роль в формировании целостного комплекса играет церковь Александра Свирского (рис. 3), возвышающаяся на Хиж-горе – узкой гряде, расположенной между деревнями Масельгой и Гужово, от неё открываются далёкие перспективы на весь ландшафтный комплекс и окружающие его лесные дали. Ещё по одной узкой гряде к Масельге подходит дорога из Морщихинской – эта узкая озовая перемычка разделяет водоразделы Белого и Балтийского морей. Недалеко от Гужово начинается озёрно-канальная система «Левусозеро-Масельгское», а в трёх километрах от той же деревни, на Левусозере, восстановлена водяная мельница XIX века. Луговые пространства комплекса выкашиваются жителями Морщихинской. На месте деревни Масельга сохранилось несколько деревенских домов, построен летний экологический лагерь, традиционный крестьянский дом поставлен у озера для приёма гостей.

Рис. 3. Церковь Александра Свирского на Хижгоре

Порженская культурно-ландшафтная зона

Для целей включения в Список всемирного наследия здесь выделяется только один, *Порженский* культурно-ландшафтный комплекс (четвёртый класс), расположенный между Лёкшмозером и Кенозером на берегах небольших озёр, столь характерных для этой территории. Порженский комплекс сформировался на базе трёх деревень: Фёдоровской, Окатовской и Турова сельца, – и двух озёр: Порженского и Большего Порженского. Ещё недавно местные луга выкашивались бывшим совхозом Кенозерский, в настоящее время их поддерживает

национальный парк. Порженский комплекс выполняет функции связующего звена, объединяющего северную и южную части парка. Перспективность и значимость Порженского комплекса обусловлена не только его центральным положением, но и высокой ценностью расположенной на его территории Георгиевской церкви с рубленой оградой, входящей в список наиболее значимых памятников деревянного зодчества России (рис. 4).

Рис. 4. Ансамбль Порженского погоста в окружении святой рощи

Кенозерская культурно-ландшафтная зона

Это основная, наиболее обширная и разнообразная по составу зона делится на ряд относительно автономных подзон, каждая из которых связана с определённой частью Кенозера. Выделены *подзоны Кенозерского плёса (включая Глущевскую лахту), озера Долгого, озера Свиного и Почезера*.

В зоне тяготения *Кенозерского плёса* выделяется семь культурно-ландшафтных комплексов. Вдоль южной части озера располагаются наиболее крупные *Ведягино-Тырышкинский* и *Зехново-Ряпусовский* комплексы.

Ведягино-Тырышкинский комплекс относится ко второму классу, во всех деревнях (за исключением Ведягина) сохранилось постоянное население. Куст поселений включает деревни Ведягина, Горбачиха, Тырышкино, Семёново, Косицына. Все они расположены на берегах Глубокой Лахты и врезающейся в неё Катицкой Лахты. Доминирующее положение в ландшафтном комплексе занимает деревня Семёново, именно от неё видны многие другие поселения и ландшафты Кенозера. Местоположение Ведягина – это мыс, разделяющий Глубокую Лахту и озеро Домашнее. Деревни Тырышкино и Горбачиха разместились напротив друг друга на берегах узкой Катицкой Лахты. Когда-то Ведягино-Тырышкинский комплекс обладал обширными луговыми и пахотными

угодьями. Следует отметить относительно хорошую сохранность луговых массивов, расположенных в стороне от поселений, в частности севернее Косицына вдоль Катицкой Лахты. С этих лугов открываются далёкие перспективы на окрестности, здесь сохранились следы традиционного природопользования, в том числе валы по границам пашни, сложенные из валунов и заросшие старыми берёзами и можжевельником, остатки дорог и мелиоративных систем, переходы через ручьи и т.д. Ведягино-Тырышкинский комплекс имеет множество сакральных объектов. Здесь сохранились семь уникальных часовен и деревянная церковь апостола Андрея Первозванного, а также ценные гражданские постройки. В Горбачихе, Тырышкино, Семёново часовни стоят в святых рощах, наиболее крупная из которых – в Тырышкино. Часовни активно посещаются местными жителями и приезжающими гостями.

Зехново-Ряпусовский комплекс расположен на юго-восточном берегу Кенозерского плёса и включает 7 деревень: Спицына, Зехнова, Погост, Ряпусова, Майлахта, Сысово, Щанникова. Почти все деревни сохранили постоянное население, что позволяет отнести этот комплекс ко второму классу. В то же время обширные в прошлом сельскохозяйственные угодья, когда-то доходившие до Мудрозера, сегодня зарастают, возрастает мелкоконтурность лугов. Северная часть комплекса, базирующаяся на Ряпусовском кусте поселений, закрыта от остальной части акватории Кенозера Ряпусным островом, где располагается кладбище с архаичными формами захоронения. Часовня Иоанна Богослова в Зехново со святой рощей – одна из самых красивых в Кенозерье (рис. 5). На окраине деревни восстановлена водяная мельница. Несколько часовен в деревнях, Сретенский храм в д. Погост и кресты по лесным дорогам маркируют сакральное пространство комплекса. Из Майлахты выходит Ошевенский тракт, лесная дорога, связывающая Кенозерье с важным религиозным центром (Ошевенским монастырём) за его пределами.

Рис. 5. Часовня Иоанна Богослова в деревне Зехнова

В средней части Кенозерской зоны выделяется группа небольших культурно-ландшафтных комплексов, отнесённых к четвёртому классу. *Матёрский комплекс* сформировался на основе деревни Матёра. От бывшей деревни сохранилась и всё ещё посещается жителями окрестных деревень часовня Великомученицы Варвары со святой рощей. Остатки лугов не заросли только благодаря крестьянам из Вершинино, продолжающим здесь косить сено. На *Медвежьем острове* сохранились развалины дома и восстановлена Власьевская часовня. Луга продолжают выкашиваться крестьянами Вершинино. Особый интерес представляют святая роща, а также памятники сельскохозяйственного освоения — валунные гряды на границах полей, отмеченные правильными рядами крупных древовидных можжевельников. На *Мамоновом острове*, кроме лугов и места, где ещё недавно располагалась деревня, не сохранилось следов живого культурного ландшафта. Но для местного населения это памятное место. Здесь стояла Ильинская часовня, вывезенная в музей деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы», сохраняется поклонный крест, а на берегу можно увидеть камень, почитаемый местными жителями как исцеляющий недуги.

К северу от Косицына расположен *Тарасовский комплекс* (четвёртый класс), включающий две деревни – Тарасова и Бор. В Тарасовой сохранилась часовня Св. Афанасия Многомилостивого, поклонные кресты, выкашиваются луга. Деревня Бор не сохранилась, часовня сгорела, и на её месте установлен памятный крест. В устной культуре сохраняется предание о деревне и об исчезнувшем за одну ночь озере, вместо которого образовалась заболоченная низина. На мысу, напротив Вершинино, располагается деревня *Телицына*. Здесь ещё сохраняются открытые луга, играющие важную роль в организации береговых пейзажей. Сохранилась святая роща с поклонными крестами, установленными на месте бывшей часовни. На южной границе деревни находится интересный сакральный локус – несколько поклонных крестов при крупном экземпляре древовидного можжевельника.

Вершининский комплекс (первый класс) включает несколько поселений: Вершинино, Погост, Шишкина, Горы, Карпова. К ним примыкает деревня Глущева. Этот комплекс выполняет функцию связующего элемента между культурными ландшафтами Кенозерского плёса, Долгого озера и Глущевой Лахты. Вершинино является административным и активно развивающимся туристским центром. На территории комплекса проживает бóльшая часть населения Кенозерья. Здесь расположено несколько музеев, демонстрирующих традиционный уклад жизни Кенозерья и его историю. Пейзаж деревни венчает часовня Святителя Николая Чудотворца (рис. 6), восстанавливается каменная Успенская церковь в деревне Погост, есть несколько небольших часовен и две святых рощи, хорошо просматривающиеся во время путешествия по озеру. В Шишкинской роще силами местных жителей восстановлена часовня Тихвинской Божьей Матери.

Рис. 6. Никольская часовня в деревне Вершинино

Вокруг *Долгого озера* выделяются два культурно-ландшафтных комплекса: Тамбич-Лахтинский и Немятинский.

Тамбич-Лахтинский комплекс (третий класс) сформировался на базе деревень, расположенных на берегах Тамбич-Лахты. Особое место в комплексе занимают деревни Кривцова и расположенная в устье р. Тамбицы Тамбич-Лахта. Обширные угодья вокруг них, ныне используемые для сенокошения, связаны не только с Долгим озером, но и с расположенным в километре южнее Большим озером. До наших дней сохраняются часовни Святителя Филиппа митрополита Московского в Кривцово и Рождества Пресвятой Богородицы в Тамбич-Лахте с чрезвычайно выразительной и хорошо просматриваемой святой рощей. Вторая часть комплекса включает куст поселений: Тырнаволок, Городское, Бухалова, Качикову Горку, Бояриново, Раймова. При них сохраняются четыре часовни и две святых рощи. Зарастание сельскохозяйственных угодий угрожает утратой пока ещё чётких визуальных и функциональных взаимосвязей между поселениями данного комплекса и соседствующих с ним.

Немятинский комплекс (третий класс) располагается вдоль Чолмского прохода и включает деревни Немяту, Екимово, Захарова. Благодаря близости к Вершинино угодья Немятинского комплекса довольно активно используются. На территории деревни Немята сохраняются часовня Трёх Святителей, святая роща и остатками поклонных крестов.

На берегах *Свиного озера* выделяется четыре культурно-ландшафтных комплекса.

В *Чолминском комплексе* (третий класс) сохранились активно используемые луга и часовня Святых бессребреников Косьмы и Дамиана со святой рощей, расположенной при глубоком распадке, выходящем к Кенозеру.

Свиное – комплекс (третий класс) интересен тем, что здесь сохранились луга, связывающие в единую систему озёра Свиное, Глубокое и Долгое. Сохраняется часовня Ильи Пророка со святой рощей. Деревня Свиное используется лишь в летнее время, а Осташевская – исчезла полностью. Относительно близкое положение по отношению к Усть-Поче гарантирует дальнейшее использование луговых угодий.

Усть-Починский комплекс (первый класс) занимает ведущее положение среди комплексов Свиного озера. Он сформировался на основе трёх деревень – Подберезки, Усть-Почи, Мызы. На территории полуострова Суетин находится одна из наиболее живописных видовых точек. В Усть-Поче сохранилась часовня Николая Чудотворца, а в Мызе – две святые рощи, в одной из которых установлена местными жителями часовня благоверного Александра Невского. Сама Усть-Поча играет важную роль в сохранении многих культурных ландшафтов, расположенных по берегам Свиного озера и в непосредственной близости от него; её население продолжает активную хозяйственную деятельность и тем самым обеспечивает сохранность пространственной структуры культурного ландшафта.

Шуйлахтинский комплекс (второй класс) раскинулся на берегах залива Шуйлахта и залива Корминская лахта. Комплекс включает два куста деревень. Первый из них объединяет Рыжково, Глазово, Федосова, второй – Минина, Печихина и Ершово. Мининский куст деревень связан не только с Шуйлахтой, но и с Гамозером. Между Мининским и Рыжковским кустами деревень сохранились небольшие массивы взаимосвязанных друг с другом лугов – свидетельства земледельческой освоенности этих территорий в прошлом. Часть обширных луговых угодий активно используется. В Рыжково сохраняется постоянное население, что обусловлено близостью к Усть-Поче. В Глазово и Федосово несколько домов используются сезонно, в летнее время. На территории комплекса находятся 5 часовен и три святых рощи, все они представляют высокую историко-культурную ценность, но особо выделяется по своим художественным достоинствам и своеобразию местоположения в ландшафте отреставрированная часовня Сошествия Святого Духа в Глазово. В святой роще между Печихиным и Мининым расположены сразу две часовни – Святого Георгия Победоносца и Казанской Богоматери.

Почезерский комплекс (второй класс), расположен в северной части объекта номинации, на берегах небольших проточных озёр – *Почезера* и оз. Святого, связанных с рекой Поча. В основе его формирования лежит куст сёл и деревень – Филипповская, Строева горка, Каковиченская, Потеряевская, Будылгина. Все они, за исключением Потеряевской и Будылгина, занимают возвышенную гривку между озерами. В деревне Филипповской находится один из наиболее цен-

ных, недавно отреставрированных памятников деревянной архитектуры, отнесённых к объектам наследия федерального значения – храмовый ансамбль Почезерского погоста с двумя храмами и колокольней, кладбищем со святой рощей и рублеными оградами, о которых более подробно сказано в статье И.Н. Шургина. Из четырёх часовен сохранилась одна придорожная – Кирика и Улиты. Несколько традиционных крестьянских домов восстанавливаются силами национального парка. Сохранившиеся дома обитаемы сезонно, в летнее время.

На берегах *Кенорецкого плёса,* на Поромском острове располагается *Поромский комплекс* (третий класс), равно удалённый от большинства других комплексов Кенозерской зоны. Сохраняется деревня, используемая в основном в летний сезон. В деревне находится часовня преподобного Антония Сийского. Эта деревня хорошо известна фольклористам, здесь проживали представители известной сказительской династии Сивцевых, чьи «старины» записал в XIX веке собиратель русского фольклора А.Ф. Гильдфердинг.

Для сохранения культурных ландшафтов Кенозерского парка должна быть разработана комплексная программа его развития, ориентированная на решение не только системы природоохранных задач, но и на создание условий для нормальной хозяйственной, социальной и туристско-экскурсионной деятельности. В основу такой программы должны быть положены фундаментальная научная база, бережное отношение к природным и культурным ценностям, надёжная система связей с местными административными, хозяйственными и культурными сообществами. Культурно-ландшафтная дифференциация территории парка является важнейшей частью этой программы, поскольку только на её основе можно учесть разнообразие природных, социокультурных, экономических и других факторов, влияющих на возможность сохранения культурного и природного наследия парка, его вовлечения в современную жизнь.

Литература

1. *Веденин Ю.А.* Культурно-ландшафтное районирование России – ориентир культурной политики // Ориентиры культурной политики. Вып. 2. М.: Министерство культуры РФ, ГИВЦ МК РФ, 1997. С. 3–99.

2. *Туровский Р.Ф.* Культурные ландшафты России. М.: Российский НИИ культурного и природного наследия, 1998. 210 с.

3. *Калуцков В.Н.* Основы этнокультурного ландшафтоведения: уч. пос. М.: Изд-во МГУ, 2000. 96 с.

4. *Чалая И.П. Веденин Ю.А.* Культурно-ландшафтное районирование Тверской области. М.: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия, 1997. 286 с.

5. *Манаков А.Г.* Основы культурно-географической регионалистики: уч. пос. для вузов. Псков: ПГПУ, 2006. 188 с.

6. *Чалая И.П., Иванова И.Г.* Культурно-ландшафтная дифференциация территории национального парка «Угра». Культурный ландшафт как объект наследия. Под

ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004.

7. *Горбунов А.В., Кулешова М.Е.* Культурно-ландшафтное районирование территории Бородинского поля. Культурный ландшафт как объект наследия. Под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004.

8. *Веденин Ю.А., Тормосов Д.В.* Культурно-ландшафтная дифференциация территории Кенозерского национального парка // Культурный ландшафт как объект наследия. Под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 425–445.

9. *Веденин Ю.А., Козыкин А.В., Кулешова М.Е., Тормосов Д.В.* Программа сохранения культурных ландшафтов Кенозерья // Культурный ландшафт как объект наследия. Под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 532–548.

KENOZERIE TERRITORY: CULTURAL LANDSCAPE ZONING

Yu. Vedenin

vedenin37@gmail.com

Institute of Geography of the Russian Academy of Science,
Moscow, Russia

Abstract. *Cultural landscape zoning of Kenozerie is based on the idea of its being a cultural and landscape complex as historically developed and territorially localized system, including rural settlements, economic grounds, social and religious infrastructure in their ratio with natural features of the area. Within borders of the sites offered for nominating into the World Heritage List, 21 cultural and landscape complexes were allocated. Special attention is paid to the objects of cultural heritage which defined characteristic features of each complex and on the need for their preservation. This article uses materials developed together with D.V. Tormosov.*

Keywords*: Cultural landscape zoning, cultural and landscape zone, subzone, complex, cluster, lake reaches, lachtas, set of villages, functional and planning connections, integrity.*

For citation: Vedenin Yu. Kenozerie territory: cultural landscape zoning. *Heritage and Modern Times.* 2019;2(2):20–34.

References

1. *Vedenin Ju.A.* Kul'turno-landshaftnoe rajonirovanie Rossii – orientir kul'turnoj politiki // Orientiry kul'turnoj politiki. Vyp. 2. M.: Ministerstvo kul'tury RF, GIVC MK RF, 1997. S. 3–99.

2. *Turovskij R.F.* Kul'turnye landshafty Rossii. M.: Rossijskij NII kul'turnogo i prirodnogo nasledija, 1998. 210 s.

3. *Kaluckov V.N.* Osnovy jetnokul'turnogo landshaftovedenija. Uchebnoe posobie. M.: Izd-vo MGU, 2000. 96 s.

4. *Chalaja I.P. Vedenin Ju.A.* Kul'turno-landshaftnoe rajonirovanie Tverskoj oblasti. M.: Rossijskij nauchno-issledovatel'skij institut kul'turnogo i prirodnogo nasledija, 1997. 286 s.

5. *Manakov A.G.* Osnovy kul'turno-geograficheskoj regionalistiki. Uchebnoe posobie dlja vuzov. Pskov: PGPU, 2006. 188 s.

6. *Chalaja I.P., Ivanova I.G.* Kul'turno-landshaftnaja differenciacija territorii nacional'nogo parka «Ugra». Kul'turnyj landshaft kak ob"ekt nasledija. Pod red. Ju. Vedenina, M. Kuleshovoj. M.: Institut Nasledija; SPb.: Dmitrij Bulanin, 2004.

7. *Gorbunov A.V., Kuleshova M.E.* Kul'turno-landshaftnoe rajonirovanie territorii Borodinskogo polja. Kul'turnyj landshaft kak ob"ekt nasledija. Pod red. Ju. Vedenina, M. Kuleshovoj. M.: Institut Nasledija; SPb.: Dmitrij Bulanin, 2004.

8. *Vedenin Ju.A., Tormosov D.V.* Kul'turno-landshaftnaja differenciacija territorii Kenozerskogo nacional'nogo parka // Kul'turnyj landshaft kak ob"ekt nasledija. Pod red. Ju.A. Vedenina, M.E. Kuleshovoj. M.: Institut Nasledija; SPb.: Dmitrij Bulanin, 2004. С. 425–445.

9. *Vedenin Ju.A., Kozykin A.V., Kuleshova M.E., Tormosov D.V.* Programma sohranenija kul'turnyh landshaftov Kenozer'ja // Kul'turnyj landshaft kak ob"ekt nasledija. Pod red. Ju.A. Vedenina, M.E. Kuleshovoj. M.: Institut Nasledija; SPb.: Dmitrij Bulanin, 2004. С. 532–548.

Сведения об авторе

Веденин Юрий Александрович, доктор географических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института географии Российской Академии наук. Москва, Россия.
E-mail: vedenin37@gmail.com

Author of the publication

Yuri Vedenin, Doctor of Geography, Professor, Leading Research Fellow of the Institute of Geography of the Russian Academy of Science. Moscow, Russia.
E-mail: vedenin37@gmail.com

Дата поступления 16.02.2019

УДК 911

ФЕНОМЕН КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА КЕНОЗЕРЬЯ

М.Е. Кулешова
culturalandscape@mail.ru

Москва, Россия

Аннотация. *Культурные ландшафты составляют важную группу объектов Списка всемирного наследия, и устойчивое увеличение их количества свидетельствует об осознании необходимости комплексного подхода к защите наследия, реализуемого через ландшафтные методы исследований. Из разнообразных сельских ландшафтов России, Кенозерье – первый, имеющий основания быть отнесённым к наследию мировой значимости. Особенности его устроения и характерные черты – предмет настоящей статьи.*

Ключевые слова: *Кенозерье, культурный ландшафт, радиально-кольцевая структура ландшафта, сакрализация ландшафта, планировочные связи, центры, функции ландшафта, всемирное наследие.*

Для цитирования*:* Кулешова М.Е. Феномен культурного ландшафта Кенозерья. *Наследие и современность = Heritage and Modern Times.* 2019;2(2):35–48.

Русский Север, в силу исторических и географических причин, оказался периферийной зоной по отношению к столичным центрам России и благодаря тому сохранил многие свои архаичные черты и, в частности, реликтовые культурные ландшафты, отличающиеся яркой индивидуальностью. Среди безбрежной тайги и болот сформировались очаги сельского расселения, где северный крестьянин создал и сохранил до сегодняшнего дня свой удивительный микрокосм, воплощённый в пространственной структуре поселений и угодий, мифах и духовных традициях, устройстве быта и хозяйства, сакральном осмыслении окружающего мира [1]. Из самого названия – Кенозерье – следует, что это край поозёрный. На территории Кенозерского национального парка насчитывается более двух сотен озёр, из которых два крупных – Кенозеро и Лёкшмозеро. Озёрные системы определили здесь формирование расселенческих систем. Водно-ледниковыми процессами, а также и тектоническими (в северной части парка) сформирован рельеф всхолмлённой равнины, элементы которого послужили основой последующей мозаики культурного ландшафта. Кенозеро попадает в зону соприкосновения Балтийского щита и Русской платформы, поэтому исключительна роль тектонических процессов в его формировании и принципиально отличие его от округлого с мягким силуэтом берега ледникового Лёкшмозера. Кенозеро состоит из многочисленных плёсов и лахт, создающих обстановку камерного, уютного для деревень размещения (см. статью Веденина Ю.А.), сходного с размещением на небольших озёрных системах по соседству.

Радиально-кольцевая структура культурного ландшафта

В качестве культурных ландшафтов, расположенных в границах Кенозерья, рассматриваются исторически сформировавшиеся в результате гармоничного взаимодействия природы и культуры целостные территориальные комплексы. Их устойчивыми структурообразующими элементами являются отдельные сельские поселения или их группа (куст), система хозяйственных и промысловых угодий (озёра, поля, луга, лесные массивы), сакральные локусы пространства, связующая дорожно-тропиночная сеть. Эти элементы объединяются друг с другом через систему функциональных, планировочных и визуальных взаимосвязей, обеспечивающих целостность ландшафтного комплекса [2].

Крестьянский ландшафт Кенозерья характеризуется центрической радиально-кольцевой полизональной структурой (рис. 1). Его центром является деревня в границах застройки. Вокруг формируется несколько зон, различаемых по характеру природопользования. Очевидно, что ближними к селитьбе будут акватория озера (поскольку мы имеем дело с поозёрным типом расселения) и массивы общинных полей с небольшими перелесками, образующие вместе с озером пояс открытого пространства. Следующая, весьма обширная, зона – мозаичное чередование полян и лесов. Поляны и луга сосредоточены вдоль основных дорог, соединяющих деревню с соседними поселениями, либо с дальними озёрами и связанными с ними рыболовными и охотничьими угодьями. Далее они сменяются лесными и озёрно-лесными промысловыми угодьями. Периферийная зона лесов, болот и малых озёр – обязательная составляющая культурного ландшафта. В акваториальной зоне на Кенозере находятся островные и полуостровные кладбища с архаичными формами захоронений. Акваториальная зона важна в рыбопромысловом и транспортном отношении. Акватория озера пространственно разъединяет, но визуально объединяет различные кусты деревень. В прошлом существовали и звуковые связи — колокольные звоны в дни приходских и часовенных праздников.

В облике культурного ландшафта отразилось влияние подсечно-огневого земледелия, применявшегося до конца 1940-х годов XX века. Таким образом, площадь и конфигурация сельскохозяйственных земель до середины прошлого века были подвержены флуктуациям – отдельные участки то освобождались из-под леса, то вновь зарастали. Это увеличивало мозаику ландшафта за счёт наличия серии сукцессионных производных биоценозов. Многие из опоясывающих деревни березняков, осинников и ольшанников – бывшие поля, о чем свидетельствуют террасированные склоны холмов (д. Ведягина) и следы обваловки бывших полей (д. Тырышкино). Можно полагать, что при этом существовали устойчиво и постоянно воспроизводимые лесные участки и участки полевых угодий (локусы леса и локусы поля), континуальность перехода между которыми обеспечивала целая гамма их модификаций и флуктуаций состояния.

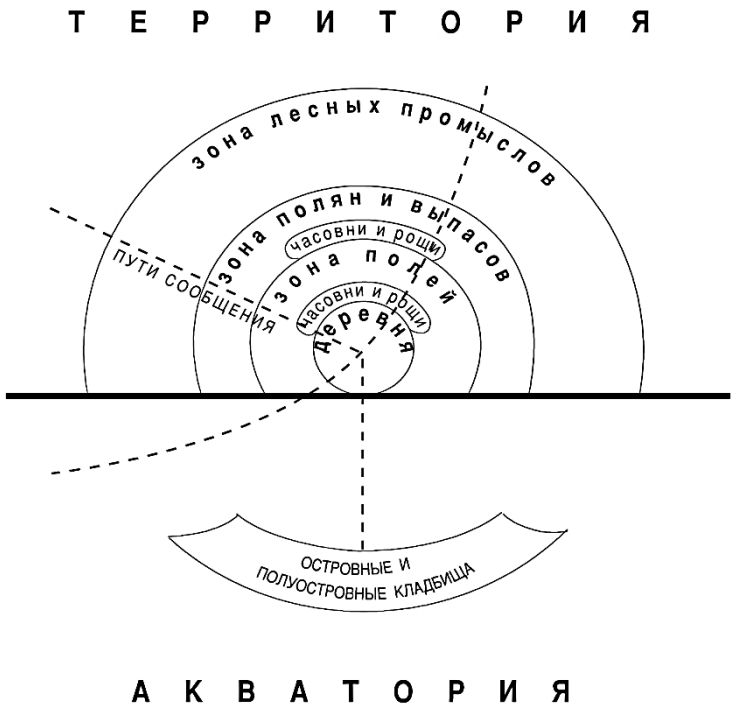


Рис. 1. Принципиальная модель культурного ландшафта Кенозерья

Колхозный строй изменил отношения собственности, но не повлиял на пропорции исторического ландшафта. Именно исторические общинные поля образуют плотное кольцо открытых угодий вокруг деревни. Личные угодья – поляны – размещались дальше. Устойчиво различаемые местным населением до настоящего времени топосы – поля и поляны – позволяют проникнуть в историю культурного ландшафта Кенозерья. Сегодняшний образ жизни и хозяйства перешёл в состояние реликта, а реликты всегда особенно уязвимы. По-видимому, в наименьшей степени подвержены зарастанию и упорно поддерживаются местным сообществом поля, образующие своеобразный хозяйственный каркас культурного ландшафта.

Переход от деревни как жилого и застроенного места с селитебными, сакральными и хозяйственными функциями к окружающим угодьям с преимущественно хозяйственными и локально сакральными функциями, а затем к дальним угодьям с преимущественно лесохозяйственными и локально сельскохозяйственными функциями имеет диффузный характер. Соотношение между полем и лесом постепенно менялось в пользу последнего. Сетка лесных троп и дорог долгое время «держала» пространственную структуру этих угодий. Такие промыслы, как охота и рыбная ловля, определяли пограничье культурного ландшафта, его лесную окантовку, практически лишенную физиономических культурных черт (если не считать редких обетных крестов на лесных тропах да охотничьих избушек, некоторые из их архаичных

форм ещё можно увидеть – рис. 2). Пограничье осваивалось крестьянской культурой ментально и прагматически. Ментальное освоение привело к персонификации, созданию одухотворённых образов мира дикой природы и упорядочило отношения с ним. Физический же облик периферии крестьянского культурного ландшафта определяется чисто природными зависимостями и закономерностями. Культурная составляющая ландшафта в этой зоне часто представлена в виртуальной форме – в памяти местных старожилов, в их фольклоре.

Рис. 2. Охотничья избушка Зехново-Ряпусовского культурно-ландшафтного комплекса

Сакральное наполнение культурного ландшафта

Историко-культурный феномен территории Кенозерья заключается в том, что ландшафт обладает исключительно высокой плотностью насыщения сакральными объектами — часовнями, церквями, крестами, святыми рощами, почитаемыми камнями и деревьями, активно участвующими в жизни крестьянского сообщества, что подтверждается материальными свидетельствами (обилием приносимых пелён, платов, иконок и иной атрибутики общения с сакральным миром). Сохранность этих объектов, их архитектурно-художественное воплощение и поддержание традиции в Кенозерье уникальны.

Сакральное озн*а*чение пространства находилось в системе определённой иерархии – от монастырей и приходских храмов до часовен и крестов (см. статью Ведерниковой Н.М. и Мелютиной М.Н.). Характерная индивидуальная черта Кенозерья – святые рощи – занимали

и занимают в этой системе особое место. Они предваряют воздвижение погостов, часовен и крестов, либо постепенно нарастают при них, либо имеют самостоятельную сакральную семантику. Следует отметить, что сакрализация других природных объектов – водных источников, камней и отдельных деревьев (елей, старых древовидных можжевельников и кряжистых сосен) – далеко не массовое явление в Кенозерье, но, тем не менее, такие объекты регистрируются.

Монастырское освоение территории проходило в основном в южной, Лёкшмозерской её части; основным религиозным центром был Макарьевский монастырь, ввиду его удалённости и руинированности оставшийся за пределами номинирумого объекта, но в пределах его буферной зоны.«Хождение к Макарию» буквально «держало» взаимосвязи между удалёнными расселенческими кустами. Эту функцию в современном ландшафте наследует Порженский погост, находящийся в планировочном центре парка.

В каждой из групп поселений, иногда состоящей из нескольких кустов деревень, был свой храм – основной сакральный центр системы, как правило, совпадающий с административно-хозяйственным центром, и отдельное кладбище. Храмы и кладбища служат сегодня индикаторами таких групп. Обращает внимание распределение храмов по территории – оно почти меридиональное, проходящее по оси Кенозерского национального парка, как бы с передачей визуально-звуковой эстафеты от одного храма к другому в системе расселения на начало XX века. Если смотреть с юга, от утраченных Богоявленского и Успенского храмов Кириллово-Челмогорской пустыни с южного берега Лёкшмозера, их цепь составляют: Георгиевский храм (руинирован) в д. Казариновская по восточному берегу Лёкшмозера – Петропавловский храм в д. Морщихинская на северном берегу Лёкшмозера – церковь Александра Свирского на Хижгоре (Масельга) – Ильинская церковь (утрачена) в д. Думино – Георгиевский храм (Порженский погост) в д. Фёдоровской – церковь Андрея Первозванного в д. Ведягина – Сретенский храм на Ряпусном берегу Кенозера в д. Погост – Успенский храм в д. Вершинино (Погост) – церкви Обретения главы Иоанна Предтечи и Происхождения честных древ животворящего креста Господня на Почезерском погосте (рис. 3). Основная ось природного каркаса территории прослеживается почти в том же ландшафтном коридоре: от истоков реки Лёкшмы и Лёкшмозера через малые озерные системы в центре парка (Масельгскую, Долгозерскую и Порженскую), гидрологически взаимосвязанные либо зависимые от единых узлов распределения стока, через реку Порженку к Кенозеру, а затем от устья р. Поча к Почезеру.

Рис. 3. Распределение на местности сохранившихся и утраченных храмов

Сакральные центры – часовня или храм – в системе внутренней организации культурного ландшафта в большинстве случаев занимают возвышенное местоположение при деревне с прилегающими к ней полями. Наиболее яркие примеры – Никольская часовня в Вершинино, часовня Иоанна Богослова в Зехнова, Сретенская церковь в д. Погост. Их архитектура увеличивает высотные градиенты местности, они служат высотными доминантами и ориентирами. Храмы центрируют пространство не столько собственной деревни, сколько всего куста деревень. Это свойственно и Кенозерью, и Лёкшмозерью с Масельгой, и Почезеру, и Порженскому погосту. Некоторые часовни, стоящие в стороне от деревень, на основных дорогах, имеют скромные, если не миниатюрные, размеры и часто «прячутся» в святых рощах. Зато силуэты святых рощ, как правило, очень хорошо выделяются даже с большого расстояния из-за преобладания в них старовозрастных хвойных деревьев, ещё различимых среди полей и мелколесий. Часовня служит индивидуальным, «личным» сакральным центром деревни.

Помимо высотных доминант, часто на уступах рельефа, строители часовен и храмов избирали береговые мысы, крупные острова и полуострова, места впадения в озёра водотоков. Находясь на относительно низких гипсометрических уровнях, такие сакральные объекты, тем не менее, центрируют пространство вокруг себя, находясь в центре обширного амфитеатра. Такова часовня Сошествия Святого Духа в Глазово, стоящая как бы «на водах», а именно – на узкой перемычке протяжённого полуострова, расположенного между двумя лахтами, которая в половодье подтопляется, и оконечность полуострова может превратиться в остров. С трёх сторон от часовни, по береговым склонам размещались деревни – Глазово, Гора и Лепехино, из них фрагментарно сохранилась только первая. На оконечности протяжённого полуострова, на низкой озёрной террасе стоит главный храм Кенозерья – церковь Успения на Погосте в Вершинино (рис. 4). Эта местность в прошлом существовала как остров, при храме было кладбище (под современной застройкой). Существовала здесь также и деревянная Никольская церковь, в «подобие каменной» [3]. В Кенозерье немало подобных примеров. Тяготение к околоводным местоположениям демонстрируют и бывшие монастыри.

Рис. 4. Вид от деревни Вершинино на деревню Погост

У «краевых» по отношению к деревне часовен обычно располагаются святые рощи, при «центральных» часовнях остаются лишь группы заветных деревьев. Святая роща всегда занимает граничное положение, фиксируя планировочную структуру ландшафта – на границе поля и леса, селитьбы и поля, в пограничье между деревнями, на границе с озером. Таким образом, святые рощи – важнейшие визуально считываемые маркёры культурного пространства Кенозерья (рис. 5). Очевидна связь святых рощ и часовен, но не всегда они сопутствуют друг другу (см. статью Ведерниковой Н.М. и Мелютиной М.Н.). Если в роще отсутствует часовня, то нередко там находится крест. В ряде случаев кресты поставлены на месте разрушенных часовен (в рощах у деревень Телицина, Бухалово), но они могут быть поставлены в роще и вне связи с часовней (крест в святой роще на о. Медвежьем). При храмах рощи отсут-

ствуют, за исключением случаев, когда при церкви находится кладбище. В Кенозерском национальном парке проведена инвентаризация святых рощ, их насчитывается более сорока, зафиксированы их основные породно-возрастные и размерные параметры [4]. Основу рощи всегда составляют хвойные деревья – ель, сосна, иногда в их составе доминирует лиственница (Порженский погост), наиболее старые деревья имеют возраст 200 и более лет. Святые рощи являются характерной физиономической чертой культурного ландшафта в окрестностях Кенозера и в центральных районах между Кенозером и Лёкшмозером, но почти не встречаются в окрестностях Лёкшмозера.

Рис. 5. Вид от деревни Семёнова на деревню Горбачиха со святой рощей

Помимо того, что роща как отдельный компонент ландшафта тяготеет к его возвышенным местоположениям, в частности, небольшим холмам или береговым уступам, во многих случаях она размещается там, где есть водные источники — ручьи и родники, как например роща при Варваринской часовне в д. Матёра или при часовне Иоанна Крестителя в д. Горбачиха. Сакральная география русского Севера [5] прекрасно иллюстрируется теми ландшафтными картинами, которые мы можем наблюдать в Заповеданном Кенозерье [6; 7].

Некоторые закономерности обживания культурного ландшафта

Поселения Заповеданного Кенозерья сохраняют традиционную планировку, застройку, структуру и даже художественный декор (резьба по дереву и раскраска) жилищ. Формированию архитектурно-пространственной среды северорусских поселений и, в частности, кенозерских деревень, посвящена фундаментальная работа Ю.А. Ушакова [8]. Тем не менее, возможно выявить новые их особенности, уточнить некоторые ранее сделанные обобщения, акцентировать внимание на различиях кенозерского и лёкшмозерского типов поселений.

Если деревни образуют расселенческий куст, между ними, как правило, существуют хорошие коммуникационные связи и визуальная «перекличка», то есть в Кенозерье они визуально доступны друг другу с основных высотных доминант (см. также статью Колбовского Е.Ю.). Между расселенческими кустами также наличествуют визуальные связи благодаря поозёрному типу размещения и тяготению к склоновым поверхностям, когда планировка деревни развёрнута по вертикали: от приозёрных террас вверх по угору. По угорам расположена преобладающая часть деревень, что особенно отчётливо просматривается на Кенозере. Благодаря сетке тектонических разломов, на которую попадает этот водоём, и деятельности ледника, озеро членится многочисленными островами и полуостровами, имеет множество далеко вдающихся в сушу лахт, его береговая линия чрезвычайно изрезана. Только некоторые деревни на Кенозере занимают относительно низкие и плоские местоположения — аккумулятивные мысы-наволоки (например, Тырнаволок, Ведягина, Погост), приустьевые острова и полуострова (Поромское, Тамбич-Лахта).

Излюбленное положение деревни на Кенозере – на мысу или на углу, между основной акваторией Кенозера и его отчленёнными секторами и лахтами. В этом случае предпочтение отдаётся не основной акватории Кенозера, а глубоко вдающейся лахте или небольшому заливу, которые определяют основную планировочную ось деревни. В ситуациях, когда факторы географической экспозиции и отнесённости к линии берега «конфликтуют», возникает более свободная и менее детерминированная планировка. Пример – д. Горбачиха, расположенная на углу между лахтой и основной акваторией.

Лёкшмозеро, в отличие от Кенозера, окружено довольно обширными и невысокими приозёрными террасами, на которых разместились поселения. Из-за невыразительного рельефа их силуэты с озера слабо вычленяются, хотя правильная форма озёрной котловины обеспечивает визуальную доступность между ними. Единственными планировочными акцентами, формирующими силуэт поселений, являются храмы, из которых сохранилось два (в д. Морщихинской и руинированный – в д. Казариновской). Планировочная структура Морщихинской уникальна для рассматриваемой территории – фактически, это конгломерат мелких сросшихся деревень, сохранивших свои индивидуальные наименования, которые можно рассматривать как «околки» единого поселения. Труфаново также состоит из групп деревень, но они пространственно разделены, как и кенозерские деревни, образующие кустовые системы (хотя эти последние не обладают, за редким исключением, общими «кустовыми» топонимами). Характерная черта поселений – колодцы-журавли, которых в северной части практически нет (рис. 6).

Рис. 6. Дом в деревне Морщихинская с характерным колодцем-журавлём

Размер деревень относительно невелик – до 20–25 дворов (до середины прошлого века их число составляло до 40–60), число круглогодично обитающих в них (исключая административные центры) жителей исчисляется единицами. Планировка деревень достаточно компактная и подчиняется конфигурации береговой линии, рельефу и географической экспозиции. Общая композиция всегда живописна и нередко производит впечатление свободной застройки из-за почти полного отсутствия прямолинейных осей. Местные традиции и исторические катаклизмы вынуждают дома «переезжать», возраст дома далеко не всегда совпадает со временем его нахождения в конкретном месте – у домов бывают сложные «биографии».

По представлениям местного сообщества, дома должны «смотреть» на церковь или часовню. Хотя такая зависимость прослеживается, но имеет она, видимо, вторичное происхождение. Деревня разворачивается фасадами домов прежде всего на юг и восток, реже – на юго-запад, и никогда – на север. Часовня или храм могут быть поставлены с учётом этого обстоятельства, то есть южнее основного пятна застройки, но жёсткой зависимости в их взаиморазмещении нет. Например, в д. Погост (Ряпусовский берег) Сретенская церковь стоит вверх по склону восточнее основной застройки, а фасады домов ориентированы на юг и запад (озеро). В д. Косицина часовня св. Анастасии поставлена с северного края деревни – то есть совсем не с фасадной стороны. В подобных ситуациях, этика отношений с сакральным объек-

том поддерживается путём размещения его в иных «достойных» в планировочном отношении местах – это доминирующая высота (д. Погост) или замыкание (завершение) основной планировочной оси деревни (д. Косицина). Краевое (преимущественно) положение часовни относительно деревни может смениться центральным – деревня разрастается, и дома обступают часовню или храм (часовни Иоанна Богослова в Зехнова, Фрола и Лавра в Семёново, Никольская в Усть-Поче).

а – вид спереди

б – вид сзади

Рис. 7 *а, б*. Никольская часовня по дороге Горбачиха-Ведягина, вид спереди и сзади

Результаты экспедиционных обследований показывают, что границы поселений, как правило, совпадают с большими и малыми природными рубежами – берегами водоёмов, водотоками, сырыми логами и распадками, уступами рельефа, лесными опушками. Что касается лесных опушек, то этот рубеж вторичный и имеет природно-культурный генезис, но он коррелирует с природными градиентами, например, с изменением почвенно-грунтовых условий, особенностями мор-

фоструктуры рельефа, гидрологических и гидрогеологических показателей. Кроме того, граница маркируется местными жителями, устанавливающими изгородь, препятствующую свободному перемещению домашнего скота, однако при исследовании структуры культурного ландшафта она важна как способ идентификации местным сообществом обживаемого им пространства. Изгороди дифференцируют внутреннее пространство деревни, разделяют различные функциональные локусы и одновременно участвуют в формировании эстетики ландшафта. При выходах и входах в деревню нередко стоят часовни и кресты (рис. 7 *а, б* и рис. 8), также имеющие порубежное назначение, функцию охраны входов на основных планировочных осях, по которым происходит обмен с внешним миром. На ручьях и речках, которые нередко служили границей деревни, ставились мельницы (две мельницы в Зехнова, где одна из них восстановлена и музеефицирована, в Горбачихе, в Росляково; в Матёре сохранился мельничный камень, в Фёдоровской – тоже), утилитарные функции которых на сегодня исчерпаны. Совсем в недавнем прошлом их ландшафтообразующая роль была весьма существенна – в совокупности они оказывали значительное влияние на колебания уровня воды в озёрах, поддерживая его на 1–1,5 м выше. Но сегодня они живут в народном сознании, запечатленные в произведениях фольклора, а также в музейной дидактике, будучи восстановленными Кенозерским национальным парком.

Рис. 8. Поклонный крест на окраине деревни Зехнова

Несмотря на существенные цивилизационные изменения, произошедшие в начале XXI века, многие реликты традиционного образа жизни сохраняются в «Заповеданном Кенозерье», причём не только по инерции, но и целенаправленно, что стало возможным благодаря созданию института охраняемых территорий и расширению их миссии. Это способствует реабилитации местных традиций, форм природопользования, строительства, духовных практик. Восстанавливаются полуразрушенные часовни, освящаются вновь алтари осквернённых когда-то храмов, устанавливаются новые и сберегаются старые кресты в сакральных точках пространства. Культурный ландшафт продолжает жить и развиваться сообразно своим внутренним законам, хотя и отличается чрезвычайной уязвимостью, как любой культурный реликт. Функциональная и планировочная периферия ландшафта всегда будет претерпевать изменения, адаптируясь к общим цивилизационным процессам. Но важно сохранить его ключевые структуры, формы и функции, которые определяют его индивидуальность и признанную мировым сообществом историко-культурную исключительность.

Литература

1. *Критский Ю.М.* Кенозерье: история и культура: очерки, материалы, исследования: монография. Архангельск, 2005. 207 с.

2. *Кулешова М.Е.* Функционально-планировочная организация крестьянских культурных ландшафтов Кенозерья / Культурный ландшафт как объект наследия. М.: Институт наследия; СПб. Дмитрий Буланин. 2004. С. 247–285.

3. *Гунн Г. П.* Каргопольский озерный край. М.: Искусство, 1984. 184 с.

4. *Бастрыкин Е.А., Козыкин А.В., Коптев С.В, Косарев В.П., Третьяков С.В.* Инвентаризация «святых» рощ, старинных троп и дорог как компонентов культурных ландшафтов. Оценка их состояния, динамики. Выработка рекомендации по их сохранению или реконструкции. 2000 г. Архангельск, рукопись. Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф.1. Оп. 2. Д. 62.

5. *Теребихин Н.М.* Сакральная география Русского Севера. Архангельск. 1993. 222 с.

6. *Конкка А.П.* Сакральная география Кенозерья: почитаемые рощи, кладбища и обетные кресты // Полевые исследования и архивация фольклорных и этнографических материалов. Петрозаводск, 2012. С. 102–119.

7. *Мелютина М.Н., Теребихин Н.М.* Сакральный ландшафт Кенозерья. Архангельск, 2013. 202 с.

8. *Ушаков Ю.А.* Ансамбль в народном зодчестве русского Севера (пространственная организация, композиционные приемы, восприятие). Л., 1982. 168 с.

KENOZERIE CULTURAL LANDSCAPE PHENOMENON

M. Kuleshova
culturalandscape@mail.ru

Moscow, Russia

Abstract. *Cultural landscapes comprise an important group of World heritage sites, and their quantity steady increase demonstrates awareness, that complex approach towards heritage protection, based on landscape methods, is needed. Choosing from various Russian rural landscapes, Kenozerie is the first, having the reasons to be regarded as world worth. The subject of this article is cultural landscape features and characteristics.*

Keywords: *Kenozerie, cultural landscape, radial and ring structure of a landscape, landscape sacralization, planning communications, centers, functions of a landscape, world heritage.*

For citation: Kuleshova M. Kenozerie cultural landscape phenomenon. *Heritage and Modern Times.* 2019;2(2);35–48.

References

1. *Kritskij Ju.M.* Kenozer'e: istorija i kul'tura: ocherki, materialy, issledovanija: monografija. Arhangel'sk, 2005. 207 s.

2. *Kuleshova M.E.* Funkcional'no-planirovochnaja organizacija krest'janskih kul'turnyh landshaftov Kenozer'ja / Kul'turnyj landshaft kak ob"ekt nasledija. M.: Institut nasledija; SPb. Dmitrij Bulanin. 2004. C. 247–285.

3. *Gunn G. P.* Kargopol'skij ozernyj kraj. M.: Iskusstvo, 1984. 184 s.

4. *Bastrykin E.A., Kozykin A.V., Koptev S.V, Kosarev V.P., Tret'jakov S.V.* Inventarizacija «svjatyh» roshh, starinnyh trop i dorog kak komponentov kul'turnyh landshaftov. Ocenka ih sostojanija, dinamiki. Vyrabotka rekomendacii po ih sohraneniju ili rekonstrukcii. 2000 g. Arhangel'sk, rukopis'. Nauchnyj arhiv FGBU «Nacional'nyj park «Kenozerskij». F.1. Op. 2. D. 62.

5. *Terebihin N.M.* Sakral'naja geografija Russkogo Severa. Arhangel'sk. 1993. 222 s.

6. *Konkka A.P.* Sakral'naja geografija Kenozer'ja: pochitaemye roshhi, kladbishha i obetnye kresty // Polevye issledovanija i arhivacija fol'klornyh i jetnograficheskih materialov. Petrozavodsk, 2012. S. 102–119.

7. *Meljutina M.N., Terebihin N.M.* Sakral'nyj landshaft Kenozer'ja. Arhangel'sk, 2013. 202 s.

8. *Ushakov Ju.A.* Ansambl' v narodnom zodchestve russkogo Severa (prostranstvennaja organizacija, kompozicionnye priemy, vosprijatie). L., 1982. 168 s.

Сведения об авторе

Кулешова Марина Евгеньевна, кандидат географических наук, независимый эксперт по культурным ландшафтам, член Научно-методического совета по культурному наследию Минкультуры РФ, член общественных организаций – Национального Комитета ИКОМОС, МСОП, ВООПИиК.
E-mail: culturalandscape@mail.ru

Author of the publication

Marina Kuleshova, Ph.D. in Geogr., independent expert on cultural landscapes, member of Scientific Methodological Council on Cultural Heritage within the Russian Federation Ministry for Culture, member of public organizations – National Committee of ICOMOS (Russia), IUCN, VOOPIiK.
E-mail: culturalandscape@mail.ru

Дата поступления 04.05.2019

УДК 911.3

ГЕОСИСТЕМНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КЕНОЗЕРСКОГО КУЛЬТУРНО-ЛАНДШАФТНОГО РЕЛИКТА

Е.Ю. Колбовский
kolbowsky@mail.ru

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Аннотация: *Обозначены основные иерархические уровни организации культурного ландшафта Кенозерья, обусловленность его развития заданным инвариантом природного местоположения, его изменчивость и устойчивость. В качестве референтного выбрано состояние территории на середину XIX в., характер освоения которой сложился до эпохи трансформации русской поземельной общины. Реконструкция основных элементов культурного ландшафта проведена посредством гис-моделирования с использованием исторических карт и верифицирована в ходе специальных полевых исследований. К характерным признакам культурного ландшафта Кенозерья отнесены «привилегированное» положение ранее распахиваемых полей на привершинных мезоформах рельефа и своеобразные (вплоть до округлых) их очертания. Нельзя не отметить также высочайшие эстетические достоинства ландшафта.*

Ключевые слова*: культурный ландшафт Кенозерья, факторы его формирования, признаки уникальности, иерархические уровни организации, проблемы сохранения, ландшафтно-хозяйственный ареал, куст деревень.*

Для цитирования*:* Колбовский Е.Ю. Геосистемные закономерности формирования Кенозерского культурно-ландшафтного реликта. *Наследие и современность = Heritage and Modern Times*. 2019;2(2):49–63.

Постановка проблемы: Кенозерье как культурный ландшафт

Несмотря на уникальность природы «Озёрного Края» Российского Севера (как тут не вспомнить Уодсворта и Джона Раскина!), Кенозерье – безусловно культурный ландшафт, обладающий всеми признаками такового в традиционном общеевропейском понимании, поскольку:

– является результатом декомпозиции элементов природного ландшафта и агрегирования («сборки») их в качественно новую жизнеобеспечивающую систему;

– обладает особыми свойствами экологической устойчивости, происходящей из рациональности и многовековой осознанности локального варианта жизни человека во вмещающем пространстве;

– представляет собой палимпсест – многослойную мозаику с наслоением признаков разных исторических эпох;

– несёт черты социологического феномена, связанного с особенностями положения крестьян, и правовых отношений, реализовавшихся в ходе освоения северных «фронтирных» земель;

– является этническим «произведением», «русскость» (по аналогии с "*Englishness*") и «православность» которого очевидна и поныне;

– наконец (но не в последнюю очередь), сохраняет уникальные эстетические свойства, проявляющиеся на нескольких иерархически гармоничных пространственных уровнях.

К сожалению, независимо от уникальности и красоты культурный ландшафт не саморегулируется в рамках общеизвестной тезы Барри Коммонера – *"Nature knows best"* – поскольку многовековой труд многих поколений российского крестьянства «съедается» природой за несколько десятилетий. «Одичание» (термин В.П. Семёнова-Тян-Шанского [1]) не миновало и кенозерский ландшафт: печальные его признаки неравнодушный взгляд обнаружит и в покосившихся избах, и в зарастающих бурьяном лугах, и в пропадающих среди леса удивительных пахотных угодьях… Кенозерский национальный парк (в числе немногих в России) создавался, прежде всего, для охраны уникального культурного ландшафта. Охрана в данном случае – это активное действие по поддержанию четырёх важнейших «ключей» данного феномена – структуры, функции, традиций обустройства и особой «метафизики» [2; 3].

Всякая деятельность (чтобы не навредить!) нуждается в опережающем знании, иными словами мы должны представлять, какую именно архитектонику культурного ландшафта следует считать действительно аутентичной, в каком состоянии эта уникальность может быть сохранена, и, (третий вопрос, выходящий за рамки этой публикации) каких усилий подобное сохранение от нас потребует.

Что сохраняем или проблема «референтного ландшафта»

Кенозерский ландшафт, который сегодня рассматривается как обладающий универсальной ценностью наследия, в основных своих чертах оформился к XVI веку, когда наиболее притягательные места вдоль озёрных и речных побережий были уже освоены, а связи между ними (визуальные, путевые, социальные) установлены. В дальнейшем волнообразный (ибо были и спады) рост населения приводил к появлению отдельных «выставок» неподалёку от старых деревень и сел, а также к закладке полей среди леса при сохранении роли лесных промыслов и рыболовства [2]. Начиная с 1930-х годов отмечается снижение плотности населения и площади обрабатываемых угодий на фоне индустриализации и замены общинного уклада колхозным строем.

Зыбкая стабильность мозаики освоения послевоенного времени на Кенозере закончилась в середине 1970-х, когда в результате укрупнения деревень, а затем (уже на рубеже тысячелетий) очередного земельного передела сельские жители уходят в города, забрасываются отдалённые деревни, а поля повсюду зарастают лесом. Явленный сего-

дня взору наблюдателя культурный ландшафт – палимпсест, включающий признаки разных эпох: «красная линия» фасадов домов вдоль озёрной террасы могла быть сформирована несколько веков назад, а вот опушка бора на окраине вряд ли старше возраста самых старых сосен. В этой связи возникает непраздный вопрос: какой эпохи ландшафт нам следует воссоздать и поддерживать?

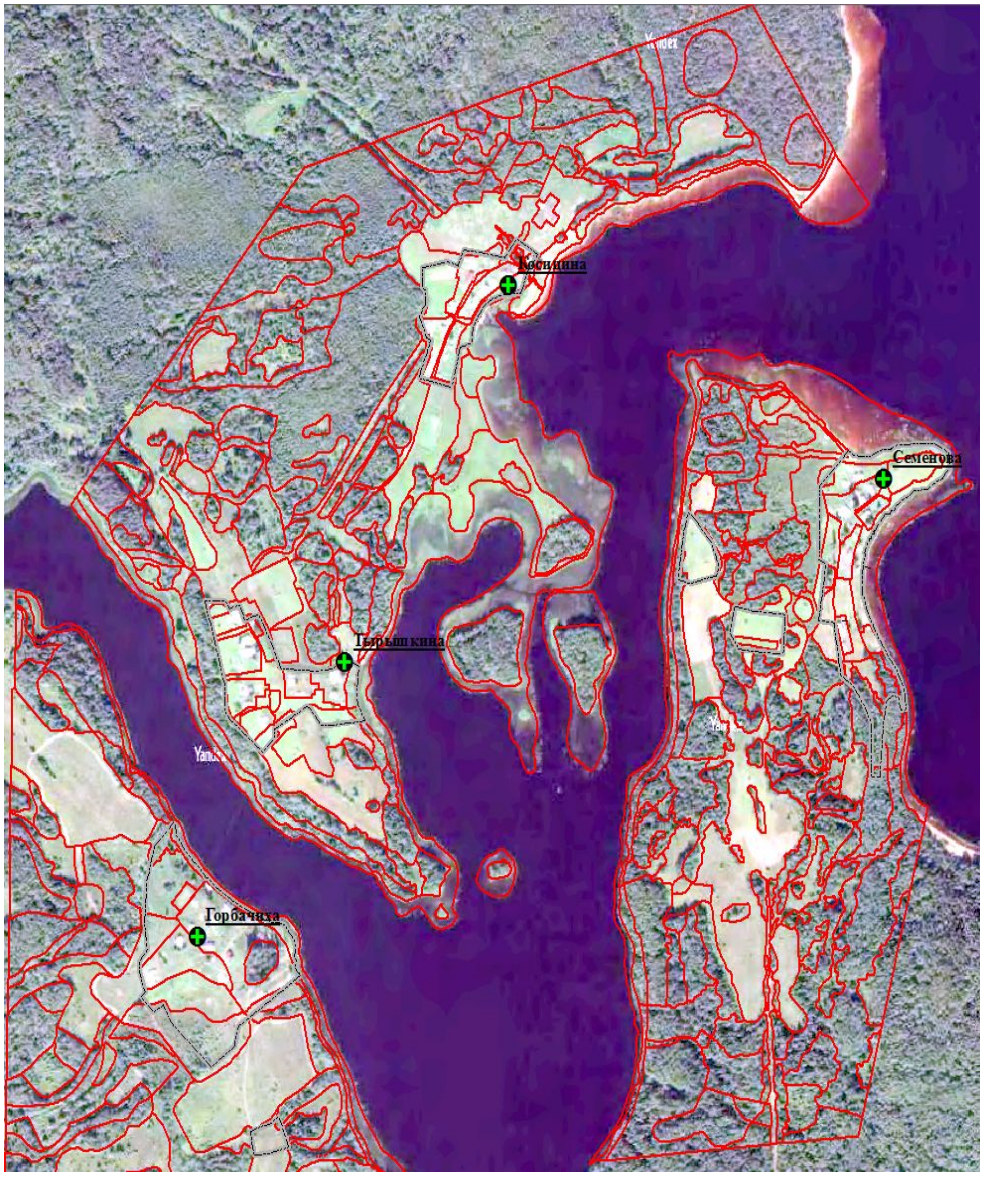
В гуманитарной географии эта проблема (над которой не первое десятилетие размышляют специалисты Италии и Испании, Франции, Голландии и Великобритании) именуется выбором «референтного ландшафта» (“*reference landscape*”). Выбор везде непрост и зачастую проводит резкую грань между ландшафтной экологией и исторической географией, ибо многие элементы ландшафта, являющиеся с позиций гуманитарной географии неотъемлемыми признаками его «физиогномики» (привычного внешнего облика), с позиций биоэколога совершенно чужды и могут подлежать устранению. Таковы, например, рядовые посадки кипарисов, ведущие к виллам на холмах Тосканы, – их завезли в своё время финикийцы и для экологов это – «инвазивная флора» региона [4].

Известный бельгийский географ Марк Антроп полагает, что для понимания европейского ландшафта важно иметь возможность репрезентации трёх исторических периодов: до XVIII века («расцвет»), периода распространяющейся индустриализации (совпавшего со становлением национальных государств) и периода после Второй мировой войны (вероятно, «до эры глобализма») [5]. Однако в действительности «палимпсест» всегда регионален, и для Русского Севера более характерны иные «отсечки»; кроме того, самостоятельное значение имеет наличие источников информации: межевых карт, текстовых примечаний и описаний, списков населённых мест и т.д. На основании анализа таких источников и полевых обследований для Кенозерья в качестве референтного нами выбрано состояние культурного ландшафта на середину XIX в., которое сложилось до эпохи трансформации русской поземельной общины и последовавших великих социальных перемен в России. Сохранность, унаследованность (аутентичность) структуры и функций культурного ландшафта Кенозерья определяется сравнением с референтным историческим ландшафтом.

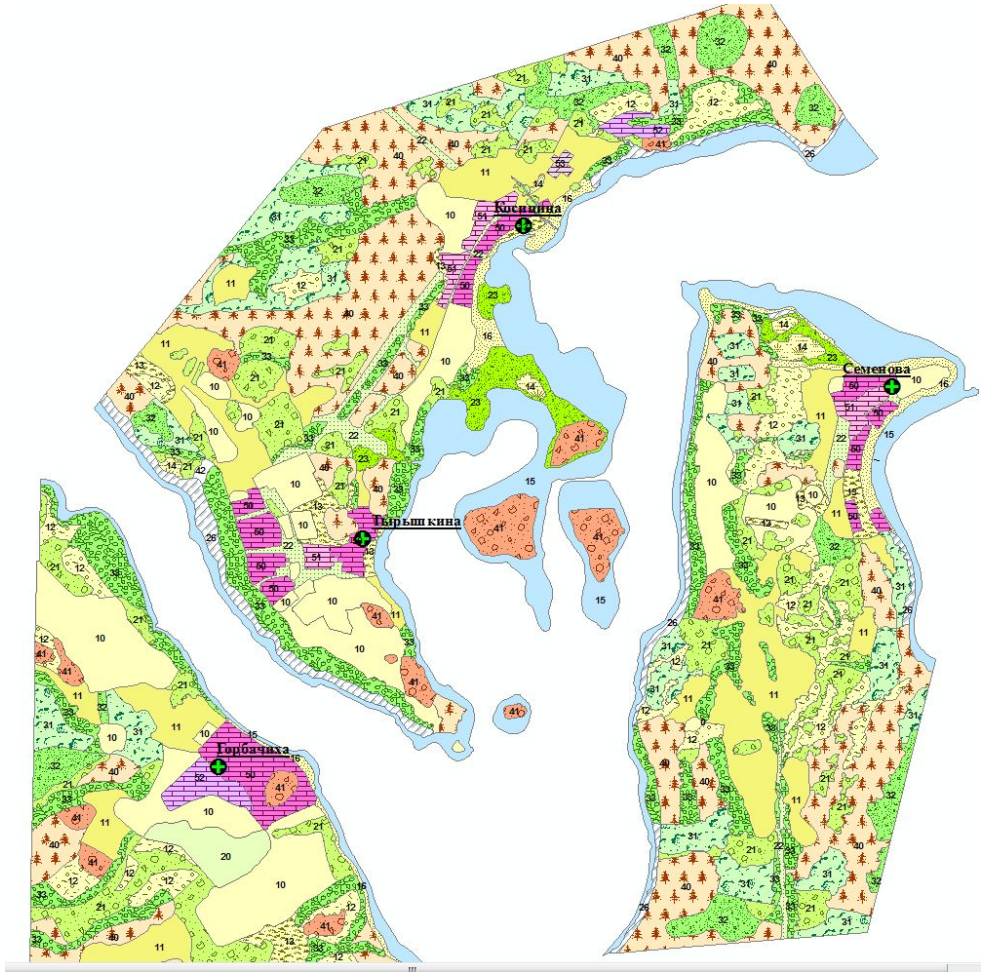
Для целей реконструкции структуры референтного ландшафта Кенозерья была разработана соответствующая методика и были использованы уникальные по содержанию и качеству исполнения карты межевой съемки Каргопольского уезда Олонецкой губернии 1861 г. Исторические листы были подвергнуты аффинным преобразованиям для геопривязки по космическим снимкам в современной системе координат UTM 37 в рамках отдельных «сцен», которые охватывали окрестности крупного села или «кустов» из двух-трёх-четырёх деревень, состав-

ляющих общий ландшафтно-хозяйственный ареал (рис. 1*а*). Далее к этим же «сценам» привязывались высокодетальные актуальные аэрофотопланы (полученные в 2014 г. ходе специально проводившихся работ по лесоустройству) (рис. 1*б* и 1*в*), подвергнутые мануальному дешифрированию, а также карты РККА 1930-х гг., карты Генштаба СССР 1960-х гг. и карты землепользования середины 1980-х – так называемые карты ВИСХАГИ. Последовательное наложение перечисленных источников позволило «увидеть» в современном ландшафте важнейшие элементы референтного ландшафта середины XIX в. (угодья, межи, дорожно-тропиночную сеть), проследить историю их трансформации в XX веке, оценить их сохранность, «раскрыть» их функции в современном культурном ландшафте территории [6]. Проведённые исследования позволяют утверждать, что на территории Кенозерья мы имеем дело с практически полностью сохраняющейся в течение 150 лет мозаикой угодий, которая определяет феномен культурного ландшафта Русского Севера.

а – межевая карта середины XIX в.



б – фиксация бывших границ угодий
по современному детальному космическому снимку



в – карта оценки современного состояния культурного ландшафта

Рис. 1 (*а, б, в*). Фрагмент реконструкции исторического (референтного) культурного ландшафта

Геосистемное устройство культурного ландшафта, его характерные черты

Культурный ландшафт в лесной зоне Российского Севера первоначально возникал и оформлялся в жёстких природных условиях своеобразного «фронтира», когда устойчивость основных элементов в значительной степени зависела от благоприятности как социально-экономических, так и природно-климатических условий.

Кенозерский культурный ландшафт – ярчайший пример именно такой зависимости, поскольку части его ландшафтно-хозяйственных ареалов изначально располагались в мозаике сложного озерно-ледникового и озерно-аллювиального рельефа, изобилующего «живыми» элементами гидрографической сети и осложненного унаследованными (и причудливыми – «чисто кенозерскими») небольшими ложбинами стока. Сформировалась целая сеть лощин и ложбин раз-

личной длины и ширины с самым разнообразным (но часто – корытообразным) поперечным сечением, которые наложены на поверхность низких террас. Сами озерные террасы зачастую «завалены» от передних (фронтальных) краев к тыловым швам, где сохраняются миниатюрные (и не очень) верховые болотца, вложенные в локальные (опять-таки – унаследованные) котловинки [6].

На этом фоне особенностью существования культурного ландшафта является постоянная зависимость от среднемноголетних климатических флуктуаций, запускавших (провоцировавших) развитие гидроморфных трендов, что приводило к трансформации сырых лугов – в заболоченные, кустарничково-сфагновых типов леса – в сфагновые и долгомошные, заболоченных лесов на водоразделах – в болота. Подобные превращения затрудняли хозяйствование и определяли периодическое «съеживание» ландшафтно-хозяйственного ареала.

Другие факторы трансформации культурного ландшафта имели социальный характер: секуляризация монастырских владений, оформление деревень на местах бывших погостов, размежевание казённых земель, принадлежавших черносошным крестьянам [2].

В итоге «фронтирность» функционирования этой уникальной системы расселения проявлялась в периодических волнах освоения-заброса деревень и примыкавших к ним частей ландшафтно-хозяйственных ареалов. В благоприятные годы происходило «выставление» новых населённых пунктов – «новин и починков», «втягивание» деревень в «ядра» освоенных групп, а в неблагоприятные годы, напротив – периферийные поселения покидались жителями (на островах, низких террасах и просто удалённые), а ранее освобождённые от леса участки пашни подвергались зарастанию.

Возникновение региональных традиций взаимодействия с природным окружением выразилось, с одной стороны, в высокой степени адаптации частей ландшафтно-хозяйственного ареала (культурного ландшафта) к локальным физико-географическим условиям (пластике рельефа, речной и эрозионной сети, почвенным комплексам). А с другой стороны – в постоянной трансформации ландшафтно-хозяйственных ареалов и быстром реагировании на изменения комплекса природных условий и социального фона [2; 6].

Иерархические уровни организации культурного ландшафта

Сама прихотливая линия побережья Кенозера – с глубокими отмелыми заливами, принимающими устья лесных рек, высокими выступами мысов, нависающих над водной гладью, с террасами разных уровней, залесёнными гребнями водоразделов, отдельными камовыми холмами, дюнами долинных зандров, – все это вместе сформировало

не просто разнообразную пластику местного рельефа, но и несколько пространственных уровней ландшафтной дифференциации. Культурному ландшафту Кенозерья присуще иерархическое строение, включающее несколько взаимосвязанных уровней ландшафтного устройства с разнопорядковыми «удерживающими» целостность связями и специфическими признаками адаптации к мозаике (паттерну) озёрной – речной сети и пластике рельефа.

Верхний, первый уровень охватывает пространство в несколько десятков километров – сформирован общей архитектоникой озёр и крупных рек с волоками между ними. На этом уровне возникала общая мозаика освоения фрагментов побережья и островов Кенозера и Лёкшмозера с внутренними зонами освоения на выступах высоких, хорошо дренированных озёрных террас и вдоль глубоких «карманов» вытянутых озёрных заливов. Внешние ареалы освоения были «выставлены» по берегам впадающих сплавных рек и проток, соединявших Кенозеро с небольшими озёрами в окрестностях. Особенность этого уровня – выраженный приоритет водных путей, проходивших по акватории озёр и по руслам рек и проток, а также зимников, пролегавших по его замерзающему зимнему льду.

Второй уровень организации культурного ландшафта – уровень «куста» деревень, расположенных рядом на одном и том же берегу залива, либо неподалёку через озёрную протоку на противоположных мысах побережья. На этом втором уровне формировалась общая мозаика (паттерн) объединённых ландшафтно-хозяйственных ареалов куста деревень с разделённой селитьбой, но соседствующими полями и образующими слитые ареалы сенокосами. Именно на втором иерархическом уровне воспринимается целостность архитектурной композиции деревень, её соответствие конфигурации береговой линии озёр и согласованность с общей пластикой рельефа. Выделяется несколько типов ландшафтно-хозяйственных ареалов: в «карманах» глубоких заливов на озёрных террасах; на «высоких берегах» – уступах водоразделов; на узких вытянутых полуостровах; вдоль высоких пойм и в приустьевых створах рек.

На третьем уровне организации культурного ландшафта существует собственно деревня как внутренняя часть ландшафтно-хозяйственного ареала. Основные элементы этого уровня – поля эллипсовидной формы, ложбинно-лощинная сеть с сенокосами, композиция застройки деревень и сакральные места с часовнями и церквями.

Формирование своеобразной мозаики освоения с несколькими иерархическими уровнями устройства культурного ландшафта относится к особым, уникальным свойствам Кенозерского ландшафта [2; 7].

Селитьба и хозяйственные угодья в культурном ландшафте

Сложность рельефа территории, общая заболоченность, обилие водных пространств с заметным подъёмом весенних уровней, – все это на фоне короткого северного лета определило высокий приоритет поля (пашни и сенокоса) как основной единицы ландшафтно-хозяйственного ареала.

Главенство полей в мозаике ландшафтно-хозяйственного ареала обусловило *вторичность селитьбы*, распределённой явно с большим трудом (и необычной сметливостью) на всех остальных пригодных (т.е. дренированных и неподвластных затоплению) формах мезорельефа – на уступах озёрных террас, на высоких водораздельных мысах и гребнях возвышенностей (рис. 2). По этой причине жилые дома в Кенозерье формируют улицы только в двух случаях – при размещении вдоль выраженной пригребневой поверхности (и тогда это привычная для сельской России улица с двумя рядами домов), либо при расстановке домов вдоль уступа террасы (однорядная линия). Зачастую дома ставятся по одному-два, просто на небольших удобных площадках террас или локальных «ступеньках» склонов водораздела.

За домами на привершинных поверхностях террас и холмов – пашни, разделённые сенокосами ложбинно-лощинной сети; за «задами» деревни – опушка ближнего леса, всегда изогнутая со своими выступами и «заливами», которые образованы «карманами» сенокосных лугов. Иногда деревня оказывается «прижатой» к подножью холма или склону водораздела именно потому, что ровные поверхности террасы ближе к берегу отведены под поля.

Рис. 2. Вид на деревню Глазово и окрестности

Особое свойство кенозерской селитьбы – чрезвычайная живописность. Жилые дома, разнообразные хозпостройки, бани, изгороди вокруг грядок и ближайших сенокосов и выпасов, в обрамлении биогрупп и отдельно стоящих деревьев-солитеров (в роли которых часто выступают огромные вековые лиственницы) формируют узнаваемые кенозерские «картины».

В советские годы в окрестностях многих деревень возникали колхозные фермы, ставились лесопилки, строились жилые дома для рабочих, сельские клубы, магазины. Однако при обилии леса за редким исключением все здания и сооружения возводились из местного материала – древесины, что во многом определило сохранность видеоряда и главных эстетических свойств селитьбы Кенозерья.

По-своему уникально общественное пространство селитебной зоны: здесь прежде всего следует отметить высокую сохранность небольших рукотворных объектов, тесно связанных с образом жизни, традициями хозяйствования и повседневными сезонными заботами (ограды, колодцы, лавки, вешала, риги). Особая роль в композиции деревень Кенозерья принадлежит часовням и небольшим деревянным церквям, как занимающим центральное положение, так и вынесенным за пределы основного (компактного) комплекса селитьбы (рис. 3). Возле часовен зачастую сохранились сакральные рощи или отдельные старые и крупные деревья (сосны, лиственницы).

Рис. 3. Окрестности деревни Мыза с часовней Александра Невского

Уникальность культурного ландшафта Кенозерья – округлая форма и четкие выпаханные бровки пашни на привершинных и пригребневых местоположениях, склонах холмов и террас, отделяющие пашню от сухих ложбин (с пологими) и лощин (с круто-вогнутыми)

бортами. Многолетнее опахивание краёв таких привершинных поверхностей (теперь это сенокосы) сформировало отчётливые уступы–перегибы к нижележащим звеньям ложбинно-лощинной сети (рис. 4). Овалы полей, вписанных в дендрические рисунки занимаемых лугами ложбин и лощин, образовали сложные в плане паттерны. Именно это своеобразное «межевание», сохранившееся до нашего времени, в сочетании с пластикой рельефа придаёт культурному ландшафту Кенозерья уникальное своеобразие.

Рис. 4. Выпаханные бровки полей с элементами ложбинно-лощинной сети при деревне Зехнова

Принадлежностью культурного ландшафта безусловно являются и ближайшие к деревням природные урочища, к которым могут быть отнесены обширные чашеобразные (подтапливаемые весной) понижения внутренней части заливов, поймы и внутренние акватории малых озёр и рек с прилегающими поймами, а также довольно широко распространённые рощи и «борки», занимающие «неудобья» прямо в пределах населённых пунктов.

Собственно акватории играли и играют важнейшую роль в жизни и облике кенозерской деревни. Рыбная ловля всегда была существенным подспорьем. При общем бездорожье надёжное сообщение было возможным только по озеру (летом на лодках – зимой на санях по льду). В советское время – сплав леса по всем крупным рекам и организованный транспорт – опять-таки по озеру. Поэтому «зеркало» озера с его заливами, кромками отмелей и узких бечевников с набросами камней и огромными одиночными валунами, поясами водной растительности (с особенно характерными ассоциациями торчащего из воды тростника озёрного и плавающими гречихой и рдестами), в обрамлении осоково-влажнотравных лугов низкой озёрной поймы – неотъемлемая часть пейзажа Кенозерья (рис. 5).

Сохранность культурного ландшафта обеспечивается деятельностью постоянного и сезонного населения. Характерные черты культурного ландшафта Кенозерья продолжают «радовать глаз» благодаря присутствию открытых участков выкашиваемых лугов на месте бывшей пашни. Распахиваемых полей фактически не осталось.

Рис. 5. Приозёрный пейзаж у деревни Минина

Спасти или сохранить?

Культурный ландшафт – феномен, тесно связанный с обитаемостью пространства, жизнедеятельностью местного населения и традициями ухода. Обезлюдение сельской местности и запустение сельхозугодий не могли не коснуться и территории Кенозерского национального парка, что выразилось в забросе и зарастании значительной части бывшей пашни и использовании оставшихся полей исключительно под сенокосы.

Во всей обширнейшей зоне бореальных лесов северного полушария главным признаком культурного ландшафта является его открытость: освоенные пространства всегда были «островами» среди «моря тайги». Одичание ландшафта, прежде всего, сказывается на утрате этого свойства – ландшафт «закрывается». Сначала исчезают поля среди леса, затем «затягиваются» участки в «карманах» лесных опушек, далее поросль (сосна, берёза) «наступает» на внутренние части деревень… Неотвратимые темпы этих процессов городскому жителю трудно даже представить. В сырых колеях (оставшихся после последнего проезда колёсного трактора) осоково-таволговое болотце формируется за один вегетационный период… Не выкашиваемая ежегодно лощинно-ложбинная сеть зарастает груботравьем, которое полегая в осенние дожди образует «войлок», и через него новое многоцветное разнотравье уже не пробьётся по весне… Кустарниковые формы ив захватывают поймы небольших речек и ручьёв и фасы низких озёрных террас. Выпаханные столетиями бровки не защищают поля, здесь зарастание развивается за первые несколько лет по-

сле прекращения сенокошения: одни участки захватываются с опушек, другие зарастают плотными биогруппами, третьи покрываются равномерно по линиям бывшей распашки...

Так исчезает сначала уникальная мозаика бывших полей и ложбинно-лощинной сети, затем закрываются особенно значимые визуальные коридоры из внешних частей ландшафтно-хозяйственных ареалов во внутренние (с околицы на часовню или церковь). Постепенно утрачивается и всякая связь верхнего пространственного уровня, а именно между «кустами» освоенных деревень – через озёрные заливы на высокие мысы и острова, вдоль дорог на плато водораздела, с гребня одной гряды на вершину холма и т.д.

Есть и другие процессы, не такие масштабные, но меняющие «физиогномику» ландшафта не меньше – уже на локальном уровне. Смещение аграрных функций в сторону агрорекреационных, а именно замена крестьянина-колхозника на дачника-отдыхающего не могла не сказаться на появлении новых жилых домов нетрадиционной архитектуры с вездесущим сайдингом, гаражей, установке «глухих» заборов из «профнастила». Признаки «эпохи» читаются в ветроэнергогенераторах на мачтовых опорах, трансформаторных будках, опорах ЛЭП.

Кенозерье – не единственный национальный парк, где одним из основных предметов охраны является культурный ландшафт, но именно здесь накоплен уникальный (пока) опыт по работе с этим объектом наследия. Так в 2012–2014 гг. автор этих строк и аспирант географического факультета МГУ Ульяна Медовикова в ходе двух летних экспедиций проводили полевые исследования эстетики ландшафта с фиксацией, описанием и классификацией основных видовых сцен, исследованием роли отдельных компонентов ландшафта (рельефа, растительности, рукотворных элементов) в формировании пейзажей на специально построенных ГИС-моделях. Это позволило провести крупномасштабное зонирование территории и определить, содержательно описать риски для эстетических свойств каждой зоны культурного ландшафта Кенозера, охарактеризовать объекты (элементы) ландшафтно-хозяйственного ареала, которые подлежат регулированию (луга, опушки лесных массивов, межевые элементы, прибрежные полосы и т.д.). Для каждой из ландшафтных зон были разработаны режимы реконструкции, ухода и поддержания ландшафта [6].

По результатам исследований, проводившихся САФУ под руководством С.В. Третьякова [8], стоимость ухода за культурным ландшафтом оказалась высокой. Так, «раскрытие» ландшафтно-хозяйственного ареала в одной деревне Глазово было оценено в полмиллиона рублей (в ценах 2015 г.) Это работы по формированию опушки, рубке прозоров на соседние деревни, срезке кустарника и зарослевых биогрупп, подсеву ценных трав на луга и их выкашиванию.

Вернуть окультуренность некогда освоенному ландшафту можно лишь одним единственным способом – поместив в него обитателей… Но это, что называется, «легко сказать»… Русский Север с его долгой суровой зимой и негарантированным урожаем имеет уже более чем полувековую историю «исхода» населения из деревни в город… Тем не менее, руководство парка пытается создать условия для потенциальных новосёлов, вкладываясь в реставрацию и реконструкцию домов. Пока же мы должны быть благодарны тем людям (подавляющее их число – пенсионеры), которые каждое лето возвращаются в родные места и, выходя с косами на причудливые «проплешки» бывшей пашни, сохраняют для нас – горожан и туристов – красоту родного ландшафта.

Литература

1. *Семенов-Тян-Шанский В.П.* Город и деревня в Европейской России: Очерк по экономической географии с 16 картами и картограммами / Под ред. В.О. Струве // Записки Русского Географического общества по отделению статистики. Т. 10. Вып. 2. СПб., 1910. С. 36.

2. *Веденин Ю.А., Тормосов Д.В.* Культурно-ландшафтная дифференциация территории Кенозерского национального парка / Ю.А. Веденин, Д.В. Тормосов // Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 425–444.

3. *Колбовский Е.Ю., Медовикова У.А.* Оценка эстетических свойств ландшафтов для управления территориями выдающейся культурно-исторической и природной ценности // Известия Русского географического общества, том 148, 2016, № 3. С. 61–75.

4. *Moreira F., Queiroz A.I., Aronson J.* Restoration principles applied to cultural landscapes / Journal for Nature Conservation 14, 2006. P. 217—224.

5. *Antrop M.* Why landscapes of the past are important for the future. Landscape and Urban Planning, Springer, 2005, 70. P. 21–34.

6. *Колбовский Е.Ю.* Отчет по теме исследования «Определение целевого состояния ландшафта в зоне охраняемого ландшафта объекта культурного наследия и разработка мероприятий по уходу за ландшафтами» – объект культурного наследия «Часовня Иоанна Богослова, д. Зехново». Ярославль. ЯРОЭО «Ландшафт». 2014. 53 с.

7. *Ушаков Ю.С.* Ансамбль в народном зодчестве русского Севера (пространственная организация, композиционные приемы, восприятие) Л.: Стройиздат, 1982. 168 с.

8. *Третьяков С.В., Коптев С.В., Неверов Н.А., Ильина Н.С.* План восстановления, сохранения и устойчивого управления культурными ландшафтами в Плесецком секторе Кенозерского национального парка в окрестностях деревни Глазово (Шуйлахтинский культурно-ландшафтный комплекс). Архангельск, 2015. 45 с.

GEOSYSTEM REGULARITIES IN THE FORMATION OF KENOZERO RELIC CULTURAL LANDSCAPE

E. Kolbovsky
kolbowsky@mail.ru

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract: *The article indicates main hierarchical levels of the Kenozero cultural landscape organization, determination of its development by some nature prerequisites, its variability and stability. Middle XIX century land-use situation formed before the era of Russian peasant community transformation was chosen as the exemplary "reference landscape". Reconstruction of main elements of the traditional rural landscape was carried out by means of GIS-modeling based on overlay of the General land survey maps and verified*

by special field studies. One of the Kenozero landscape key features is the "privileged" position and the peculiar (up to round) outlines of the fields located on the top-hill drained sites. One cannot fail to mention the landscape highest aesthetic properties.

Keyword: *cultural landscape, Kenozero area, hierarchical levels of landscape organization, formation factors, features of uniqueness, conservation problems, area for landscape economics activity, cluster of villages.*

For citation: Kolbovsky E. Geosystem regularities in the formation of Kenozero relic cultural landscape. *Heritage and Modern Times*. 2019;2(2):49–63.

References

1. *Semenov-Tjan-Shanskij V.P.* Gorod i derevnja v Evropejskoj Rossii: Ocherk po jekonomicheskoj geografii s 16 kartami i kartogrammami / Pod red. V.O. Struve // Zapiski Russkogo Geograficheskogo obshhestva po otdeleniju statistiki. T. 10. Vyp. 2. SPb., 1910. S. 36.

2. *Vedenin Ju.A., Tormosov D.V.* Kul'turno-landshaftnaja differenciacija territorii Kenozerskogo nacional'nogo parka / Ju.A. Vedenin, D.V. Tormosov // Kul'turnyj landshaft kak ob"ekt nasledija / pod red. Ju.A. Vedenina, M.E. Kuleshovoj. M.: Institut Nasledija; SPb.: Dmitrij Bulanin, 2004. S. 425–444.

3. *Kolbovskij E.Ju., Medovikova U.A.* Ocenka jesteticheskih svojstv landshaftov dlja upravlenija territorijami vydajushhejsja kul'turno-istoricheskoj i prirodnoj cennosti // Izvestija Russkogo geograficheskogo obshhestva, tom 148, 2016, no. 3. S. 61–75.

4. *Moreira F., Queiroz A.I., Aronson J.* Restoration principles applied to cultural landscapes / Journal for Nature Conservation 14, 2006. P. 217—224.

5. *Antrop M.* Why landscapes of the past are important for the future. Landscape and Urban Planning, Springer, 2005, 70. P. 21–34.

6. *Kolbovskij E.Ju.* Otchet po teme issledovanija «Opredelenie celevogo sostojanija landshafta v zone ohranjaemogo landshafta ob"ekta kul'turnogo nasledija i razrabotka meroprijatij po uhodu za landshaftami» – ob"ekt kul'turnogo nasledija «Chasovnja Ioanna Bogoslova, d. Zehnovo». Jaroslavl'. JaROJeO «Landshaft». 2014. 53 s.

7. *Ushakov Ju.S.* Ansambl' v narodnom zodchestve russkogo Severa (prostranstvennaja organizacija, kompozicionnye priemy, vosprijatie) L.: Strojizdat, 1982. 168 s.

8. *Tret'jakov S.V., Koptev S.V., Neverov N.A., Il'ina N.S.* Plan vosstanovlenija, sohranenija i ustojchivogo upravlenija kul'turnymi landshaftami v Pleseckom sektore Kenozerskogo nacional'nogo parka v okrestnostjah derevni Glazovo (Shujlahtinskij kul'turno-landshaftnyj kompleks). Arhangel'sk, 2015. 45 s.

Сведения об авторе

Колбовский Евгений Юлисович, доктор географических наук, профессор, ведущий научный сотрудник географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.
E-mail: kolbowsky@mail.ru

Author of the publication

Evgeny Kolbovsky, Doctor of Geography, Professor, Leading research fellow, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, Moscow, Russia.
E-mail: kolbowsky@mail.ru

Дата поступления 14.04.2019

УДК 72

ДЕРЕВЯННАЯ АРХИТЕКТУРА КАК КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА И ЭВОЛЮЦИЯ ТРАДИЦИОННОГО ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА В КЕНОЗЕРЬЕ

И.Н. Шургин
carency@yandex.ru

Москва, Россия

Аннотация. *В статье рассматривается деревянная архитектура – пространственно-планировочные комплексы построек и отдельные строения – в качестве основного источника своеобразия культурного ландшафта, а также приемы взаимосвязи архитектуры с природными условиями местности в пределах национального парка «Кенозерский». Выявляются архитектурные особенности двух церковных ансамблей, многочисленных часовен, крестьянских домов, включая зарождение и развитие избы-пятистенки на территории Кенозерья.*

Ключевые слова: *сельская деревянная архитектура, сельский культурный ландшафт, церкви, часовни, крестьянские дома, Кенозерье.*

Для цитирования*:* Шургин И.Н. Деревянная архитектура как ключевой элемент культурного ландшафта и эволюция традиционного домостроительства в Кенозерье. *Наследие и современность = Heritage and Modern Times*. 2019;2(2):64–80.

Архитектурно-планировочные закономерности устроения культурного ландшафта

Главным видимым доказательством участия человека в формировании сельского культурного ландшафта всегда служили и служат постройки. Архитектурное своеобразие конкретному культурному ландшафту они придают преимущественно при пространственно-планировочном объединении в деревни и села, а также в ансамбли приходских храмов. Некоторые строения кажутся обособленными от основной застройки крестьянского селения – например, так воспринимаются водяные мельницы, некоторые часовни, небольшие монастыри – пустыни. На самом деле они играют важную роль в цельном архитектурном облике сельского культурного ландшафта конкретной местности.

В наши дни сельскохозяйственная деятельность в северных областях европейской России, непрерывно продолжавшаяся сотни лет, сходит на нет. В подобных местах ведущим условием сохранения и формирования культурного ландшафта становится сельская архитектура.

Собственно архитектурное своеобразие культурного ландшафта – результат взаимодействия разных факторов. Это и расположение селения на местности, и соотношение составляющих его построек. Это композиционно-пространственные связи построек с природным

окружением, с ближайшими и отдалёнными, но находящимися в пределах видимости, строениями. Это также внешний вид и внутреннее устройство построек.

На обширной территории вокруг Кенозера и прилегающих к нему земель при Лёкшмозере и Почозере как нигде чётко проявляется связь архитектурно-планировочных свойств селений с природными особенностями их месторасположения. Неровная береговая линия этих озер, в первую очередь Кенозера, то выступающая мысами, то вдающаяся заливами, а также формы прибрежного рельефа способствовали образованию небольших селений и препятствовали их слиянию[1]. Осмысленное, целесообразное размещение селений очень хорошо выявляет приемы народной градостроительной культуры – умение с наибольшей выразительностью использовать свойства местности.

По естественной причине – нахождение в лесной (таёжной) географической зоне – почти все строения в Кенозерье и окрестностях – деревянные, как в любой северорусской деревне или селе. Именно деревянная архитектура составляет одну из главных особенностей культурного ландшафта этих мест. Крестьяне, постоянно жившие на землях вокруг Лёкшмозера, Кенозера и Почозера, издавна рубили постройки любого назначения, необходимые в сельской жизни: избы, клети-амбары, бани, мельницы, мосты, церкви, часовни, ограды церковных погостов, обетные кресты и другие сооружения. Многие постройки украшались искусной резьбой и красочными росписями снаружи и внутри. Достигнув пика развития к рубежу XIX–XX веков, это наследие дошло до наших дней.

Благодаря созданию национального парка более двадцати пяти лет назад, на вошедшей в его границы территории Кенозерья и окрестностей сельская архитектура сохранилась лучше, чем во многих других местах Русского Севера. Территорию Кенозерья можно рассматривать как своего рода архитектурный заповедник, в котором деревянные архитектурные экспонаты остаются на своих изначальных местах – *in situ*.

Исследователь архитектурно-планировочных традиций в расположении и застройке селений на Русском Севере Ю.С. Ушаков изучил различные примеры «архитектурно-природных комплексов» в Кенозерье и окрестностях, дал их блестящее описание, некоторые фрагменты которого мы считаем уместным здесь привести. Один из примеров – деревня Семёново. Расположенная на мысу в южной части Кенозера, эта деревня «имеет сравнительно редко встречающуюся на Русском Севере замкнутую форму планировки. Здесь этот приём был вызван

[1] В облике крупных селений воздействие особенностей ландшафта менее заметно: сама градостроительная ситуация начинает влиять на решение новых архитектурно-планировочных задач.

природными условиями: узкий безлесный мыс, выбранный для заселения, был удобен, но открыт ветрам. Поэтому основной порядок тесно расположенных домов был обращён не к воде, как в преобладающем большинстве случаев, а внутрь мыса, и укрыт за невысокой грядой. Дома, расположенные напротив этого порядка, стоят под прямым углом к нему и ориентированы на юг. С противоположной стороны разрывы между домами прикрыты от северо-западных ветров пристроенными поперек зимними избами так, чтобы создать максимальную зону ветровой тени. Образовался хорошо защищённый от ветров замкнутый комплекс. В центре селения осталась вытянутая площадь: с юга она замыкалась двумя общественными амбарами (сохранился один) и часовней в роще, а с севера – лицевым торцом жилого дома» [1, с. 30–31].

Иначе образован архитектурно-природный комплекс деревни Глазово, расположенной в южной части Кенозера на полуострове, выдающемся в залив Серозеро. По наблюдению Ю.С. Ушакова, «в целях защиты от ветров и создания замкнутого пространства место для заселения было выбрано на склонах холмов, обращённых друг к другу. <…> Оригинально и точно было выбрано место общественного центра: клетская часовня[2] <…> с высокой шатровой звонницей поставлена была в самом узком и низком месте полуострова. Такой приём дал возможность всегда видеть часовню от деревень, лугов и полей на противоположных склонах холмов» [1, с. 52–53].

Третий пример формирования архитектурно-природного ансамбля – ещё две деревни в той же южной части Кенозера. Это – Зехнова и Спицына (рис. 1*а*, 1*б*). Согласно исследованиям Ю.С. Ушакова, «два широких мыса, с двух сторон замыкавших один из заливов Майлахты, … на которых разместились деревни Зехнова и Спицына, хорошо укрыты от ветров высокими лесистыми грядами морен. Помимо самой Майлахты селения имеют ещё «свой» залив («озеркò»), защищенный тремя островами. Открытый к заливу природный «карман» образовал масштабную жилую зону для двух селений в пределах 1–1,5 км. В отличие от Семёнова, в данном случае существуют два селения – почти равноправные части архитектурно-природного ансамбля…» [1, с. 32–33].

[2] Часовня во имя Сошествия Святого Духа (1801–1804 гг., вторая пол. XIX в., нач. XX в.).

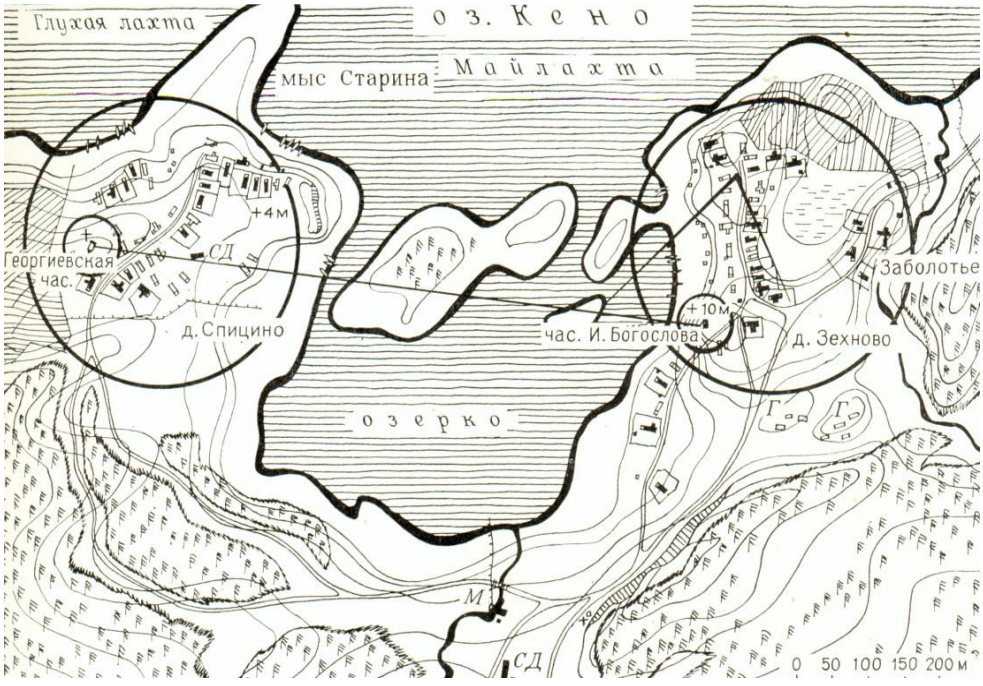


Рис. 1*а*. Деревни Зехнова и Спицына. План. Воспроизводится по [1, с. 33, рис. 6]

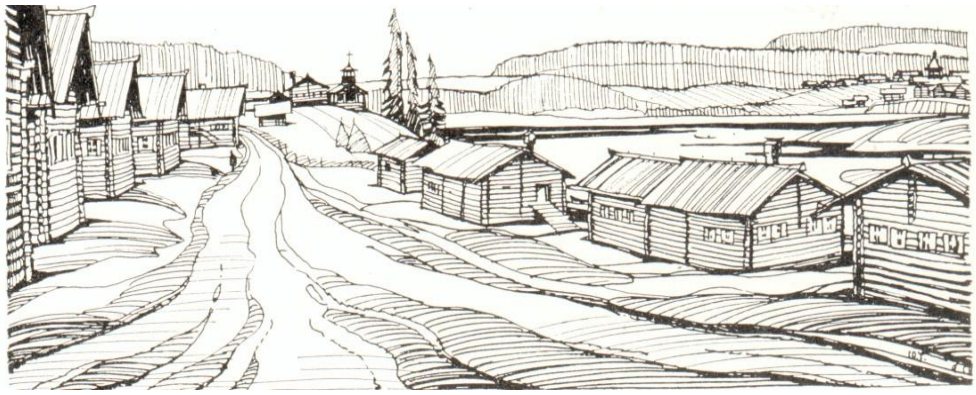


Рис. 1*б*. Панорама от деревни Зехнова.
Воспроизводится по [1, с. 33, рис. 6]

Памятники духовной религиозной культуры как элементы культурного ландшафта

Вид каждой деревни и села индивидуален. Эта индивидуальность в значительной степени связана с общественными зданиями – с церквами и часовнями, в частности, с их расположением в ландшафте и архитектурными формами. Наиболее значительные и впечатляющие архитектурные памятники Кенозерья – храмовые комплексы двух древних погостов, Порженского и Почозерского. Они размещены по очень давним традициям: в Порженском погосте – у святой лиственничной рощи, в Почозерском погосте – на берегу Почезера, которое входит в систему озёр и рек Кенорецкого водно-волокового пути [2].

Церковь во имя святого Георгия Победоносца в Порженском погосте построена на средства прихожан – крестьян несохранившихся деревень Федоровская, Окатовская и Турово сельцо в последние десятилетия XVIII века [3]. В последней четверти XIX – начале XX века устроен тёплый придел, пристроена колокольня и все здание обшито досками. Храм вместе с сохранившимся при нем кладбищем окружён бревенчатой оградой с башенками [4].

Георгиевская церковь относится к древней разновидности храмов клетского типа, обладавших клинчатым завершением с полицами в основании (рис. 2). Такие здания в Каргополье не сохранились, и храм в Порженском остался единственным из тех, что могли служить образцами-источниками для подобных им часовен, существующих в Кенозерье и ближайших окрестностях. К ним относятся: Покровская часовня в посёлке Конёво, Никольская в селе Вершинино, Святодуховская в деревне Глазово, часовня во имя святых Фрола и Лавра в деревне Карельская.

Рис. 2. Церковь Георгия Победоносца на Порженском погосте
(фото Е.Г. Мазилова, 2016)

Тридцать лет назад на берегу озера Порженского, в 8 км от Кенозера ещё сохранялось одноименное село, состоявшее из двух деревень, Федоровской и Окатовской, разделённых оврагом. Ю.С. Ушаков в конце 1970-х годов отмечал: «В деревне Федоровской планировка смешанная: прибрежно-рядовая и «на лето», в Окатовской – «на лето». Таким образом, все дома имеют благоприятную ориентацию на восток и юг (рис. 3*а*, 3*б*). Центр села – клетская церковь Георгия <…> стоит в роще, обнесённой рубленой оградой». <…> Изящный силуэт церкви, поддержанный высокими лиственницами рощи, организует все пространство жилой среды и воспринимается с юга, востока и севера. Дорога, идущая через село к Кенозеру, также ориентирована на вертикаль погоста» [1, с. 66–68].

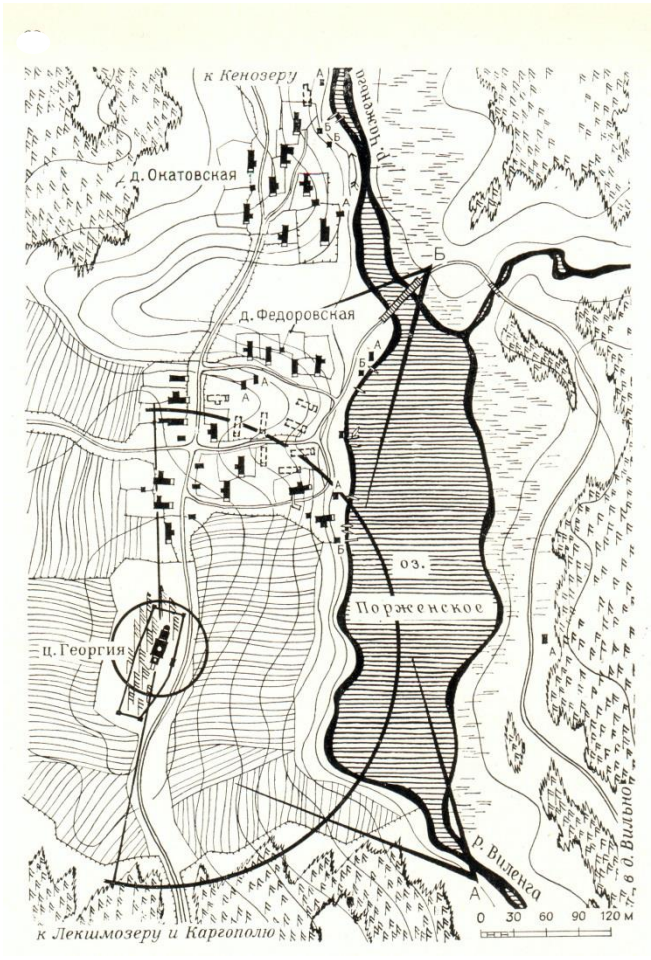


Рис. 3*а*. Село Порженское. План. Воспроизводится по [1, с. 68–69, рис. 29]

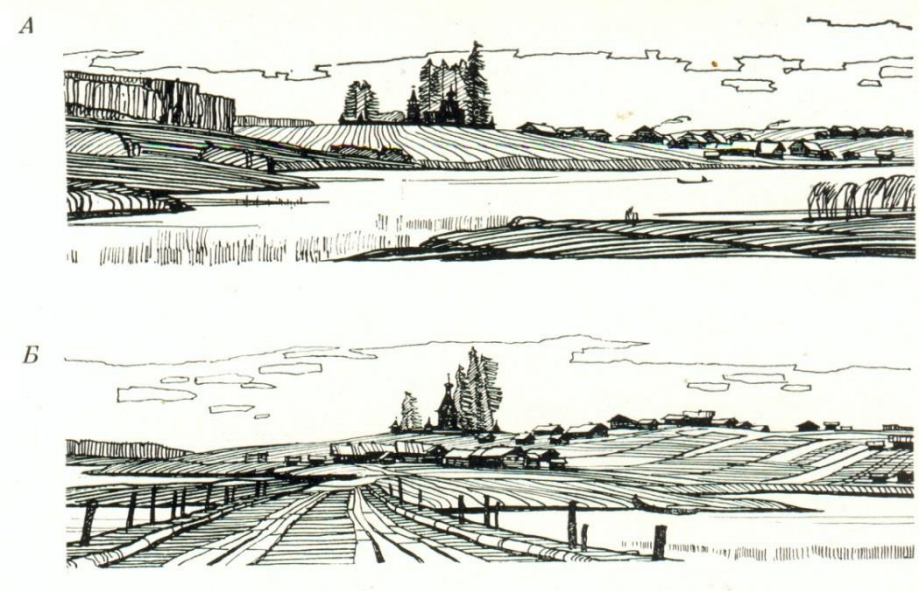


Рис. 3*б*. Село Порженское. Панорама.
Воспроизводится по [1, с.68–69, рис. 29]

Ещё один пример связи архитектуры с окружающим ландшафтом представляет церковный комплекс Почезерского погоста в деревне Филипповской. В его составе: церковь в честь Происхождения Честных Древ Животворящего креста Господня, или Спасская (1785, 1882–1883 гг.), церковь во имя Обретения Честныя Главы Иоанна Предтечи (XVIII в., 1882–1883 гг.), колокольня (1882–1883 гг.). Рядом существует небольшое кладбище. Храмовый комплекс и кладбище окружают бревенчатые ограды.

Деревня Филипповское с церковным комплексом Почезерского погоста в центре – пример организации жилого пространства вдоль тракта: «… через село прошел тракт с юга от Кенозера к селениям на северных озерах. Вдоль тракта и сложилась система общественных сооружений, последовательно организующих пространство полуострова. Характерно, что наличие вертикалей храмового комплекса, предшествующих существующим, повлияло на трассировку тракта» [1, с. 151].

Архитектурный облик, соответствующий его нынешнему виду, Почезерский погост получил в 1882–1883 годах. В эти годы была перестроена Спасская церковь. Она стала холодной, без трапезной. Близ её юго-западного угла появилась тёплая Предтеченская церковь, в сруб которой вошла и трапезная старого Спасского храма. Короткий переход между папертью Спасской церкви и трапезной Иоаннопредтеченской связал оба здания. Другой переход соединил паперть Предтеченской церкви с колокольней. После перестройки архитектурные формы Почезерского храмового комплекса остались гораздо ближе церквам, срубленным не позднее середины XVIII столетия, а не в 1880-х годах. Причину такого консерватизма даже в конце XIX века этнограф Н.И. Харузин [5] видел в приверженности многих прихожан Почезерского погоста старообрядчеству.

В наши дни архитектура сооружений Почезерского погоста уникальна. Не существует ни одного памятника – архитектурного комплекса, объединившего в одно сооружение объемно раздельные две церкви и колокольню. Архитектура Почезерского храмового комплекса характеризуется единством разнообразия. По верному замечанию Ю.В. Линника, Почезерский погост – это ансамбль архитектурных форм единой постройки, а не ансамбль отдельных зданий. В нем использованы три разных типа завершений: шатер, двускатная кровля, бочка. Части внутри целого организованы нераздельно и, вместе с тем, не слитно (рис. 4).

Рис. 4. Архитектурный комплекс Почезерского погоста

В этом свойстве церковного комплекса Почезерского погоста ярко представлен один из характернейших приёмов художественной выразительности древнерусской деревянной архитектуры – асимметричное построение объемной композиции. Асимметричность – также одно из естественных свойств природного окружения деревянных архитектурных памятников. Архитектура и природа, дополняя одна другую, создают уравновешенную, гармоничную картину культурного ландшафта.

На территории Кенозерского парка сохранились ещё две деревянные церкви: на Хижгоре и в деревне Ведягина, они имеют более поздние архитектурные формы. Все вместе деревянные церкви дают возможность представить основные направления и этапы развития деревянной церковной архитектуры на Русском Севере.

Среди различных произведений народной культуры Кенозерья важное место занимают деревянные часовни. В недавнем прошлом они по одной- две стояли в каждом селении или рядом с ним, причем ставились они не только без разрешения светских и церковных властей, но даже вопреки неоднократным запретам со стороны последних, всячески боровшихся с церковным расколом. Есть основания считать, что, устраивая свои часовни без официального разрешения, крестьяне непосредственно продолжали древнюю традицию самоуправления. Часовни

издавна были распространены по всему Русскому Северу, но в XVIII – начале XX века (в пределах именно этого периода времени датируются сохранившиеся памятники) их концентрация на компактной территории нигде не была столь плотной, как в Кенозерье.

Среди существующих часовен Кенозерья можно найти большинство их функциональных разновидностей. Это часовни-кресты в деревне Тамбич-Лахта и центре деревни Тарасова. К этим памятникам прикреплены куски белой материи с вышитыми крестами. Высокий крест, но не открытый, а заключенный в маленькую клеть, расположен при деревне Тырнаволок, у лесной тропы. Большинство культовых памятников на Кенозере – это часовни-храмы. Их архитектурно-строительной основой является клеть – прямоугольный четырёхстенный сруб под двускатной кровлей. Подобные строения могут находиться в лесу, у воды, в поле или в центре селений.

Если все клетские часовни Кенозерья расположить в один архитектурно-типологический ряд, то первыми в нем окажутся простейшие постройки, такие, например, как поставленная при дороге у деревни Тырышкино. Эта часовня настолько мала, что входная дверь заняла всю ее западную стену, и не хватило высоты для устройства потолка. Сходна с тырышкинской элементарностью формы, но крупнее ее часовня в деревне Шишкино – чистая клеть с крестом на коньке кровли. Есть постройки в виде деревенских амбаров: четырёхстенный сруб с бревенчатым фронтонным навесом и предмостьем перед входом (в Косицыно, Городском). Их разновидностью являются конструктивно усложнённые и архитектурно обогащённые трехсторонними галереями и небольшими колокольницами часовни в Зехнова и Горбачихе. Часовни с сенями или притвором (в Карпово), а также с восьмигранной колокольней над западным отделением (в дд. Тамбич-Лахта, Бор, Бухалово, Горбачиха) замыкают архитектурно-типологический ряд безалтарных храмов Кенозерья (рис. 5). Интерьер таких часовен обладает завершенностью: восточную стену полностью закрывает иконостас, который дополняется иконами, так называемого неба – каркасного потолка в форме низкой усечённой пирамиды.

На территории национального парка «Кенозерский» находится три редких памятника деревянной архитектуры – бревенчатые ограды. Они окружают два церковных комплекса (Порженского и Почезерского погостов) и кладбище (близ деревни Филипповской), составляя вместе с ними своеобразные архитектурные ансамбли. Ограды как бы «вычерчивают» рельеф по границе участка, на котором расположен комплекс памятников. В XIX веке подобные бревенчатые ограды окружали большинство церковных погостов на Русском Севере. Теперь их осталось меньше десяти, и три из их числа – на территории национального парка «Кенозерский».

Рис. 5. Деревня Тамбич-Лахта. Часовня во имя Рождества Пресвятые Богородицы (фото И.Н. Шургина, 1976)

Правильное соотношение масштаба и форм поселений, благоприятное сосуществование архитектуры с окружающим пространством предопределяет гармонию культурного ландшафта. Если отчетливые формы природного ландшафта и архитектурные акценты гармонично связаны между собой и уравновешены, то сумма их свойств создает новые ценности, отличающиеся культурным и историческим своеобразием.

Эволюция крестьянского дома

Наряду с уникальными церковными ансамблями и разнообразными часовнями в составе архитектурного наследия Кенозерья значительный интерес представляют крестьянские жилища. Кенозерье относится к зоне распространения дома-двора (жилищно-хозяйственного комплекса) с двухъярусной хозяйственной частью. Дома в деревнях, расположенных вокруг Кенозера, Лёкшмозера и Почозера, представляют собой, в основном, два типа связи собственно жилища (избы) и крытого двухъярусного двора. По терминологии этнографов, эти типы называются «однорядная связь» и «поперечная связь». Также есть варианты обоих типов с Г-образным планом. В одном случае Г-образный план образуется при более широком дворе,

чем жилая часть, которая, с одной стороны, сдвинута к краю двора. В другом случае двор, перпендикулярно примыкающий к двухконечному жилищу (две избы через сени), сдвинут к краю одной из изб. Кроме того, в деревнях южной части побережья Кенозера при однорядной связи основных частей дома рядом с входом в сени ко двору перпендикулярно пристраивалась «зимовка» – низкая (без подклети) изба, в которой жили зимой. В Кенозерье также долго сохранялись «рудные» избы, то есть с курными (или черными) печами.

Почти все перечисленные признаки домов кенозерских селений присущи и жилищно-хозяйственным комплексам Каргополья [6] и большей части Пудожья [7]. Вместе с тем, дома именно Кенозерья сохранили свидетельство зарождения и развития одного из типов жилища – избы-пятистенка, который к началу XX века широко распространился в сёлах и деревнях Северной и Центральной России, потеснив другие типы[3].

Впервые явные конструктивные предпосылки образования пятистенного жилища заметил этнограф Л.В. Костиков [8] в курной избе 1765 года, которая сохранялась в составе большого дома[4] не в Кенозерье, а в селе Верховье Онежского уезда[5]. В этой четырехстенной избе было два перерубa, которые торцами бревен выходили на передний фасад. Один перерубa находился внизу посредине передней стены. Он служил опорой полу и печи, которая, по местной традиции, была сдвинута из угла к середине задней стены. Второй перерубa, высотой от пола до потолка, располагался в створе с боковой стороной печи. Этот перерубa отгораживал часть помещения избы – прилуб, где выполнялась женская домашняя работа.

Однако только в селениях на Кенозере в 1927 году М.А. Ильину[6] удалось найти крестьянские жилища, представлявшие более ранний этап развития пятистенка, по сравнению с избой в селе Верховье. Это так называемые, «скрытые» пятистенки – избы, у которых торцы брёвен пятой стены-перерубa ещё не выходят наружу. Одну из подобных построек – дом Баженова – М.А. Ильин зафиксировал в селе Вершинино. Учёный отметил: «Открытие этого типа, относящегося к самым древним постройкам озера, указывает на совершенно иное понимание

[3] пятистенок – это прямоугольный сруб, в котором еще есть пятая стена – сплошной перерубa от нижнего венца до конька кровли, разделяющий избу на две равные части.
[4] Дом не сохранился. Костиков Л. В. – заведующий русским отделом этнографического отдела Русского музея им. Императора Александра III (ныне Российский этнографический музей) совершил ряд экспедиций в Онежский и Кемский уезды Архангельской губернии. Одна из экспедиций в Онежский уезд состоялась в 1910 году.
[5] Ныне Онежский район Архангельской области.
[6] Ильин М. А. (1903–1981) – один из крупных исследователей древнерусской архитектуры и искусства. В 1927 году участвовал в «совместной фольклорной экспедиции ГАХН [Государственная академия художественных наук] с Центральным музеем народоведения, обследовавшей и район Кенозера.

в данном районе пятистенка и может существенно изменить общую гипотезу его образования. Пятистенок на Кенозере явился результатом внутреннего членения пространства, и его развитие было обусловлено ростом хозяйства избы» [9].

Материалы М.А. Ильина показывают, что в Кенозерье сохранились жилища, отражающие путь образования избы-пятистенка. Это позволяет нам составить типологический ряд-схему основных этапов её формирования: от начального, когда торцы бревен перерубов, еще не связанных в единую пятую стену, не выходят наружу («скрытый» пятистенок), до завершающего этапа, когда на передний (фронтонный) фасад выходят торцами все бревна единой пятой стены [7].

Такой типологический ряд-схему начинает «Дом с курной избой В.А. Сидорова в деревне Майлахта» [10]. Единственная в этом доме изба-четырёхстенок обогревалась чёрной печью, которая была сдвинута к середине стены с входом. При таком положении печи образуется свободное пространство между печью, боковой и передней стеной избы, размеры которого позволяют выделить его в отдельное помещение. Тем самым создаётся предпосылка образования пятистенка (рис. 6).

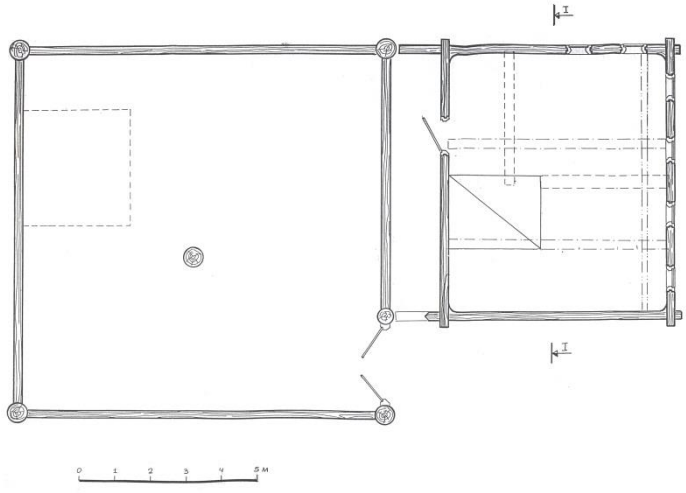


Рис. 6. Деревня Майлахта. Дом с курной избой В.А. Сидорова.
План на уровне окон. Воспроизводится по [10]

Следующим в типологическом ряду стоит «Дом Баженова из села Вершинино» (рис. 7*а*, 7*б*), который подробно рассмотрел и зафиксировал на чертежах в начале 20-х годов прошлого века М.А. Ильин. Постройки, подобные дому Баженова, не сохранились не только в Вершинине, но и во всем Кенозерье. Особенность его внутренней плани-

[7] Материалы о формировании пятистенка в Кенозерье были собраны автором настоящей статьи в процессе разработки научной концепции проекта «Экспозиции уменьшенных копий архитектурных сооружений», частично реализованного под названием «Кенозерские бирюльки» в лёкшмозерской части Национального парка «Кенозерский».

ровки состояла в выделении прилуба, что выявлялось на главном фронтонном фасаде ассиметричным расположением окон: три проёма равномерно смещены к одному из углов сруба. Их назначение – освещать только парадную часть избы – с красным углом.

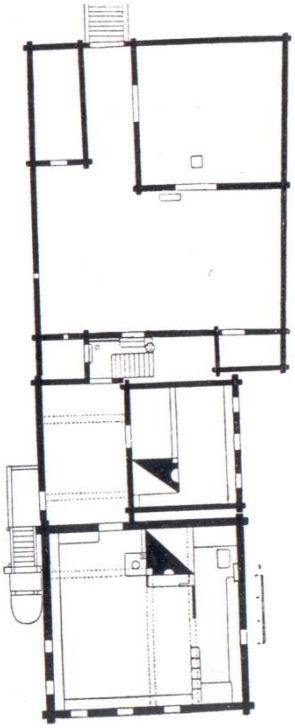


Рис. 7*а*. Село Вершинино. Дом Баженова. План на уровне окон.
Воспроизводится по [9]

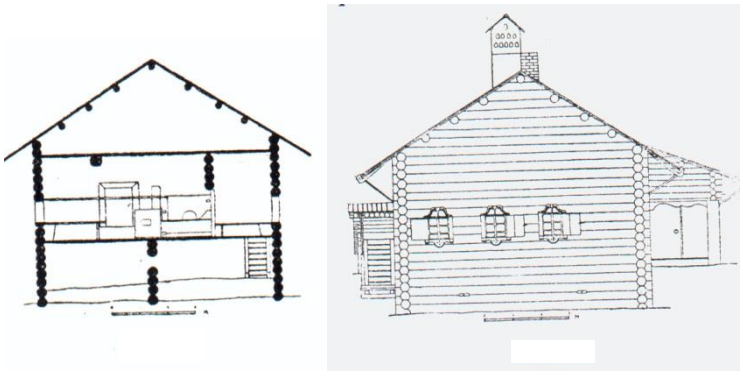


Рис. 7*б*. Село Вершинино. Дом Баженова. Поперечный разрез и вид с фасада.
Воспроизводится по [9]

Третье место в типологической схеме занимает «Дом В.М. и А.М Вахрамеевых в деревне Карпова» (рис. 8). Эта постройка образована поперечной связью жилья и двора. На главный фасад дома Вахрамеевых выходят две избы (летняя большей площади и зимняя меньшей) с сенями между ними, покрытые одним общим скатом

крыши. В плане весь дом имеет Г-образную конфигурацию: двор сдвинут к краю меньшей по площади избы. Зимняя изба внутри – скрытый пятистенок. Но три его окна во фронтонной стене расположены иначе, чем в доме Баженова: два смещены к одному углу сруба, третье – к другому. Эта асимметрия в расположении окон указывает место врубки между ними сплошной пятой стены, которая, не выходя наружу, делит избу внутри на две неравных части. Меньшая часть освещается одним окном, прорубленным во фронтонной стене. Большую часть зимней избы освещают четыре окна: два с фронтона, два – с переднего фасада. Вторая изба (летняя) – четырехстенная. Внутри неё нет пятой стены-перерубa, но помещение функционально разделено на две половины перегородкой из шкафов. Таким образом, в ней есть все предпосылки для устройства полного пятистенка с двумя равными помещениями.

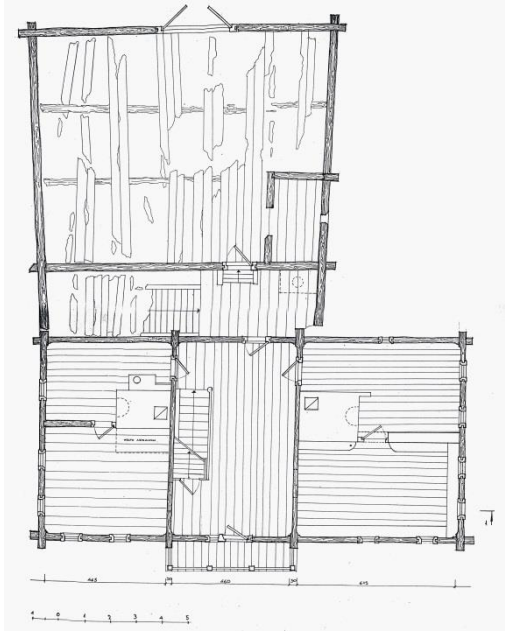


Рис. 8. Деревня Карпова. Дом В.М. и А.М. Вахрамеевых.
План на уровне окон. Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский»

Четвёртым в типологическом ряду-схеме стоит «Дом А.В. Дмитриева из деревни Першлахта» (рис. 9). Он относится к типу построек с однорядной связью двухэтажного жилища и двора с поветью. Первый этаж представляет собой пятистенок, в котором пятая стена разделяет два одинаковых по размерам помещения, но не выходит наружу. Второй этаж – четырехстенный с внутренней заборкой из шкафов, отгораживающих прилуб. В передней стене прорублены четыре окна, из которых одно крайнее смещено к углу сруба – следствие врубки в простенок внутри избы, над заборкой брёвен неполной пятой стены, концы брёвен которой не выходят наружу.

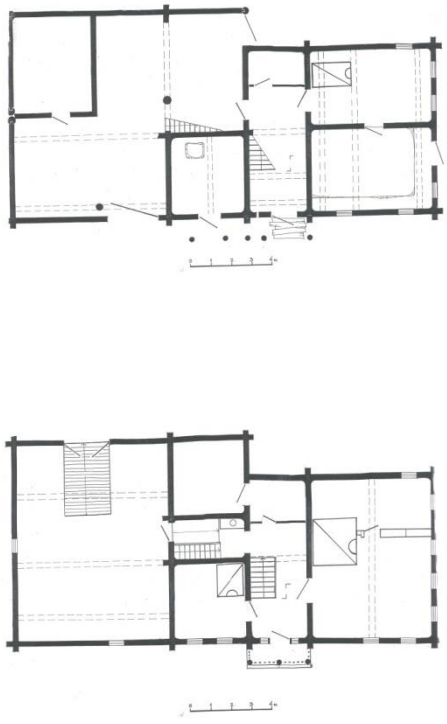


Рис. 9. Деревня Першлахта. Дом А.В. Дмитриева. Планы первого и второго этажей. Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский»

Замыкает типологический ряд-схему «Дом из деревни Немята» (рис. 10). Это самая большая постройка типологической схемы. В доме все жилые помещения двухэтажные, причём они занимают три четверти площади и объёма постройки в целом, а хозяйственные – только четверть. По типу общей планировки дом показывает редкий пример открытой двурядной связи жилья и двухъярусного двора. Все жилые помещения – законченные пятистенки, с выходящими на фронтонные фасады брёвнами пятой стены.

Рис. 10. Деревня Немята. Дом с параллельной связью жилой части. Передний фасад Воспроизводится по [11]

В завершение следует отметить: сохранение всех, без исключения, архитектурных памятников Кенозерья на присущих им местах на территории национального парка, без их перемещения, обеспечивает им неоспоримое достоинство – обладание высокой степенью аутентичности. Их культурно-историческое значение ещё возрастает от признания факта: эти памятники являются хранителями ряда особенностей, которые были широко распространены или, в отдельных случаях, даже сложились именно в архитектуре Кенозерья и окрестностей. К таким особенностям относятся: существование храмовых комплексов-ансамблей Почезерского и Порженского погостов, повсеместное строительство разнообразных часовен, устройство расписных потолков пирамидальной формы – «небес» в церквах и часовнях клетского типа, формирование избы-пятистенка. Приверженность традиции, отмечавшаяся для былинного народного творчества, также характерна и для архитектуры в системе целостной культуры Кенозерья как части Каргопольского и Пудожского историко-культурных регионов. «Заповеданное Кенозерье» является уникальной территорией народной культуры – территорией с заповеданными традициями, воплотившимися в целостном архитектурном облике края и продолжающими поддерживать этот облик в современности.

Литература

1. *Ушаков Ю.С.* Ансамбль в народном зодчестве русского Севера. Л., 1982.

2. *Забелло С.* Каргопольская экспедиция // Архитектурное наследство. М., 1955. № 5. С. 10, 12; Критский Ю.М. Кенозерье. Архангельск, 2005. С. 21–22.

3. ГААО. Ф.29. Оп. 40. Д. 13. Ведомость о приписной церкви великомученика Георгия Победоносца … состоящей при деревне Федоровской. (См.: Критский Ю.М. Кенозерье. Архангельск, 2005. С. 131, сноска 2).

4. *Заручевская Е.Б.* Церковь Георгия Победоносца деревни Федоровская на Порженском озере // Небеса и окрестности Кенозерья. М., 2009.

5. *Харузин Н.Н.* Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда, Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1893.

6. *Алферова Г.В.* Каргополь и Каргополье. М., 1973. С. 106–117.

7. *Вахрамеева Т.И.* Создание Пудожского сектора (Восточное Обонежье) в музее-заповеднике «Кижи» // Архитектурное наследие и реставрация. М., 1986. С. 175–177.

8. *Костиков Л.* Изба семи государей // Материалы по этнографии России. СПб., 1914. Т. II. С. 1–11.

9. *Ильин М.А.* Крестьянская изба Кенозера // Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук [РАНИОН]. Институт археологии и искусствознания. Труды секции археологии. М., 1929. Вып. IV. С. 241–256.

10. *Мильчик М.И., Шевелева Е.В.* Краткий каталог расписных домов Каргопольского, Плесецкого и Няндомского районов Архангельской области. Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 2. Д. 186.

11. *Гунн Г. П.* Каргопольский озерный край. М., 1984. С. 108–109.

WOODEN ARCHITECTURE AS THE CULTURAL LANDSCAPE KEY ELEMENT AND EVOLUTION OF TRADITIONAL HOUSE CONSTRUCTION IN KENOZERIE

I. Shurgin
carency@yandex.ru

Moscow, Russia

Abstract. *This article regards wooden architecture – spatial constructions complexes and separate buildings – as the main source of a cultural landscape identity, and also ways of architecture and environment connections within national the park Kenozerie. Architectural features of two church ensembles, numerous chapels, country houses are revealed, including origin and development of the five-walled house in Kenozerie territory.*

Keywords: *rural wooden architecture, rural cultural landscape, churches, chapels, country houses, Kenozerie.*

For citation: Shurgin I., Wooden architecture as the cultural landscape key element and evolution of traditional house construction in Kenozerie. *Heritage and Modern Times*. 2019;2(2):64–80.

References

1. *Ushakov Ju.S.* Ansambl' v narodnom zodchestve russkogo Severa. L., 1982.

2. *Zabello S.* Kargopol'skaja jekspedicija // Arhitekturnoe nasledstvo. M., 1955. # 5. S. 10, 12; Kritskij Ju.M. Kenoze'e. Arhangel'sk, 2005. S. 21–22.

3. GAAO. F.29. Op. 40. D. 13. Vedomost' o pripisnoj cerkvi velikomuchenika Georgija Pobedonosca ... sostojashhej pri derevne Fedorovskoj. (Sm.: Kritskij Ju.M. Kenoze'e. Arhangel'sk, 2005. S. 131, snoska 2).

4. *Zaruchevskaja E.B.* Cerkov' Georgija Pobedonosca derevni Fedorovskaja na Porzhenskom ozere // Nebesa i okrestnosti Kenozer'ja. M., 2009.

5. *Haruzin N.N.* Iz materialov, sobrannyh sredi krest'jan Pudozhskogo uezda, Oloneckoj gubernii. Petrozavodsk, 1893.

6. *Alferova G.V.* Kargopol' i Kargopol'e. M., 1973. S. 106–117.

7. *Vahrameeva T.I.* Sozdanie Pudozhskogo sektora (Vostochnoe Obonezh'e) v muzee-zapovednike «Kizhi» // Arhitekturnoe nasledie i restavracija. M., 1986. S. 175–177.

8. *Kostikov L.* Izba semi gosudarej // Materialy po jetnografii Rossii. SPb., 1914. T. II. S. 1–11.

9. *Il'in M.A.* Krest'janskaja izba Kenozera // Rossijskaja associacija nauchno-issledovatel'skih institutov obshhestvennyh nauk [RANION]. Institut arheologii i iskusstvoznanija. Trudy sekcii arheologii. M., 1929. Vyp. IV. S. 241–256.

10. *Mil'chik M.I., Sheveleva E.V.* Kratkij katalog raspisnyh domov Kargopol'skogo, Pleseckogo i Njandomskogo rajonov Arhangel'skoj oblasti. Nauchnyj arhiv FGBU «Nacional'nyj park «Kenozerskij». F. 1. Op. 2. D. 186.

11. *Gunn G. P.* Kargopol'skij ozernyj kraj. M., 1984. S. 108–109.

Сведения об авторе

Шургин Игорь Николаевич, архитектор-реставратор первой категории, член Ассоциации искусствоведов, управляющий и научный руководитель Фонда «Поддержка памятников деревянного зодчества», старший научный сотрудник реставрационной фирмы «ПРК “КАРЭНСИ”».
E-mail: carency@yandex.ru

Author of the publication

Igor Shurgin, first category architect-restorer, member of Association of art critics, managing director and research supervisor of "Support of Wooden Architecture Monuments Foundation", senior research fellow of the restoration company "PRK "KARENSI".
E-mail: carency@yandex.ru

Дата поступления 10.04.2019

УДК 39

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА КАК ФАКТОРА ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА КЕНОЗЕРЬЯ

Н.М. Ведерникова
sds46@yandex.ru

Москва, Россия

Аннотация. *Рассматриваются основные виды хозяйственной деятельности и природопользования крестьянского сообщества Кенозерья, определившие характерные особенности культурного ландшафта. Привлечение этнографического и фольклорного материала подтверждает устойчивость традиционных основ культуры, предстающей в единстве ее материальных и духовных сторон.*

Ключевые слова: *культурный ландшафт, традиционная культура, народные верования, обычаи, деревня, дом, крестьянское хозяйство, лесные и озёрные промыслы.*

Для цитирования*:* Ведерникова Н.М. Этнокультурные аспекты крестьянского хозяйства как фактора формирования культурного ландшафта Кенозерья. *Наследие и современность = Heritage and Modern Times.* 2019;2(2):81–94.

Традиционные для Русского Севера виды хозяйственной деятельности в природно-климатических условиях Кенозерья обрели свои особенности, повлиявшие на формирование культурного ландшафта. Рассмотрение жилищно-бытовых и традиционных хозяйственных практик в контексте обрядовых традиций и устной культуры Кенозерья выявляет эти особенности, обнаруживая органическое единство и взаимосвязь различных сторон народной культуры: хозяйственной практики и бытовых традиций; обрядов, закрепляющих и регламентирующих различные виды деятельности; народных обычаев и верований, обеспечивающих успешность работ и благополучие людей.

Одна из примечательных сторон культурного ландшафта Кенозерья – его деревни. Деревянные часовни (в каждой деревне разные), строгие и монументальные дома, приземистые бани, амбары, изгороди, дороги и тропы, ведущие из деревни к ближайшей мельнице, в поля, лес – таковы общие черты кенозерской деревни (рис. 1).

В традиционной культуре дом – одна из универсальных материальных и духовных ценностей. Северный, в их числе и кенозерский, дом как бы вобрал в себя основы народной материальной культуры: практичность (рациональность), конструктивность строений и духовную составляющую. Строительство дома может рассматриваться как акт творения, сопровождаемый обычаями, поверьями, обрядами, призванными обеспечить крепость дома и благополучие семьи. И потому выбор места для возведения дома, планировка и организация внутреннего пространства – все подчинялось традициям.

Рис. 1. Деревня Зехнова с характерным составом ландшафтных элементов

Бревенчатый сруб – мощная конструкция на высоком подклете, придающий избе массивность, монументальность, с характерной безгвоздевой самцовой конструкцией кровли, с крытым двором, прилегающим к жилой части дома, с широкими взвозами – таковы общие черты северного дома, которые определены суровыми зимами, особенностями хозяйственных занятий, которые продолжались в течение всего года [1]. Каждый этап строительства дома имел свое название, этапными считались кладка первого венца *(основа*) – первые бревна сруба укладывались на больших камнях – валунах, помечавших углы избы, последнего венца перед крышей (*черепово дело*), установка *матицы* – потолочной балки, кладка печи.

Дом делится на жилую часть и хозяйственный двор, разделённые сенями. В жилой части сакральным центром наряду с красным углом, где помещаются иконы и обеденный стол, является печь, символизирующая полноту и благополучие семьи. Печь, повёрнутая устьем к фасаду дома, представляет собой многофункциональное сооружение, с несколькими ярусами, нишами, каждая из её частей имеет своё название. В печи готовят еду, на печи спят, сушат вещи, под печью зимой держат кур. В доме, согласно традиции, совершались все семейные обряды, связанные с рождением ребёнка, свадьбой, похоронами.

Двухъярусная хозяйственная часть (верхняя – *сарай*, нижняя – *двор)* занимает едва ли не половину всей постройки. Её устройство напрямую связано с содержанием скота. В сарае с бревенчатым полом и широкими воротами складируется и досушивается сено, хранится хозяйственный инвентарь; в нижней части находятся *хлева,* где содержится скот – коровы, лошади, овцы. Взаимосвязь между ярусами позволяет, не выходя из дома, заниматься хозяйственными делами.

Бытовало поверье, что в каждом доме есть «хозяин» (*домовик, домовой, жихарь*), который знает все о домочадцах, следит за выпол-

нением необходимых дел, бережёт полюбившийся ему скот. Домовому ставили угощение – ягоды и простоквашу, в хлеву раскидывали жито по четырём углам с просьбой позаботиться о животных.

Бани, стоящие у озера или по ручью – культурная традиция Русского Севера (рис. 2). На Кенозере сохранились *рудные* бани, которые топятся по-чёрному (архаический тип). В бане не только моются, но и лечатся. Посещение бани требует соблюдения особых правил: постучаться, прежде чем войти, не мыться ночью, не оставлять в бане без присмотра ребёнка («хозяин» бани может подменить младенца) [2]. О каждом доме, амбаре, бане точно известно, когда и кем они поставлены. Семейные истории вместе с рассказами о мифологических «хозяевах» строений поддерживают родовые традиции.

Рис. 2. Линия бань у озера в деревне Вершинино

Мельницы в культурном ландшафте Кенозера являются ценными культурными объектами, прежде всего, как образцы крестьянских гидротехнических сооружений, игравшие важную роль в хозяйственной жизни людей. В Кенозерье наибольшее распространение получили водяные мельницы, что обусловлено наличием по берегам озёр множества ручьёв и речек. Водяные мельницы возводили обычно всей деревней. При этом учитывали ряд факторов: удалённость от деревни, удобные подъездные пути, но главной, конечно, была возможность использовать силу воды: резкий перепад уровня в озёрах или бурное течение рек и родников. К строительству плотины приступали зимой. В летний период возводилось здание мельницы и мельничные механизмы. Оценивая мастерство строителей мельниц, местное население

обычно говорило: *«Как в валенках идёт мельница»* (т.е. мелет очень качественно и работает тихо, без скрипа и лязга). В прошлые времена почти каждая кенозерская деревня имела свою мельницу, а у некоторых деревень их было 2–3. В начале XX в. на рассматриваемой территории существовало около 50 водяных мельниц и шесть ветряных [3].

Помимо практического назначения, мельницы наделялись и сакральным смыслом, что соответствовало общерусской традиции [4]. Считалось, что на мельнице есть свой, мифический, «хозяин», который следит за успешной и беспрерывной работой мельницы. Например, в нужный момент он может разбудить человека, заснувшего в ожидании своей очереди на помол зерна. Вода из-под мельничного колеса наделялась особой силой, которой пользовались знахарки при лечении болезней и отыскивании пропавшего скота. Во второй половине XX в. кенозерские мельницы постепенно утратили свою хозяйственную роль, были заброшены, пришли в запустение и разрушились. В начале XXI в. две водяные мельницы – на Левусозере и в деревне Зехнова – были восстановлены как культурные ландшафтные объекты и как свидетельства-напоминания о практической и социальной роли мельниц в жизни сообщества (рис. 3).

Рис.3. Механизмы восстановленной мельницы в деревне Зехнова

На протяжении веков главнейшими отраслями хозяйства оставались хлебопашество, животноводство, рыболовство, охота. В своей хозяйственной практике жители Кенозерья следовали знаниям и умениям, принесёнными сюда ещё первыми поселенцами. К ним относились не только производственный опыт, но и совершение обрядов, регулирующих цикличность проведения необходимых работ, а также соблюдение обычаев, верований, обеспечивающих, с точки зрения жителей, успешность хозяйственных занятий.

Климатические и природные особенности Кенозерья вносили свои коррективы в производственную практику. Так, из зерновых культур наиболее рентабельными в этой местности стали рожь, овес, жито (пшеницы высевали очень мало, она, в сущности, появилась здесь с колхозами – в 1930-е гг.) [5]. Также сеяли лен, из огородных культур выращивали лук, морковь, капусту, репу, горох. Отсутствие больших площадей хороших пахотных земель заставляло ценить каждый свободный участок земли. Огороды возделывали вблизи дома. Все поля вокруг деревень, включая косогоры, распахивались. Земельный надел крестьянской семьи включал участки земли (*полоски*) на полях вокруг деревни, *пожни* за озером, а также *поляны* в лесу (рис. 4), на которых, как правило, сеяли зерновые (участки были именные, за ними закреплялось имя/прозвище владельца). Эти названия сохранились в местных топонимах [6].

Рис. 4. Сенокосная поляна в окрестностях деревни Спицыно

На лесных участках в первую очередь использовали *залежь* – угодья, заросшие кустарником и мелколесьем, где применялась одна из древнейших форм земледелия – *подсека*: участок очищался от леса, кустарника, на следующий год все это сжигалось, на третий год земля засевалось озимыми. Сначала сеяли рожь, которая давала большой урожай, на другой год – овёс, потом жито. Подготовка поляны под посев льна требовала особых работ. Подсечная система земледелия на Кенозере и Лёкшмозере сохранялась вплоть до 30-х годов XX в. и является яркой иллюстрацией традиционных способов земледелия, распространённых в лесных регионах России [7].

В период колхозов и совхозов (1950–1980-гг.), когда животноводство стало ведущей хозяйственной отраслью, на пахотных землях выращивали на корм скоту зерновые культуры – овёс, рожь, ячмень и го-

рох, поддерживались сенокосные угодья, что способствовало сохранению культурного ландшафта [5]. Сохранившимися ландшафтными приметами традиционных сельскохозяйственных работ сегодня служат усадебные огороды с оградами из горизонтально положенных жердей; открытые пространства вокруг деревень, поляны (в прошлом пахотные участки земли) и пожни – сенокосные луга с характерными оградами – *косяками* (наискось положенными тонкими жердями).

Народный сельскохозяйственный календарь определял начало и завершение посевных работ, а также важные промежуточные полевые работы. Знаковыми датами, приуроченными к православным праздникам и сопровождаемые обрядами, были: Егорьев день (23 апреля/6 мая) – освящение лошадей, начало сева; летний период, следовавший после Петрова дня (День апостолов Петра и Павла 29 июня/ 12 июля) – вторая пахота и удобрение земли под озимые; Спасов день (6/19 августа) – третья пахота и посев озимых. Завершение полевых работ – уборка ржи, обычно в середине августа, отмечалось обрядом *зажинок*: последний сноп торжественно вносился в дом, ставился под иконы (божницу) и хранился до Покрова (1/14 октября), когда скот запирали в хлеву. Скармливание зерна с этого снопа должно было обеспечить животным здоровье [7].

Взаимосвязь хозяйственной деятельности, бытовых традиций и культурного ландшафта также хорошо прослеживается при рассмотрении животноводства. Животные в жизни русского крестьянина всегда играли ключевую роль, на Русском Севере особенно, где ощущался недостаток пахотных земель, но было много земли, используемой для заготовки корма скоту и выпаса животных. Поэтому обычаи, связанные с содержанием скота, оказались особенно устойчивыми, и мы вправе рассматривать традиционные практики и верования, связанные со скотом, как живую культуру.

В деревнях Кенозера всегда держали скот – коров, лошадей, овец. Этот вид традиционной деятельности сохранялся и во времена коллективных хозяйств – колхозов и совхозов. Сегодня в частном владении вновь появились коровы, лошади, овцы, таким образом, происходит возрождение этой важной сферы жизнедеятельности (рис. 5). Многочисленные покосные луга с их специфическими ограждениями, скошенное сено, собранное в стога, и сегодня составляют характерные визуальные приметы возрождающегося культурного ландшафта.

Рис. 5. Вид из деревни Семёново на Ряпусный берег

С содержанием скота связаны многочисленные обычаи и верования, корнями уходящие в языческое прошлое. Скотоводческая обрядность включает комплекс магических действий и словесных заклинаний, призванных защитить скот, обеспечить его плодовитость и здоровье. Поскольку животные в осенне-зимний период содержались в домашних условиях (в период совхозов – на животноводческих фермах), а в весенне-летний – паслись на лугах, то сформировалось два вида скотоводческой обрядности. Это домашняя обрядность, т.е. магические действия, заговоры, совершаемые в пределах дома, и пастушеская обрядность в период выпаса животных [8].

Животные в доме определяли режим работ хозяйки. В своих заботах о животных хозяйка обращалась к *дворовым* (мифологическим «хозяевам» дома) с просьбой уберечь скот. Эти просьбы обрели форму заговоров, которые характеризуются широтой тематики, охватывающей все виды занятий, связанных со скотом (чтоб успешной была купля-продажа, чтобы корова всегда возвращалась домой, спокойно стояла при дойке, состоялось лечение, была защита «от сглаза» и проч.) [9].

Период выпаса скота на Кенозере, как и земледельческие занятия, составляет замкнутый цикл: первый выгон скота (в день св. Георгия 23 апреля/6 мая) – «закрытие скота» (1/14 октября – в Покров). Подготовка скота к летнему выпасу сопровождалась особыми домашними обрядами: с хвостов животных состригали шерсть, у коров это делали в Великий четверг, у лошадей – в Егорьев день. Состриженную шерсть хранили в хлеву до следующего года, что, по поверьям, обеспечивало возвращение животных домой. Скот из дома провожали с вербой, которая в славянской традиции символизирует здоровье и жизненную силу [8].

При часовнях проходило освещение животных (крапление святой водой). Многие кенозерские часовни посвящены святым, которые считаются покровителями животных. Согласно народным верованиям св. Георгий (Егорий), которому посвящены часовни в деревнях Минино и Спицыно, оберегал скот; святые Флор и Лавр (часовня в д. Семеново) охраняли лошадей; Параскева Пятница (часовня в д. Тырышкино) оберегала овец; та же роль отводилась св. Власию (часовня на Медвежьем острове).

В период выпаса скота (6 мая – 14 октября) пастух – знаковая фигура в культурной традиции, поскольку от его умения зависела сохранность стада. В деревнях верили, что пастух обладает особыми тайными знаниями (заговорами, магическими действиями), помогающими ему сберечь доверенный ему скот. Кроме того, он налагал на себя ряд запретов, отделяющих его в этот период от обычных людей (волос не стричь, не спать с женщиной, чёрную ягоду не есть, колокола в стаде не менять, не перелезать через изгородь). Знающий пастух имел *отпуск* – большой заговорный текст, в котором содержится обращение к святым с просьбой защитить «*милый скот, колхозный и крестьянский живот*». Отпуск хранился у пастуха, видеть и тем более читать его посторонний не мог, иначе *отпуск* терял силу.

Обнаруженный нами в 2002 г. в д. Горбачиха текст пастушеского отпуска, представляя местную традицию одной из древнейших крестьянских профессий, по праву может быть отнесен к уникальным памятникам нематериального наследия Кенозерья (текст опубликован – [8]).

В праздник Покрова Богородицы (1/14 октября) домашний скот ставили на зиму в хлев. Этот день сопровождается обрядом, который носит название *запирание скота*. Хозяйка в этот день передаёт скот во власть *дворовому*, просит его поить и кормить скотину, стеречь днём и ночью. Просьба носит характер заговора, который у каждой хозяйки варьируется.

Если пастушеская обрядность в Кенозерье сохранена, в основном, в свидетельствах жителей и подтверждена текстом *отпуска*, то домашняя скотоводческая обрядность является живой традиций. Пока хозяйка держит корову, овец, она следует обычаям, которые существуют в единстве различных обрядовых и словесных жанров, сопровождающих уход за скотом.

Важную роль в жизни жителей Кенозерья играл и продолжает играть лес. Лес не только давал строительный материал, но и породил особые занятия: сбор ягод, грибов, которые являются важным подспорьем в питании, охотничий промысел. Среди жителей деревень до сих пор бытуют древние поверья, связанные с лесом. Отправляясь в лес, читают обережную молитву или заговор, в котором обращаются к *лесовому* – хозяину

леса с просьбой содействовать успешности дела. Лесовой, который может привидеться то стариком, то собакой, в народном представлении следит за соблюдением порядка: не кричать в лесу, не разжигать на тропах костров, не ломать деревья, не браниться и др. Существовал запрет на посещение леса после 25 октября (видимо, это связывалось с началом зимы). Нарушение правил грозило наказанием: лесовой может сбить с дороги, завести в чащобу или болото [10]. В запретах кроется здравый смысл – бережное отношение к лесу и предостережение от возможных опасностей.

По древним поверьям, от лесового зависела и успешная охота на промысловых птиц (рябчика, тетерева, глухаря, белую куропатку) и зверей (лося, белку, зайца, лису, куницу), являющаяся одним из традиционных хозяйственных промыслов. Охота – дело потаённое и связана с соблюдением ряда правил (например, постараться, отравляясь на охоту, никого по дороге не встретить). Многие в деревнях верили, что «все лесники, особенно все охотники, делятся на охотящихся с Богом и охотящихся с Лесом», т.е. с лесовым. Вступая в сговор с лесовым, охотник, как и пастух, находясь в лесу, налагал на себя ряд запретов (не кричать, не убивать самок зверей, не ставить на месте капканов прутья и пр.) и мог пользоваться *статьей* (заговором). В тексте одного из них, записанным в д. Зехново, содержится обращение к «св. Егорию Храброму, Миколе Угоднику и Макарию Преподобному» с просьбой нагнать зверей *«из-за тридевять земель, из-за тридевять озёр, из-за тридевять рек, из-за тридевять лужон. Чтобы это зверье по своим следам скакали, мне в капканы попадали, ног не обивали и до рук доходили»*.

В охотничьих заговорах и поверьях нашли отражение особенности народного православия, часто сочетающего веру в «хозяев» природных угодий и святых покровителей. В одном из них, записанном в д. Зехново, хозяевами леса названы св. Егорий Храбрый, Николай Угодник, Макарий Преподобный – образы, по сравнению с лесовым, более высокого уровня, соответствующие важности и опасности предпринимаемого дела [2].

Обычаи и поверья, определяющие поведение человека в лесу, формировали экологическое сознание, что проявлялось в бережном отношении к природе и рациональности природопользования. Эта сторона традиционной культуры представляет живое наследие.

Озеро, имеющее первостепенное значение в жизни кенозеров, является и одной из главных доминант культурного ландшафта (рис. 6). С озером, как и с лесом, связано множество поверий и обычаев: оно даёт силу, здоровье, способно гневаться, предсказывать беду. На Лёкшмозере, рассказывали местные жители, «до 19 июля тучи не проходили над озером – озеро не пускало». К воде обращались с благодарственными словами и просьбой «взять плохое». Водой, взятой на заре, лечили болезни.

Рис. 6. Озеро Лёкшмозеро

Кенозерье славится многообразием видов рыбы – более 20 видов: ряпушка, сиг, нельма, корюшка, щука, лещ, язь, плотва, карась, ерш, окунь, судак и др. *Ряпусовский берег* получил название по обилию ряпушки, подходившей к этому месту Кенозера в период лова. Исследования, проведённые в последние десятилетия, показывают сохранение видового многообразия и природного качества рыбы. В прошлом рыба была меновым товаром. Она составляла и составляет важную часть рациона питания; рыбу сушат, солят, варят уху, запекают в тесте (рис.7) и пр.

Рис. 7. Традиционное блюдо – запечённая в тесте рыба

Рыбная ловля – традиционное занятие кенозеров, которое, по народным представлениям, также требует соблюдения определённых правил. Так, во время ловли рыбы рыбак обязан хранить молчание. В одной из деревень записан обряд окуривания сетей над костром перед ловом рыбы и сопровождавший его заговор. В озере, как и в лесу, есть свой «хозяин» (*водяник*). Ещё в 1887 г. этнографом Н.Н. Харузиным был записан мифологический рассказ о том, как водяной Кенозера сватался к дочери водяного Водлозера (в те времена озера, якобы, соединялись друг с другом). Получив отказ, кенозерский водяной рассердился и засыпал камнями протоку меж озерами [11; 12]. Водяник может привидеться огромной рыбой, стариком, мужиком. Но устойчива его роль как «хозяина» озера и покровителя рыбного промысла. На Кенозере отмечен один из древнейших обычаев – кормление (*задабривание*) водяного. В качестве жертвы кенозеры для удачного лова отправляли в плавание по озеру продукты – яйца и хлеб, водяного угощали также водкой, хлебом, табаком. Задабривание должно было обеспечить хороший улов. Богатый улов в представлении рыбаков – это дар озера [13].

В деревнях продолжает бытовать поверье, что в Духов день (День Святого духа) на рыбалку не ходят – «русалки в воду затащат». Повсеместно существовал запрет на купание в озере после захода солнца: в это время озеро, как говорят жители, спит. После Ильина дня (20 июля/2 августа), когда вода заметно холодеет, запрет на купание связывался с водяным, жаждущим жертвы [14].

В народных рассказах рядом с мифологическими «хозяевами» вод упоминаются святые – апостолы Пётр и Павел (29 июня/12 июля), почитаемые как покровители рыбаков. В крупнейшей деревне на Лёкшмозере – Морщихинской – этот день является престольным праздником. В д. Орлово была записана молитва-заговор, обращённая к святым Петру и Павлу с просьбой наполнить сети рыбой.

По воспоминаниям В.А. Дынник, участницы экспедиции Б.М. Соколова на Кенозеро (1927 г.), «в Петров день на Кенозере делали плот, на котором священник освещал воду. Из д. Вершинино на берегу Кенозера традиционно организовывался Крестный ход на воду», после молебна с водосвятием мужчины и женщины входили в воду и окунались по горло [15].

Жизнь на озере породила одно из повсеместно развитых мужских ремёсел – изготовление лодок (кенозёрок), конструкцией и силуэтом отличающихся даже от лодок соседнего Водлозера [16]. Это уникальное ремесло, традиции которого не забыты и сегодня. Другой вид распространённого ремесла в Кенозерье – плетение сетей. Особые способы ловли рыбы, наблюдения и приметы, связанные с рыболовством, сохраняются как важные компоненты современной народной культуры.

Природное богатство Кенозерья, продукты земледельческой и животноводческой деятельности определили и особенности местной кухни. В целом, кенозерская кухня основывается на общерусских традициях. В качестве специфической особенности кенозерской кухни может быть отмечено разнообразие рыбных блюд и выпечки – творожники, шаньги, калитки (пироги с кашей), сочни, пироги с ягодой [17]. Кенозерская кухня – это живая культура, которая активно заявляет о себе и в повседневной жизни и в праздники. Её традиции поддерживаются и Кенозерским национальным парком: посетители парка в этом могут убедиться, посетив гостевые дома.

Таким образом, рассмотрение основных видов хозяйственной деятельности и природопользования в Кенозерье в контексте народных бытовых и хозяйственных традиций с привлечением фольклорных материалов, в их взаимосвязи с культурным ландшафтом, выявляет целостность народной культуры, которая предстаёт в единстве её материальных и духовных сторон.

Литература

1. *Ильин М.А.* Крестьянская изба Кенозера // Труды секции археологии (Институт археологии и искусствознания). Ч. 4. М., 1928. С. 241–257.

2. *Ведерникова Н.М.* Кенозерские сказки, предания, былички. М., 2003.

3. *Анциферова А.И.* Возрождение исторических элементов ландшафта через музеефикацию: пример кенозерских мельниц // раздел 2.6 ОНИР "Обоснование включения крестьянского северо-русского культурного ландшафта "Заповеданное Кенозерье" в Список всемирного наследия" / рук. Ю.А. Веденин. –. Москва, 2017 (в рукописи).

4. *Ведерникова Н.М.* Мельник и мельницы в русской мифологии // «Научный диалог». Вып. 12(36). Филология. Екатеринбург, 2014. С. 6–22.

5. *Анциферова А.И.* Совхоз «Кенозерский»: поддержание традиционных культурных ландшафтов в 1970–1980-х годах // Кенозерские чтения – 2013. Архангельск, 2015. С. 128–148.

6. *Кулешова М.Е.* Функционально-планировочная организация крестьянских культурных ландшафтов // Культурный ландшафт как объект наследия. М.-СПб, 2004. С. 264–266.

7. *Синяговский С.А.* Традиционное земледелие и огородничество крестьян Кенозерья XVI–XX вв. Образовательная программа / Кенозерский национальный парк. Каргополь, 1999 г. 9 с. (рукопись).

8. *Ведерникова Н.М.* От Егория до Покрова: скотоводческая обрядность на Кенозере // Актуальные проблемы полевой фольклористики. М., 2004. С. 131–140.

9. *Иванова А.А., Артемьева П.П.* Скотоводческая магия Кенозерья // Кенозерские чтения – 2015. Архангельск, 2016. С. 91–100.

10. *Иванова А.А., Пономарева В.В.* Леший в культурном ландшафте Кенозерья // Кенозерские чтения – 2015. Архангельск, 2016. С. 101–116.

11. *Харузин Н.Н.* Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии // Олонецкий сборник. Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Вып. 3. Петрозаводск, 1894. С. 319–320.

12. *Кузнецова В.П.* Памятники русского фольклора Водлозерья. Предания и былички. Петрозаводск, 1997. С. 22–23.

13. *Абрамова А.А.* Озеро в культурном ландшафте Кенозерья // Кенозерские чтения – 2013. Архангельск, 2015. С. 112–117.

14. *Мелютина М.Н., Теребихин Н.М.* Сакральный ландшафт Кенозерья. Архангельск. 2013. С. 28.

15. *Бахтина В.А.* Неизданные материалы экспедиции Б.М и Ю.М. Соколовых. 1926–1928 гг. М., 2011. Т. 2. С. 630.

16. *Логинов К.К.* Лодка «кенозерка» на Водлозере // Кенозерские чтения – 15. Архангельск, 1916. С. 329–340.

17. *Синяговская Т.А.* Традиционная кухня Кенозерья // Кенозерские чтения – 2003. Материалы Первой Всероссийской научной конференции «Кенозерские чтения – 2003». Архангельск, 2004. С. 283–294.

ETHNOCULTURAL ASPECTS OF PEASANTS' HOUSEHOLD AS A FACTOR OF KENOZERIE CULTURAL LANDSCAPE FORMATION

N. Vedernikova
sds46@yandex.ru

Moscow, Russia

Abstract. *The article examines main types of economic activity and environmental management of Kenozerie peasants' household community, that defined its cultural landscape specific features. Ethnographic and folklore material confirms stability of traditional culture basis, appearing in unity of its material and spiritual aspects.*

Keywords*: cultural landscape, traditional culture, folk beliefs, customs, village, house, peasants' household, forest and lake crafts.*

For citation: Vedernikova N. Ethnocultural aspects of peasants' household as a factor of Kenozerie cultural landscape formation. *Heritage and Modern Times.* 2019;2(2):81–94.

References

1. *Il'in M.A.* Krest'janskaja izba Kenozera // Trudy sekcii arheologii (Institut arheologii i iskusstvoznanija). Ch. 4. M., 1928. S. 241–257.

2. *Vedernikova N.M.* Kenozerskie skazki, predanija, bylichki. M., 2003.

3. *Anciferova A.I.* Vozrozhdenie istoricheskih jelementov landshafta cherez muzeefikaciju: primer kenozerskih mel'nic // razdel 2.6 ONIR "Obosnovanie vkljuchenija krest'janskogo severo-russkogo kul'turnogo landshafta "Zapovedannoe Kenozer'e" v Spisok vsemirnogo nasledija" / ruk. Ju.A. Vedenin. –. Moskva, 2017 (v rukopisi).

4. *Vedernikova N.M.* Mel'nik i mel'nicy v russkoj mifologii // «Nauchnyj dialog». Vyp. 12(36). Filologija. Ekaterinburg, 2014. S. 6–22.

5. *Anciferova A.I.* Sovhoz «Kenozerskij»: podderzhanie tradicionnyh kul'turnyh landshaftov v 1970–1980-h godah // Kenozerskie chtenija – 2013. Arhangel'sk, 2015. S. 128–148.

6. *Kuleshova M.E.* Funkcional'no-planirovochnaja organizacija krest'janskih kul'turnyh landshaftov // Kul'turnyj landshaft kak ob"ekt nasledija. Moskva – S.-Peterburg, 2004. S. 264–266.

7. *Sinjagovskij S.A.* Tradicionnoe zemledelie i ogorodnichestvo krest'jan Kenozer'ja XVI–XX vv. Obrazovatel'naja programma / Kenozerskij nacional'nyj park. Kargopol', 1999 g. 9 s. (rukopis').

8. *Vedernikova N.M.* Ot Egorija do Pokrova: skotovodcheskaja obrjadnost' na Kenozere // Aktual'nye problemy polevoj fol'kloristiki. M., 2004. S. 131–140.

9. *Ivanova A.A., Artem'eva P.P.* Skotovodcheskaja magija Kenozer'ja // Kenozerskie chtenija – 2015. Arhangel'sk, 2016. S. 91–100.

10. *Ivanova A.A., Ponomareva V.V.* Leshij v kul'turnom landshafte Kenozer'ja // Kenozerskie chtenija – 2015. Arhangel'sk, 2016. S. 101–116.

11. *Haruzin N.N.* Iz materialov, sobrannyh sredi krest'jan Pudozhskogo uezda Oloneckoj gubernii // Oloneckij sbornik. Materialy dlja istorii, geografii, statistiki i jetnografii Oloneckogo kraja. Vyp. 3. Petrozavodsk, 1894. S. 319–320.

12. *Kuznecova V.P.* Pamjatniki russkogo fol'klora Vodlozer'ja. Predanija i bylichki. Petrozavodsk, 1997. S. 22–23.

13. *Abramova A.A.* Ozero v kul'turnom landshafte Kenozer'ja // Kenozerskie chtenija – 2013. Arhangel'sk, 2015. S. 112–117.

14. *Meljutina M.N., Terebihin N.M.* Sakral'nyj landshaft Kenozer'ja. Arhangel'sk. 2013. S. 28.

15. *Bahtina V.A.* Neizdannye materialy jekspedicii B.M i Ju.M. Sokolovyh. 1926–1928 gg. M., 2011. T. 2. S. 630.

16. *Loginov K.K.* Lodka «kenozerka» na Vodlozere // Kenozerskie chtenija – 15. Arhangel'sk, 1916. S. 329–340.

17. *Sinjagovskaja T.A.* Tradicionnaja kuhnja Kenozer'ja // Kenozerskie chtenija – 2003. Materialy Pervoj Vserossijskoj nauchnoj konferencii «Kenozerskie chtenija – 2003». Arhangel'sk, 2004. S. 283–294.

Сведения об авторе

Ведерникова Наталья Михайловна, фольклорист, искусствовед, кандидат филологических наук, исследователь живой традиционной культуры российской провинции, в 1993–2014 гг. – ведущий научный сотрудник Института Наследия.
E-mail: sds46@yandex.ru

Author of the publication

Natalia Vedernikova, folklore specialist, art critic, Ph.D in Philology, Russian province live traditional culture researcher, in 1993–2014 – a leading research fellow of the Heritage Institute.
E-mail: sds46@yandex.ru

Дата поступления 23.05.2019

УДК 39

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА КЕНОЗЕРЬЯ В САКРАЛЬНОЙ ТОПОГРАФИИ И ЭПИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Н.М. Ведерникова, М.Н. Мелютина
sds46@yandex.ru, nauka@kenozero.ru

г. Москва, г. Архангельск, Россия

Аннотация. *Сквозь призму народных верований и сказаний рассматриваются наиболее значимые объекты сакральной топографии – монастыри, святые рощи, часовни, поклонные кресты. Предания, легенды, поверия, связанные со святыми местами Кенозерья, показаны как явления живой культуры, раскрывающие содержание и функции сакральных объектов в культурном ландшафте. Важнейшим элементом культурного пространства Кенозерья служит также эпическая традиция, прослеживаемая на этой территории с конца XIX века. Рассмотрены её жанры и история исследований, свидетельствующая о Кенозерье как уникальной сокровищнице духовной культуры России и мира.*

Ключевые слова: *монастыри, святые рощи, церкви, часовни, кладбища, обетные кресты, народные верования, эпос, былины, духовные стихи, исторические песни, баллады.*

Для цитирования: Ведерникова Н.М., Мелютина М.Н. Духовная культура Кенозерья в сакральной топографии и эпической традиции. *Наследие и современность = Heritage and Modern Times.* 2019;2(2):95–108.

Обращение к духовной культуре Кенозерья как сокровищнице духовных ценностей, определяющих отношение к окружающему миру, помогает понять особенности формирования культурного пространства этого края. Являясь средством передачи традиционных знаний, духовная культура обеспечивает неразрывную связь материального и нематериального культурного наследия, определяя таким образом целостность культуры. Это особенно ярко проявляется при рассмотрении сакральной топографии, устных рассказов – преданий, легенд, поверий – раскрывающих содержание самых ценных и примечательных объектов культурного ландшафта, а также эпической традиции, зафиксированной в многочисленных исследовательских работах.

Сакральная топография

Сакральная топография Кенозерья может быть представлена как многоуровенная система, в которой региональный уровень представлен монастырями, кустовые приходы – церквями и кладбищами, деревни – часовнями со святыми рощами и крестами (общинными и обетными).

Монастыри, основанные в Средневековье, частично преобразованные в церковные приходы в период секуляризации монастырских владений, но неизменно почитаемые жителями Кенозерья (Кенский Спасо-Преображенский монастырь, именуемый также Кенской Пахо-

миевой пустынью, Макарьевская Хергозерская пустынь, Наглимозерская пустынь, Кирилло-Челмогорский монастырь), обладали большим духовным авторитетом и служили местами паломничества [1]. И хотя ни один из них не сохранился, но воспоминания о посещении монастырей, сами места, где они располагались, стали частью культурной памяти. Устные рассказы о монастырях вобрали в себя основные темы народных преданий о святых местах: основание по чудесному знамению, положение заветов, чудеса исцеления, которые соотносятся с темами преданий и поверий, связанных с почитанием других святых мест Кенозерья – святых рощ, часовен, церквей, крестов.

Святые рощи, церкви, часовни, поклонные кресты, расположенные в деревнях или близ кенозерских поселений, по сравнению с монастырями более плотно «вписаны» в культурный ландшафт и локальные традиции народной культуры. Святые рощи могут рассматриваться как явление народного религиозного сознания, составляя одну из главных примечательностей ландшафта (рис. 1). В них никогда не проводились хозяйственные работы. Общественный запрет на вырубку деревьев (даже поваленное дерево не разрешалось трогать) определяет естественный, природный характер этих лесных участков, в них много старовозрастных деревьев, позволяющих вычленять силуэт рощи даже среди уже наросшего вокруг леса [2]. Как и рощи, деревья у часовен, церквей или обетных крестов считаются священными. Содержание многих устных рассказов составляют истории о нарушении запретов, связанных с поведенческими нормами в святых местах, и последующей каре – болезни, смерти. Обережная функция таких запретов очевидна. Святые рощи есть место соборное, где проводились сельские обрядовые праздники, и сегодня они остаются особо почитаемыми местами.

Рис. 1. Святая роща, деревня Шишкино

Особое место в системе сакральных объектов занимают кладбища, расположенные на островах (Ряпусово, Боровое), а также озёрных мысах («Скоморошье», «Под Ивана», «Плакида» и др.), которые по своей обрядности соотносятся с островными захоронениями, – места уникальные по сохранности древних верований [3]. Остров в народной мифологии – царство мёртвых. Путь по воде – дорога в загробное царство. Эти представления сохранились в кенозерской похоронной обрядности. Архаичен и способ захоронения: в могилу по четырём углам вбивали столбы, сверху клали плахи, пространство между гробом и плахами – имитация дома. Землю набрасывали поверх плах. Островное кладбище, сакральность которого обозначена также святой рощей, часовней, могильными крестами, – неприкосновенно, и потому требует соблюдения особых поведенческих правил. Запреты строго соблюдаются и в настоящее время, что позволяет рассматривать острова-кладбища как сохранившиеся сакральные памятники кенозерского ландшафта, архаичные в традициях их использования.

Основное место в системе сакральных мест Кенозерья занимают церкви и часовни. По рассказам местных жителей, церковь часто «вырастала» из часовни, становясь приходской для нескольких деревень. Такова история Ильинской церкви в д. Думиной, а также Сретенской церкви в д. Погост на Ряпусовском берегу. Ныне нет ни одной постоянно действующей церкви (хотя наиболее архитектурно ценные из них отреставрированы), но в памяти людей они остаются как знаковые постройки, хранящие память о временах, «когда звонили колокола».

Как особо значимые в духовной жизни людей церкви порождали и продолжают порождать вокруг себя предания и легенды, передающие достоверные, по народному мнению, события. Знаковое из них – возведение церкви. Так, по преданию, приходская церковь Лёкшмозера поставлена рыбаками в честь св. апостолов Петра и Павла на том месте, где была обретена икона святых апостолов. Церковь в д. Ведягиной (рис. 2) также была построена по явленной иконе Ильи Пророка. Разорение Ведягинской церкви в советские годы породило легенду: приехали люди разбирать церковь, но выползло змей видимо-невидимо, лежат на паперти, на ступеньках – не дали разрушить церковь [4]. Примечательно и то, что с закрытием и разрушением церквей в советское время сохранялось восприятие их как святого места. Жители кенозерских деревень убеждены, что молитва даже у разрушенной церкви творит чудеса.

Рис. 2. Церковь Андрея Первозванного в деревни Ведягина

Часовни представляют едва ли не главную особенность культурного ландшафта Кенозерья. Они интересны не только многообразием часовенных форм, их многочисленностью на относительно небольшой территории, но и позволяют осмыслить уникальность культурного ландшафта в специфике его пространственной организации и духовной культуры. При рассмотрении часовен как одной из важнейших частей сакральной географии Кенозерья, связь материальной и духовной культуры раскрывается в особой полноте [4], поскольку выявляет:

– отношение кенозеров к часовне как явлению духовной и материальной культуры;

– традиции в пространственном размещении часовен;

– функции часовен (сакральные, бытовые, социальные).

Каждый житель деревни (из старожилов) может перечислить все церкви и часовни Кенозера с их точным названием. История часовен и церквей – это и история деревень. В сознании людей определилась прямая связь: пока стоит часовня (церковь) – будет стоять деревня; судьба церкви, часовни – это и судьба деревни. К часовенному святому до сих пор относятся как к святому покровителю деревни и её жителей. Часовни прежде никогда не закрывались, они были открыты всегда и для всех, принимая молитвы и *заветы* (дары – праздничные полотенца, пелены, платки). Эта традиция сохранилась до настоящего времени и определяет особенности часовенного интерьера. Сегодня за часовнями присматривают местные жители и службы национального парка, открывая их по первой просьбе.

В декоре убранства организующая роль принадлежит «небесам» – монументальной живописи XVIII–XIX веков на потолочных перекрытиях. Низкая, близкая к человеку установка «небесной» конструк-

ции создавала впечатление близости мира духовного и сопричастности ему (рис. 3). Основными заказчиками росписи были крестьяне, поэтому отбор образов святых на «небесах» преломлялся сквозь призму картины мира локального сообщества. На угловых гранях «неба» иногда представлены «два светила великие» Солнце и Луна (их изображение находится на «небе» часовни св. апостола Иоанна Богослова в деревне Зехнова). В этом бинарном изображении заложена символика смерти и возрождения, преемственности христианством мифологической картины миры. В ветхозаветных космологических построениях звезды на небе должны охраняться ангелами, поэтому на «небесных» гранях традиционным было изображение «ангельского собора». Народное сознание мир небесный строило по образу и подобию земного: в нём есть храмы, города, пейзажи, здесь престол Бога, рай или Град Господень. Художники предпочитали изображать на «небе» композицию «Распятие» с образом Небесного Града Иерусалима. Самый выразительный образ «Града» создан на грани «неба» часовни Рождества Пресвятой Богородицы деревни Тамбич-Лахта [5].

Ряд часовен посвящён достопочтимым на территории Кенозерья святым – основателям монастырей: преподобным Макарию Унженскому и Хергозерскому, Пахомию Кенскому, Антонию Сийскому. Среди других чтимых святых находим прп. Зосиму и Савватия, русских князей Бориса и Глеба, Александра Невского. Так часовенные посвящения стали хранителями глубинной памяти о времени новгородского и московского освоения Севера. Немало часовен поставлено в честь особо почитаемых на Русском Севере святых – св. Георгию (Егорию) в деревнях Минина и Спицына; Николаю Угоднику в п. Усть-Поча, деревнях Бухалово, Вершинино, Горбачиха [1].

Рис. 3. Небеса в часовне Николая Чудотворца, п. Усть-Поча. Фото Д. Бастета

К часовенным святым обращались как к первым помощникам в самых разных обстоятельствах. В часовню в д. Глущево, поставленную в честь «Богородицы Жены Мироносицы», ходили будущие матери. Илья Пророк (часовня на Мамоновом) – «тучи уводит». Святых Кирика и Улитту – часовня в д. Майлахта – просили защитить от змей. Иоанн Богослов спасал от пожара, потому жители д. Зехнова никогда не горели. Параскева Пятница покровительствовала женским ремёслам (рис. 4) и оберегала овец (деревни Тырышкино, Семеново).

Одна из значимых функций кенозерских святынь – церквей и часовен – консолидирующая, связывающая жителей деревень одного куста и более отдаленных деревень в единое этническое сообщество. Дни почитания святых в кенозерских деревнях охватывают основные, особо значимые даты церковного календаря, что служит весомым поводом посещения кенозерами соседних деревень. Это отражено в глубоко утвердившейся традиции *гоститься* – ездить в гости в другие деревни на местные престольные праздники. Во время таких праздников не только проведывали родных и друзей, но и завязывались новые знакомства, парни присматривали невест, а девушки женихов, укреплялись хозяйственные связи.

Рис. 4. Часовня Параскевы Пятницы в святой роще у деревни Тырышкино

Деревянные кресты, стоящие у деревень, по дорогам, в полях, – яркие приметы культурных ландшафтов Русского Севера. Профессор Н.М. Теребихин считает крест центральным символом религиозно-духовного движения русского населения к берегам Студёного моря, который служил основным знаком сакрализации пространства. Крест мог быть предшественником часовни. Крест также ставился на месте разрушенной часовни [6].

На Кенозере традиция возведения обетных крестов как сакральных символов сохранена до настоящего времени. Кресты ставили в священных рощах (о. Медвежий) и у святых деревьев (у деревень Поромское, Зехнова, Майлахта, Телицына), на пограничье, отделяющем деревню от полей и леса. У «пограничных» крестов, выходя за пределы деревни, творили молитвы, благословляясь на дневные работы, ограждая себя от болезней, встречи со зверем или змеями. Кресты ставили также в полях, поскольку верили, что крест в поле оберегал урожай.

Кресты стоят на старых дорогах, которые вели к монастырям, они служили путевыми знаками и местами для молитвы. Так, широкой известностью пользуется Николин крест по дороге к бывшей Наглимозерской пустыни (рис. 5). Семантическая нагруженность этих дорог, отмеченных крестами, поведенческим этикетом паломников делает их частью сакрализованного пространства [7]. Кресты, как и многие часовни, «принимают» молитвы и заветы. «Крест молитву бережёт», – так считала одна из старожилов д. Семеново А.Ф. Селуянова. Н.В. Капустина (д. Зехнова) по-своему понимала молитву у креста: по её мнению, всякий, поклонившийся кресту, молится и за тех, чьи заветы принесены в это место.

Рис. 5. Николин крест при дороге из деревни Морщихинской к бывшей Наглимозерской пустыни

И ещё одно традиционное место постановки крестов – пересечение или развилка дорог («*росст**а**нь*»). Росстань – место знаковое в народной топографии, это место опасное, нечистое. Крест на росстани становился атрибутом обрядовой традиции: здесь гадали в святки, ворожили. Крест на росстани также очищал опасное место, обережная молитва здесь была особенно значима. Крест на росстани служил и путевой меткой, не позволяющей сбиться с пути.

Таким образом, фольклорные материалы показывают, что святые рощи, церкви, часовни, кладбища, кресты, будучи значимыми визуальными приметами культурного ландшафта Кенозера, являются и содержательными доминантами, выявляя определённые закономерности в духовной организации пространства. Их включенность в обрядовые и бытовые традиции, подтверждаемая преданиями, легендами, устными рассказами, делает их частью живой традиционной культуры Кенозера.

Эпическая традиция

Уникальной частью духовного наследия Кенозерья является эпическая традиция, обнаруженная здесь ещё в 1860-х годах [8] и прослеживаемая на протяжении почти всего последующего столетия.

В Кенозерье было записано 349 текстов былин на разные сюжеты. Среди них былины мифологического содержания (о князе-оборотне Волхе, богатыре-великане Святогоре), воинские – о временах Киевской Руси, о борьбе с половцами и татаро-монголами (былины об Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Алёше Поповиче и других богатырях-воинах); былины социально-бытовые, отразившие торговое величие и демократический уклад Великого Новгорода («Садко», «Василий Буслаевич», «Хотен Блудович»), а также былины о других героях русского эпоса – Дунае, Михайле Потыке, Иване Годиновиче, Василии Окуловиче и др., где героические мотивы переплетены со сказочно-новеллистическими (о добывании невесты, чудесном сватовстве и пр.).

В отличие от других регионов Русского Севера, былины в Кенозерье сохранялись до 1970-х гг., их пели в разных деревнях, мужчины и женщины, люди разных возрастов. Варианты былин свидетельствовали о творческом освоении эпической традиции. Отсюда множественные сюжетные контаминации, появление мотивов, отражающих местные природные особенности. Широкое бытование эпических произведений на Кенозере, в отличие от Заонежья, и позволило проф. А.Ф. Гильфердингу, посетившему Кенозеро в 1871 г., назвать его «Исландией русского эпоса» [9]. И в этом – одна из черт исключительности кенозерского культурного пространства, сохранявшего столь длительное время духовное наследие Древней Руси.

Эта уникальная особенность былин Кенозерья – длительность и повсеместность бытования – объясняется несколькими причинами. Одни из них, по определению Гильфердинга, – *«свобода и глушь»*. Кенозерье не знало крепостного права, и потому идеалы свободы, независимости, человеческое достоинство, воспеваемые былинами, были близки и понятны людям, а особенности природного ландшафта отвечали эпическому миросозерцанию. *«Глушь»*, т.е. отдалённость от промышленно развитых центров, во многом определяла верность традициям, что проявлялось во всех сферах жизни, в том числе и следовании дедовским преданиям.

Специфика хозяйственных занятий – изготовление рыболовных сетей, портняжничество, сапожное ремесло, предполагающая долгие часы работы на одном месте, также создавала благоприятные условия для исполнения былин. Пение былин заполняло время за однообразной работой, слушатели же легко усваивали слышанное. Сохранности эпических произведений способствовала и обязательность соблюдения норм православной жизни и бытовых правил: во время постов запрещалось петь песни, но запрет не распространялся на былины и духовные стихи ввиду их торжественности и строгости содержания.

Побывав более чем в 10 деревнях Кенозера, прослушав более 20 исполнителей, Гильфердинг записал 59 былин (отразивших 33 сюжета), кроме того, 10 исторических песен, 7 баллад и эпические пародии, Гильфердингом были составлены биографии исполнителей, обозначены места записи. О кенозерах же Гильфердинг писал: «Народа добрее, честнее и более одаренного природным умом и житейским смыслом, я не видывал».

Таким образом, мы имеем уникальное описание живой народной культуры этих мест с ее точной временной обозначенностью – 1871 г. и довольно солидным перечнем родовых кенозерских фамилий, позволяющих в дальнейшем проследить преемственность исполнительской традиции эпических произведений [10].

Следующая экспедиция по изучению эпической традиции на Кенозере, оставившая заметный след в истории науки, была экспедиция, возглавляемая московским учёным, профессором Юрием Матвеевичем Соколовым. Экспедиция работала на Кенозере в 1927 году, она подтвердила основные выводы предшественников, завершив исследование эпической традиции по всем деревням Кенозера [11]. Повторные записи былин от ряда исполнителей и сопоставление их с записями Гильфердинга выявили существование на Кенозере особой исполнительской школы – Сивцевых-Поромских, которая прослеживается с 1830-х гг. [12]. Экспедицией Ю.М. Соколова было записано 117 эпических произведений (27 эпических сюжетов) от 30 человек из 18 деревень. При прослушивании былин использовался фонограф, к некоторым опубликованным текстам были даны нотировки [13].

При том, что результаты экспедиции Соколова были ошеломляющими, ученые все же пришли к выводу, что былевая традиция находится на грани забвения, поскольку возраст большинства информантов составлял от 60 до 100 лет. Некоторые из сюжетов были уже позабыты. Однако экспедиции Московского университета им. М.В. Ломоносова 1958–1961 гг., в которых работал известный фольклорист Ю.И. Смирнов, подтвердив угасание эпической традиции на Кенозере как тенденции, вместе с тем записали несколько былин в деревнях Першлахта, Поромское, Зехнова, а также в деревнях по р. Кене. Отметив общность эпической традиции этих мест, на Кенозере были выявлены разные исполнительские школы [14]. Последние единичные записи былин были сделаны в 1966 и 2002 гг.

Помимо былин Кенозеро оказалось хранителем и других жанров эпической поэзии, которые широко бытовали в этих местах: ранние исторические песни, баллады, духовные стихи и скоморошины (стихотворные пародии).

Ранние исторические песни, записанные на Кенозере (Гильфердингом и экспедицией Соколова), представлены уникальными сюжетами. Одна из них, «Щелкан Дудентьевич», повествует о тверском восстании 1327 г. против ордынского наместника, собиравшего дань с русских земель. Из десяти известных науке вариантов этой песни шесть записаны на Кенозере [15]. Другая уникальная ранняя историческая песня – «Авдотья Рязаночка» (время создания песни датируется рубежом XIV–XV вв.) отразила один из трагических эпизодов татаро-монгольского нашествия – разорение Батыем Рязани [16].

Среди эпических жанров, широко бытовавших в Кенозерье, рядом с былинами стоят духовные стихи (народное название *статьи*) – религиозные стихи, в которых содержится народное толкование веры, сюжетов Ветхого и Нового заветов, а также житий святых. Духовные стихи поются, распев торжественен, сродни распеву былин. Исследователи полагают, что старейшие из них зародились в XI–XV вв. и «утвердились в древнерусской культуре как легендарные эпические сказания о христианских героях-святых («Егорий Храбрый», «Федор Тирон». «Дмитрий Солунский» и др.) и основах мироустройства («Голубиная книга») со всеми признаками былинного повествования» [17].

Широкое бытование духовных стихов в кенозерских деревнях было отмечено еще Гильфердингом (в 1871 г.), первые же записи духовных стихов на Кенозере были сделаны лишь в 1927 г. экспедицией Соколова – 33 текста. Репертуар духовных стихов Кенозерья типичен для Заонежья. Их сохранность на протяжении столетий, вплоть до конца XX в., подтверждает характеристику Кенозерья как хранителя лучших традиций древнерусской культуры [18].

Следует отметить и распространённость на Кенозере баллад – одноголосных лиро-эпических песен драматического содержания, которые представляют один из жанров русских эпических песен эпохи Средневековья (XIV–XVII вв.). Как и былины, баллады проникли на Русский Север с потоками переселенцев с Новгородских земель. В научной литературе баллады получили название «низшие эпические песни», в народе их называли *стихами*, тем самым отличая от песен. По своим жанровым характеристикам – напряжённости конфликта, драматизму содержания, русские народные баллады сопоставимы с европейскими средневековыми балладами – англо-шотландскими, скандинавскими, немецкими, сербскими и др., но при этом представляют один из ярких и оригинальных жанров русской народной поэзии как по содержанию, так и художественно-стилистическим особенностям. В центре балладного повествования трагическая судьба женщины как следствие семейного деспотизма, социальных и исторических коллизий [19].

Записи эпических произведений в кенозерских деревнях стали весомым вкладом не только в отечественную, но и европейскую науку. А научные методы фиксации, основанные на записи с голоса, точная паспортизация материала, т.е. указание от кого, когда, где было записано то или иное произведение с характеристикой информантов, определили методику работы всех последующих фольклористов и принципы научной публикации эпических текстов.

Кенозерье как один из главных центров бытования эпической поэзии стало историей, но историей, обретшей культурную память, запечатленную в записях и публикациях текстов, биографиях исполнителей, а также множестве научных исследований. Кенозерам – исполнителям и хранителям глубинных традиций народного искусства – посвящён открытый в 2015 г. в Вершинино уникальный музей «В Начале было Слово» (рис. 6).

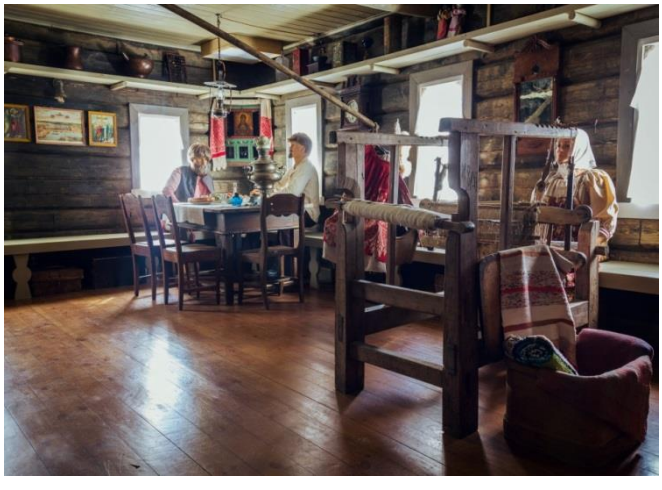


Рис. 6. Музей «В Начале было Слово». Фото Е. Мазилова.

Духовная культура Кенозерья остаётся устойчивым элементом местного историко-культурного текста. Традиционный уклад жизни сохраняется во многих своих проявлениях, что значительно отличает Кенозерье от других территорий Европейского Севера. Благодаря высокой степени сохранности заповедей и преданий, правил жизни по заветам предков, культурный ландшафт сохраняет статус ценного духовного ареала и в пространстве современной культуры.

Литература

1. *Мелютина М.Н., Теребихин Н.М.* Сакральный ландшафт Кенозерья. Архангельск. 2013. 292 с.

2. *Третьяков С.В., Коптев С.В., Косарев В.П.* Святые рощи и деревья Кенозерского национального парка // Кенозерские чтения. Материалы Первой Всероссийской научной конференции «Кенозерские чтения». Архангельск. 2004. С. 337–350.

3. *Конкка А.* Сакральная география Кенозерья: заветные рощи, кладбища и обетные кресты // Полевые исследования и архивизация фольклорных и этнографических материалов / Материалы V научно- практического семинара. Петрозаводск, 2012. С. 102–118.

4. *Ведерникова Н.М.* Фольклор как средство описания культурного ландшафта // Культурный ландшафт как объект наследия. М.-СПб., 2004. С. 286–312.

5. *Кольцова Т.М.* «Небеса» и иконы Кенозерья // Небеса и окрестности Кенозерья. Расписные потолки, иконы, деревенские часовни и церкви, составляющие историко-культурный ландшафт Национального парка «Кенозерский». М.: Программа «Первая публикация», 2009. С. 76.

6. *Теребихин Н.М.* Сакральная география Русского Севера. Архангельск. 1993. С. 55–71.

7. *Щепанская Т.Б.* Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М., 2003. 528 с.

8. Песни, записанные П.И. Рыбниковым в 1861–63 гг. М., 1867; изд. 2. Тт. 1–3, М., 1909–1910.

9. *Гильфердинг А.Ф.* Олонецкая губерния и ее рапсоды // Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 г. В 3-х тт. Изд-е 4. М.-Л. 1949–1951. С. 29–84.

10. *Смирнов Ю.И.* Былины Кенозера (по записям собирателей второй пол. XIX в.) // Кенозерские чтения. Материалы Первой Всероссийской научной конференции «Кенозерские чтения». Архангельск, 2004. С. 305–322.

11. Онежские былины. Подбор текстов, науч. редактирование Ю.М. Соколова. Вступ. ст. В.И. Чичерова. «Летописи». Гос. лит. музей, кн. 13, М., 1948 [№№ 272–278].

12. *Мелютина М.Н.* Родословная сказительской династии Сивцевых (Поромских) как ценный источник для изучения эпического наследия Кенозерья // Кенозерские чтения – 2015. Архангельск, 2016. С.138–150.

13. *Соколов Ю.М.* По следам Рыбникова и Гильфердинга // Худож. фольклор. Вып. II-III, М., 1927. 12 с.

14. *Смирнов Ю.И.* Циклизация былин кенозерской записи // Кенозерские чтения– 2009. Архангельск. 2011. С. 375–376.

15. *Смирнов Ю.И.* Щелкан Дудентьевич (эпическая песня). Архангельск. Кенозерский национальный парк. 2011. 112 с.

16. *Смирнов Ю.И.* Авдотья Рязаночка (эпическая песня). Архангельск. Кенозерский национальный парк. 2009. 68 с.

17. *Солощенко Л.Ф., Прокошина Ю.С.* Голубиная книга. Русские народные духовные стихи XI–XIX вв. М., 1991. С. 20.

18. *Кузнецова В.П.* Нищие стихопевцы на Русском Севере // Кенозерские чтения – 2015. Архангельск, 2016. С. 120–127.

19. *Кулагина А.В.* Современное бытование баллады на Севере // Вопросы жанров русского фольклора. М., 1972. С. 74–95.

KENOZERIE SPIRITUAL CULTURE IN SACRAL TOPOGRAPHY AND EPIC TRADITION

N. Vedernikova, M. Melyutina
sds46@yandex.ru, nauka@kenozero.ru

Moscow, Arkhangelsk, Russia

Abstract. *The most significant objects of sacral topography – monasteries, sacred groves, chapels, bow crosses are considered through the prism of folk beliefs and legends. Legends, tales, popular beliefs connected with the Kenozerie sacred sites are shown as live culture phenomena, revealing contents and functions of sacral objects in cultural landscape. The most important element of Kenozerie cultural space is epic tradition, traced in this territory since the end of the 19th century. Its genres and research history shows Kenozerie as unique treasury of spiritual culture of Russia and the world.*

Keywords: *monasteries, sacred groves, churches, chapels, cemeteries, "obetny" crosses, folk beliefs, epos, "bylinas", spiritual verses, historical songs, ballads.*

For citation: Vedernikova N., Melyutina M. Kenozerie spiritual culture in sacral topography and epic tradition. *Heritage and Modern Times*. 2019;2(2):95–108.

References

1. *Meljutina M.N., Terebihin N.M.* Sakral'nyj landshaft Kenozer'ja. Arhangel'sk. 2013. 292 s.

2. *Tret'jakov S.V., Koptev S.V., Kosarev V.P.* Svjatye roshhi i derev'ja Kenozerskogo nacional'nogo parka // Kenozerskie chtenija. Materialy Pervoj Vserossijskoj nauchnoj konferencii «Kenozerskie chtenija». Arhangel'sk. 2004. S. 337–350.

3. *Konkka A.* Sakral'naja geografija Kenozer'ja: zavetnye roshhi, kladbishha i obetnye kresty // Polevye issledovanija i arhivizacija fol'klornyh i jetnograficheskih materialov / Materialy V nauchno- prakticheskogo seminara. Petrozavodsk, 2012. S. 102–118.

4. *Vedernikova N.M.* Fol'klor kak sredstvo opisanija kul'turnogo landshafta // Kul'turnyj landshaft kak ob"ekt nasledija. M., S.-Peterburg, 2004. S. 286–312.

5. *Kol'cova T.M.* «Nebesa» i ikony Kenozer'ja // Nebesa i okrestnosti Kenozer'ja. Raspisnye potolki, ikony, derevenskie chasovni i cerkvi, sostavljajushhie istoriko-kul'turnyj landshaft Nacional'nogo parka «Kenozerskij». M.: Programma «Pervaja publikacija», 2009. S. 76.

6. *Terebihin N.M.* Sakral'naja geografija Russkogo Severa. Arhangel'sk. 1993. P. 55–71.

7. *Shhepanskaja T.B.* Kul'tura dorogi v russkoj miforitual'noj tradicii XIX–XX vv. M., 2003. 528 s.

8. Pesni, zapisannye P.I. Rybnikovym v 1861–63 gg. M., 1867; izd. 2. Tt. 1–3, M., 1909–1910.

9. *Gil'ferding A.F.* Oloneckaja gubernija i ee rapsody // Onezhskie byliny, zapisannye A.F. Gil'ferdingom letom 1871 g. V 3-h tt. Izd-e 4. M.-L. 1949–1951. S. 29–84.

10. *Smirnov Ju.I.* Byliny Kenozera (po zapisjam sobiratelej vtoroj pol. XIX v.) // Kenozerskie chtenija. Materialy Pervoj Vserossijskoj nauchnoj konferencii «Kenozerskie chtenija». Arhangel'sk, 2004. S. 305–322.

11. Onezhskie byliny. Podbor tekstov, nauch. redaktirovanie Ju.M. Sokolova. Vstup. st. V.I. *Chicherova*. «Letopisi». Gos. lit. muzej, kn. 13, M., 1948 [## 272–278].

12. *Meljutina M.N.* Rodoslovnaja skazitel'skoj dinastii Sivcevyh (Poromskih) kak cennyj istochnik dlja izuchenija jepicheskogo nasledija Kenozer'ja // Kenozerskie chtenija – 2015. Arhangel'sk, 2016. S.138–150.

13. *Sokolov Ju.M.* Po sledam Rybnikova i Gil'ferdinga // Hudozh. fol'klor. Vyp. II-III, M., 1927.12 s.

14. *Smirnov Ju.I.* Ciklizacija bylin kenozerskoj zapisi // Kenozerskie chtenija– 2009. Arhangel'sk. 2011. S. 375–376.

15. *Smirnov Ju.I.* Shhelkan Dudent'evich (jepicheskaja pesnja). Arhangel'sk. Kenozerskij nacional'nyj park. 2011. 112 s.

16. *Smirnov Ju.I.* Avdot'ja Rjazanochka (jepicheskaja pesnja). Arhangel'sk. Kenozerskij nacional'nyj park. 2009. 68 s.

17. *Soloshhenko L.F., Prokoshina Ju.S.* Golubinaja kniga. Russkie narodnye duhovnye stihi XI–XIX vv. M., 1991. S. 20.

18. *Kuznecova V.P.* Nishhie stihopevcy na Russkom Severe // Kenozerskie chtenija – 2015. Arhangel'sk, 2016. S. 120–127.

19. *Kulagina A.V.* Sovremennoe bytovanie ballady na Severe // Voprosy zhanrov russkogo fol'klora. M., 1972. S. 74–95.

Сведения об авторах

Ведерникова Наталья Михайловна, фольклорист, искусствовед, кандидат филологических наук, исследователь живой традиционной культуры российской провинции, в 1993–2014 гг. – ведущий научный сотрудник Сектора живой традиционной культуры Института Наследия.
E-mail: sds46@yandex.ru

Мелютина Марина Николаевна, кандидат философских наук, начальник отдела изучения и интерпретации историко-культурного наследия ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский», г. Архангельск, Россия.
E-mail: nauka@kenozero.ru

Authors of the publication

Natalia Vedernikova, folklore specialist, art critic, Ph.D in Philology, Russian province live traditional culture researcher, in 1993-2014 – a leading research fellow of the Heritage Institute.
E-mail: sds46@yandex.ru

Marina Melyutina, Ph.D. in Philosophy, Head of Historical Cultural Heritage Studies Department FSFE “Kenozero National Park”, Arkhangelsk, Russia.
E-mail: nauka@kenozero.ru

Дата поступления 27.04.2019

УДК 304:2

МУЗЕЙНЫЕ СОБРАНИЯ КЕНОЗЕРСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ПАРКА КАК ДЕПОЗИТАРИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ И ЛОКУСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЫ В ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЛАНДШАФТА[1]

М.Н. Мелютина
nauka@kenozero.ru

Национальный парк «Кенозерский», г. Архангельск, Россия

Аннотация. *На примере Кенозерского национального парка рассматривается музейный депозитарий особо охраняемой природной территории как современный культурный феномен, выполняющий важнейшую социокультурную функцию – документирование жизненной среды локального сообщества. Музеефикация становится важным средством репрезентации культурного ландшафта, а также современным ландшафтообразующим процессом. Традиционный культурный ландшафт меняется, но средства музеефикации позволяют продемонстрировать историческую ретроспективу пространственной организации территории непосредственно в живом традиционном ландшафте.*

Ключевые слова: *депозитарий, музейный фонд, музеефикация, Кенозерский национальный парк, культурный ландшафт, репрезентация наследия, традиционная крестьянская культура.*

Для цитирования: Мелютина М.Н. Музейные собрания Кенозерского национального парка как депозитарии культурного наследия и локусы исторической ретроспективы в пространственной организации ландшафта. *Наследие и современность = Heritage and Modern Times.* 2019;2(2):109–119.

В музееведческих исследованиях вопросы, связанные с изучением депозитариев культурного наследия особо охраняемых природных территорий (ООПТ) и их роли в актуализации памятников, не получили пока научного изложения по вполне объективной причине. Созданные преимущественно в 1990-е гг., национальные парки, находящиеся в ведении Министерства природных ресурсов и экологии РФ, имеют незначительный опыт комплектования коллекций. Кенозерский национальный парк – единственный среди национальных парков России, имеющий в своей структуре музейный фонд, основу которого составляют предметы, свидетельствующие о жизни локального сообщества в разные исторические периоды. В настоящее время фонд включает свыше 11000 единиц хранения. В его составе 17 комплексов расписных «небес», более 300 икон разного времени, начиная с конца

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и правительства Архангельской области, проект № 18-411-290004 р_а «Семиотика и аксиология традиционной культуры как ценностная матрица современного геокультурного пространства Европейского Севера России».

XVII в., собрание старопечатных и рукописных книг XVII–XX вв., документы, значительная коллекция предметов бытовой утвари. С момента основания парка в 1991 г. сотрудники начали формирование материалов в рамках программы «Паспортизация деревень». На сегодняшний день – это ценнейшая коллекция фотографий (более 1200), собранная в семейных архивах местных жителей, текстовые и аудиозаписи бесед с коренным населением по тематическим опросникам. В фонд включаются и персональные архивы российских исследователей, изучающих наследие Кенозерья. Подобные собрания материалов достаточно редки в коллекциях классических музеев. Предметы музейного фонда парка исследуются, вводятся в научный оборот и включаются в музейные и выставочные проекты [1–4]. Актуальной является практика комплектования наряду с подлинниками копийных материалов. Активное сотрудничество с российскими музеями, архивами, университетами, научными центрами, исследовавшими заповедные территории, позволяет насыщать фонд материалами (цифровыми копиями, реконструированными предметами по подлинным образцам и др.), имеющими большую ценность для конкретной территории. Депозитарий ООПТ можно рассматривать сегодня как современный культурный феномен, выполняющий важнейшую социокультурную функцию – документирование жизненной среды локального сообщества. Феномен этой институции состоит в том, что он является не только хранителем артефактов заповедной территории, но и жизненных ценностей местного сообщества. Музейный фонд является богатейшим ресурсом для экспонирования памятников историко-культурного наследия на территории национального парка.

Кенозерский национальный парк представляет собой выдающийся образец североевропейского культурного ландшафта. Ключевой для сохранения традиционной культуры территории стала концепция культурного ландшафта как категории наследия, разработанная Российским научно-исследовательским институтом культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва совместно со специалистами национального парка в начале 2000-х годов [5; 6]. Концепция определила принцип сохранения комплексного наследия (например, природного и историко-культурного) и жизнедеятельности местного сообщества [7]. Эта программа означила и стратегическое направление актуализации наследия. Поэтому «объектом показа» в парке является традиционная историческая среда, а инструментами показа – музейные экспозиции, экологические тропы, этно-ландшафтные театры, обеспечивающие взаимодействие между природой и культурой, иллюстрирующие особенности традиционного природопользования, раскрывающие секреты местных промыслов и ремесел, традиционный жизненный уклад [7]. На территории парка в настоящее время действуют 17 музейных экспозиций, 5 информационных центров, 9 экологических троп.

В проектировании разных форм интерпретации и популяризации наследия большая ответственность возлагается на научного интерпретатора, задачей которого является конструирование для посетителя национального парка «образа места» для «прочтения», а в высшем понимании – «постижения» духовных ценностей территории. Экспозиционный контекст включает вещественный мир жизненного цикла человека, устные истории коренного населения, цитаты учёных и писателей и т.д. Именно поэтому задачей комплектования музейного фонда ООПТ является создание коллекций памятников как материальной, так и нематериальной культуры. По мнению Кристиана Греко, итальянца, новатора в музейном экспонировании: «Музеи не для того, чтобы люди приходили потреблять культуру, а для того, чтобы они создавали себя и осознавали себя как граждане <...>, музейные тексты должны помогать находить ответы на вопросы, что это знание нам даёт» [8].

Экспозиционное пространство национального парка должно быть построено таким образом, чтобы посетители не только знакомились с культурными ценностями территории, но у них возникало желание увидеть реальную географическую территорию. Например, залы «ЭКОмузея» Кенозерского национального парка выполняют функцию навигации, своеобразной подготовки посетителя к прочтению «живого» ландшафта. Завершив осмотр музея, гости могут продолжить знакомство с достопримечательностями в естественном ландшафте деревень, экологических троп, туристических маршрутов. Например, в тематической зоне экспозиции, посвященной Наглимозерскому ландшафтному комплексу, раскрывается информация, необходимая для путешествия по экологической «Тропе предков», находящейся на территории этого комплекса. На этой тропе, на берегу Наглимозера, также расположен информационный центр «Лесное отходничество». В нем широко представлены материалы о Монастырском острове, где была основана обитель XVII в. [9], о монастырской мельнице, ряжевом мосте, соединяющим остров с материком, крестьянским выселком, озёрами, флорой и фауной комплекса, рыболовными тонями и другими объектами природопользования (рис. 1). В Визит-центре северного Плесецкого сектора парка открыт ЭКО-класс «Потомучка». Информация о природном мире Кенозерья и традициях природопользования, связанных с человеком, объединены в три экспозиционные зоны: вода, воздух и земля Кенозерья. После посещения ЭКО-класса посетители имеют комплексное представление об объектах природного наследия парка.

Важным экспозиционно-ландшафтным приемом на территории ООПТ является использование памятников гражданской, культовой и промышленной архитектуры культурного ландшафта Кенозерья. Тонкое «природно-архитектурное чутье» крестьянского мастера,

включающего строения в среду, является примером и для экспозиционеров, т.к. национальный парк наряду с использованием исторических зданий возводит и новые строения.

Рис. 1. На «Тропе предков» к Наглимозеру. Воссозданная лесная избушка

В хозяйственной постройке 1930-х гг. создана экспозиция «Рухлядный амбар. Открытый показ фондов», в которой экспонируются вещи, объединенные темой «Мир кенозерского крестьянина» (рис. 2). Здесь представлены предметы бытовой утвари и памятники, художественно наполняющие культурный ландшафт. Доминирующим объектом показа являются «небеса» XVIII – начала XX вв. – потолочные перекрытия в деревянных храмах, расписанные на библейские сюжеты. Монументальные «небеса» символизируют небесную сферу со звездами, Солнцем, Луной и царствием Христа, Богоматери, ангелов, апостолов, праотцев и других святых. Музейный фонд национального парка – сокровищница этой коллекции, в которой хранятся потолочные перекрытия, имеющие редчайшие авторские подписи и датировки иконописцев («копписецъ Михайло Кириковъ Сказываевъ и Федора Захаров Иок») [3; 10; 11]. Особенной деталью кенозерских росписей является изображение на «небесах» духовных покровителей местных крестьян или заказчиков храмов. Ряд комплексов «небес» сохраняются в пространстве часовен, мерном и человечном, посещение которого поражает человека удивительной гармоничностью всего внутреннего убранства.

Рис. 2. Музей «Рухлядный амбар». Открытый показ фондов. Фото К. Кокошкина

Открытие в старинном амбаре XIX в. музея «Азбука древоделa», демонстрирующего посетителям инструменты плотницкого ремесла, положило начало музейному проекту «Амбарный ряд». Архитектурный приём строительства таких рядов традиционен для северных поселений, поэтому воссозданные по образцам XIX в. хозяйственные постройки с открытыми в них музеями «Гефестово подворье» и «Китоврасово подворье», посвящёнными кузнечному и гончарному ремёслам, органично воспринимаются в планировке северной деревни. В настоящее время проектируется амбар, в котором будет размещена экспозиция, посвящённая традициям бытовой росписи и резьбы по дереву. Кенозерский ландшафт был насыщен памятниками домовой (экстерьерной) и интерьерной росписи и эти предметы во множестве представлены в коллекции музейного фонда Парка. Собрание свесов кровли, дверей, мебели (шкафы-поставцы, шкафы-заборки, делившие основное пространство избы на две части, подстолья столов, сундуки), культовых предметов (киоты), домашней утвари (прялки, корзинки) подтверждает широкое распространение крестьянского ремесла на рубеже XIX–XX вв. [4].

Водяные мельницы начала XX в. в деревнях Гужово и Зехнова, памятники промышленной архитектуры, отреставрированы национальные парком и показаны в ландшафте как объекты природопользования и инженерные сооружения, созданные крестьянскими мастерами (рис. 3). Здесь расположены музеи «Весёлый стук её колёс» и «Зехновская мукомольня», представляющие «пространство жизни» мельника с фотографиями людей, связанных с промыслом, предметами быта, образцами мучных изделий – «гарцами», которыми расплачивались с мельником.

Рис. 3. Мельница на Левусозере. Фото А. Паршакова

Экспонирование предметов в памятниках культовой архитектуры предполагает особую форму «мягкой» музеефикации. Такой подход был осуществлён при проектировании экспозиции «Почезерский погост: история, архитектура, приход» в выдающемся памятнике русского деревянного зодчества – ансамбле-тройнике XVIII века. Авторы дизайн-проекта экспозиции, расположенной в пространстве галереи, притвора, трапезной и колокольни, использовали «экспозиционный минимализм» с целью сохранения целостного восприятия внутреннего пространства памятника. В тематических зонах музея представлены материалы, освещающие историю Почезерского погоста, его уникальное место среди шести сохранившихся деревянных ансамблей-тройников Русского Севера, этапы изменений архитектурного облика, а также деятельность почезерского прихода и хранителей церквей после их закрытия. В молельном зале и алтаре летней шатровой церкви восстановлены интерьеры с копиями расписных «небес» (потолочных перекрытий). Воссозданные церковные помещения подготовлены для проведения богослужений (рис. 4).

В реконструированном старинном крестьянском доме XIX в. открыт музей «В Начале было Слово». Цель экспозиции заключается в сохранении и представлении кенозерской эпической поэзии, сопровождавшей человеческую жизнь от рождения до смерти. Ведущая экспозиционная зона посвящена хранителям и исполнителям крестьянской словесности Кенозерья. В зале «Изба» воссоздан интерьер кенозерского жилища, где в цифровом звуковом формате воспроизводятся былина в исполнении старика-сказителя, бабушкина сказка, колыбельная у зыбки

младенца. Зал «Жанры эпической поэзии» посвящён произведениям, которые сопровождали разные возрастные периоды жизни человека от «рожденья до скончень». В тематической зоне «Исследователи» демонстрируются материалы, связанные с учёными-фольклористами, собиравшими и изучавшими кенозерский эпос с XIX в. до наших дней. В музее представлено более 600 предметов из собрания музейного фонда парка: иконы, предметы крестьянского быта, книги, рукописи, фотографии. Богатый медиа-фонд (текстовые, аудио-видео материалы), скомплектованный из архивов российских научных центров, демонстрируется в информационных тачскринах, аудиогидах, медиа-столе.

Рис. 4. Воссозданные интерьеры Почезерского погоста

Культурный ландшафт Кенозерья, согласно концепции культурного ландшафта, как категории наследия, разделён на культурно-ландшафтные комплексы (КЛК), семь из которых являются приоритетными. На территориях этих КЛК созданы или проектируются обустроенные экологические тропы с насыщенным информационным обеспечением (рис. 5). Так, в д. Федоровская, находящейся на «Транскенозерской тропе», связующей северную и южную части парка, расположен один из выдающихся памятников деревянного зодчества Русского Севера «Порженский погост» XVIII в. После реставрации, проведённой по инициативе национального парка, в архитектурном ансамбле воссоздан интерьер. Благодаря усилиям исследователей, местных жителей, сотрудников парка и реставраторов удалось обнаружить предметы внутреннего убранства церкви и собрать редкий письменный и устный материал. Информационные стенды на экологической тропе «Тарасовская боровина» (КЛК «Тарасовский») об истории утраченных деревень Бор и Тарасово, сохранившейся часовне Афанасия Многомилостливого, хозяйственном и религиозно-праздничном укладе живших здесь людей, подготовлены на основе программы «Паспортизация деревень», являющейся основой для проектирования различ-

ных информационных пунктов. На территории Челмогорского КЛК находилась древнейшая обитель Русского Севера Кирилло-Челмогорский монастырь XIV в. Насыщенный исторический материал, собранный сотрудниками национального парка и исследователями российских научных центров, информация о природных объектах комплекса сопровождают посетителей парка по экологической тропе «Тропа старца Кирилла». Новый информационный центр «Жили, работали, любили» открыт в п. Поча. Здесь представлена информация о главном водоёме комплекса – р. Поче, истории посёлка лесозаготовителей, трудовых буднях и праздниках добытчиков «зелёного золота». Этой теме посвящена и экологическая тропа «Поча – Будылгина: лес и судьбы», связывающая с КЛК «Почозерский».

Рис. 5. Транскенозерская тропа Фото Н. Гернета

Глубокая по содержанию и редкая по красоте поэзия Кенозерского ландшафта является источником вдохновения для художников, писателей, поэтов. В свою очередь, их произведения выполняют роль системного мониторинга ландшафтного пространства Кенозерья и его живых традиций, позволяя со временем верифицировать запечатленные в их произведениях образы, картины, ситуации. В 1972–1974 гг. В.Е. Попков, один из ярчайших живописцев XX в., и его жена К.И. Калинычева работали в кенозерских деревнях Зехнова, Вершинино, Рыжково. Во время этих путешествий художником написано более тридцати акварелей [12]. 22 графических листа, созданных в Кенозерье, находятся сейчас в собрании Государственной Третьяковской галереи. Одна из жемчужин творчества художника – работа «Северная часовня», написанная в деревне Зехнова, хранится в Государственном Русском музее Санкт-Петербурга [13].

Кенозерье стало особым местом для Д.В. Бобышева – русского поэта, литературоведа, профессора Иллинойского университета в Урбане-Шампейне (США) (в начале 1960-х годов вместе с Иосифом Бродским, Анатолием Найманом, Евгением Рейном поэт входил в ближайший круг Анны Ахматовой). В книге Д. Бобышева «Человекотекст» есть глава, посвященная няне – кенозерской бабушке из деревни Тырышкино [14]. Очарованный Федосьей Федоровной Федотовой (1920–1998), он специально поехал в Кенозерье, чтобы увидеть территорию, где живут такие мудрые и светлые люди.

В рамках проекта «Альбом на память» Кенозерский национальный парк организовал серию выставок (эта работа продолжается) российских графиков, живописцев, архитекторов, фотографов, для которых Кенозерье стало особым местом в творческой судьбе.

Историко-культурное наследие Кенозерья имеет богатую историю. Памятники материальной и нематериальной культуры собираются, изучаются и хранятся в депозитарии парка. Благодаря активным практикам сотрудников парка наследие живёт не только в формате исторической ретроспективы, оно становится участником событий жизни и обретает свою «постисторию» в пространственной организации территории.

Литература

1. Небеса и окрестности Кенозерья. Расписные потолки, иконы, деревенские часовни и церкви, составляющие историко-культурный ландшафт Национального парка «Кенозерский». М.: Программа «Первая публикация», 2009. 564 с.

2. Небеса ручной работы: расписные потолки и иконы из храмов Кенозерского национального парка: кат.-альбом / сост.: Т.М. Кольцова, М.Н. Мелютина. М., 2010. 148 с.

3. Анциферова А.И. «Подписные и датированные «небеса» и иконы в собрании Кенозерского национального парка» // Кенозерские чтения – 2015. Заповеданное Кенозерье: природа, культура, человек". Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции / сост. М.Н. Мелютина; отв. ред. Е.Ф. Шатковская; ФГБУ «Национальный парк “Кенозерский”». Северодвинск, 2016. С. 52–61.

4. Анциферова А.И. «Традиции бытовой росписи и резьбы по материалам музейных коллекций Кенозерского национального парка» // Кенозерские чтения – 2016. Деревянная архитектура в культурном ландшафте: вызовы современности». Сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции / сост. М.Н. Мелютина; отв. ред. Е.Ф. Шатковская; ФГБУ «Национальный парк “Кенозерский”». Северодвинск, 2017. С. 130–138.

5. Веденин Ю.А., Козыкин А.В., Кулешова М.Е., Тормосов Д.В. Программа сохранения культурных ландшафтов Кенозерья // Культурный ландшафт как объект наследия. М.: Институт наследия; СПб, 2004. С. 532–548.

6. Веденин Ю.А., Тормосов Д.В. Культурно-ландшафтная дифференциация территории Кенозерского национального парка // Культурный ландшафт как объект наследия. М.: Институт Наследия; СПб, 2004. С. 425–445.

7. Шатковская Е.Ф. Кенозерский национальный парк – территория культурного ландшафта / Сельские культурные ландшафты: рекомендации по сохранению и использованию / под ред. М.Е. Кулешовой. М.: ЭкоЦентр «Заповедники», 2013. С. 119–128; С. 145–146.

8. Кристиана Греко. Выступление на Методологическом семинаре «Музеи мира – XXI век», 2016. URL: http://museolog.rsuh.ru/pdf/381_ICOM_ICOFOM _Milano_2016.pdf

9. Мелютина М.Н. Монастырская топография Наглимозерского ландшафтного комплекса // Кенозерские чтения – 2013. Культурные ландшафты: традиции для развития: сборник материалов VI Международной научно-практической конференции / сост. М.Н. Мелютина; отв. ред. Е.Ф. Шатковская; ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Архангельск, 2015. С. 184–193.

10. Кольцова Т.М. «Небеса» и иконы Кенозерья // Небеса и окрестности Кенозерья. Расписные потолки, иконы, деревенские часовни и церкви, составляющие историко-культурный ландшафт Национального парка «Кенозерский». М.: Программа «Первая публикация», 2009. С. 74–78.

11. Кольцова Т.М. Кенозерский мастер Федор Захаров Иок // Небеса и окрестности Кенозерья. Расписные потолки, иконы, деревенские часовни и церкви, составляющие историко-культурный ландшафт Национального парка «Кенозерский». М.: Программа «Первая публикация», 2009. С. 80–81.

12. Манин В.С. Виктор Попков. М.: Советский художник, 1979. б\с.

13. Мелютина М.Н. Музей в живом пространстве национального парка // Прикладная культурология: методологические основания и социокультурные практики. Коллективная монография/под редакцией М.М. Марковой. Архангельск: Кира, 2017. С. 215–228.

14. Бобышев Д.В. Автопортрет в лицах. Человекотекст. Книга 2. М.: Время, 2008. URL: http://www.litmir.co/br/?b=129146&p=11

KENOZERO NATIONAL PARK MUSEUM COLLECTIONS AS CULTURAL HERITAGE DEPOSITARIES AND HISTORICAL RETROSPECTIVE LOCUCES IN LANDSCAPE SPATIAL ORGANIZATION

M. Melyutina
nauka@kenozero.ru

Kenozero National Park, Arkhangelsk, Russia.

Abstract. *Using the example of Kenozero National Park, the author defines museum depository as a modern cultural phenomenon which plays an essential socio-cultural role by being a documentary of local life setting. Museumification becomes an important means for representation of cultural landscape and also one of the present-day landscape-forming processes. Traditional cultural landscape continues to evolve, but by means of museumification it is possible to demonstrate historical retrospective of the spatial territorial layout in the live traditional landscape.*

Keywords: *depository, museum fund, museumification, Kenozero National Park, cultural landscape, presentation of heritage, traditional rural culture.*

For citation: Melyutina M. Kenozero national park museum collections as cultural heritage depositaries and historical retrospective locuces in landscape spatial organization. *Heritage and Modern* Times. 2019;2(2):109–119.

References

1. Nebesa i okrestnosti Kenozer'ja. Raspisnye potolki, ikony, derevenskie chasovni i cerkvi, sostavljajushhie istoriko-kul'turnyj landshaft Nacional'nogo parka «Kenozerskij». M.: Programma «Pervaja publikacija», 2009. 564 s.

2. Nebesa ruchnoj raboty: raspisnye potolki i ikony iz hramov Kenozerskogo nacional'nogo parka: kat.-al'bom / sost.: T.M. Kol'cova, M.N. Meljutina. M., 2010. 148 s.

3. Anciferova A.I. «Podpisnye i datirovannye «nebesa» i ikony v sobranii Kenozerskogo nacional'nogo parka» // Kenozerskie chtenija – 2015. Zapovedannoe Kenozer'e: pri-

roda, kul'tura, chelovek". Sbornik materialov VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii / sost. M.N. Meljutina; otv. red. E.F. Shatkovskaja; FGBU «Nacional'nyj park "Kenozerskij"». Severodvinsk, 2016. S. 52–61.

4. Anciferova A.I. «Tradicii bytovoj rospisi i rez'by po materialam muzejnyh kollekcij Kenozerskogo nacional'nogo parka» // Kenozerskie chtenija – 2016. Derevjannaja arhitektura v kul'turnom landshafte: vyzovy sovremennosti». Sbornik materialov VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii / sost. M.N. Meljutina; otv. red. E.F. Shatkovskaja; FGBU «Nacional'nyj park "Kenozerskij"». Severodvinsk, 2017. S. 130–138.

5. Vedenin Ju.A., Kozykin A.V., Kuleshova M.E., Tormosov D.V. Programma sohranenija kul'turnyh landshaftov Kenozer'ja // Kul'turnyj landshaft kak ob"ekt nasledija. M.: Institut nasledija; SPb, 2004. C. 532–548.

6. Vedenin Ju.A., Tormosov D.V. Kul'turno-landshaftnaja differenciacija territorii Kenozerskogo nacional'nogo parka // Kul'turnyj landshaft kak ob"ekt nasledija. M.: Institut Nasledija; SPb, 2004. C. 425–445.

7. Shatkovskaja E.F. Kenozerskij nacional'nyj park – territorija kul'turnogo landshafta / Sel'skie kul'turnye landshafty: rekomendacii po sohraneniju i ispol'zovaniju / pod red. M.E. Kuleshovoj. M.: JekoCentr «Zapovedniki», 2013. S. 119–128; S. 145–146.

8. Kristiana Greko. Vystuplenie na Metodologicheskom seminare «Muzei mira – XXI vek», 2016. URL: http://museolog.rsuh.ru/pdf/381_ICOM_ICOFOM_Milano_2016.pdf

9. Meljutina M.N. Monastyrskaja topografija Naglimozerskogo landshaftnogo kompleksa // Kenozerskie chtenija – 2013. Kul'turnye landshafty: tradicii dlja razvitija: sbornik materialov VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii / sost. M.N. Meljutina; otv. red. E.F. Shatkovskaja; FGBU «Nacional'nyj park «Kenozerskij». Arhangel'sk, 2015. S. 184–193.

10. Kol'cova T.M. «Nebesa» i ikony Kenozer'ja // Nebesa i okrestnosti Kenozer'ja. Raspisnye potolki, ikony, derevenskie chasovni i cerkvi, sostavljajushhie istoriko-kul'turnyj landshaft Nacional'nogo parka «Kenozerskij». M.: Programma «Pervaja publikacija», 2009. S. 74–78.

11. Kol'cova T.M. Kenozerskij master Fedor Zaharov Iok // Nebesa i okrestnosti Kenozer'ja. Raspisnye potolki, ikony, derevenskie chasovni i cerkvi, sostavljajushhie istoriko-kul'turnyj landshaft Nacional'nogo parka «Kenozerskij». M.: Programma «Pervaja publikacija», 2009. S. 80–81.

12. Manin V.S. Viktor Popkov. M.: Sovetskij hudozhnik, 1979. b\s.

13. Meljutina M.N. Muzej v zhivom prostranstve nacional'nogo parka // Prikladnaja kul'turologija: metodologicheskie osnovanija i sociokul'turnye praktiki. Kollektivnaja monografija/pod redakciej M.M. Markovoj. Arhangel'sk: Kira, 2017. S. 215–228.

14. Bobyshev D.V. Avtoportret v licah. Chelovekotekst. Kniga 2. M.: Vremja, 2008. URL: http://www.litmir.co/br/?b=129146&p=11

Сведения об авторе

Мелютина Марина Николаевна, кандидат философских наук, начальник отдела изучения и интерпретации историко-культурного наследия ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский», г. Архангельск, Россия.
E-mail: nauka@kenozero.ru

Author of the publication

Marina Melyutina, Ph.D. in Philosophy, Head of Historical Cultural Heritage Studies Department FSFE "Kenozero National Park", Arkhangelsk, Russia.
E-mail: nauka@kenozero.ru

Дата поступления 16.04.2019

УДК 327:913

«ЗАПОВЕДАННОЕ КЕНОЗЕРЬЕ»: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПО УСТАНОВЛЕННЫМ КРИТЕРИЯМ ЦЕННОСТИ

Н.В. Максаковский
nmaks2007@rambler.ru

Центр комплексных региональных программ социально-культурного развития Института социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Аннотация. *В статье представлены этапы и итоги сравнительного анализа, в ходе которого «Заповеданное Кенозерье», предлагаемое к включению в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, сравнивается с аналогичными объектами. Акцент делается на объектах, уже имеющих статус всемирного наследия ЮНЕСКО и расположенных в странах Северной Европы. Анализ проводится в ракурсе четырех оценочных критериев «выдающейся универсальной ценности». Отсутствие у «Заповеданного Кенозерья» явных аналогов подтверждает уникальность этого культурно-ландшафтного комплекса в глобальном масштабе.*

Ключевые слова: *Кенозерский национальный парк, Всемирное наследие ЮНЕСКО, культурный ландшафт.*

Для цитирования*:* Максаковский Н.В. «Заповеданное Кенозерье»: сравнительный анализ по установленным критериям ценности. *Наследие и современность = Heritage and Modern Times*. 2019;2(2):120–132.

Согласно правилам, установленным Комитетом всемирного наследия [1; 2], одним из разделов номинационного досье объекта Всемирного наследия является «сравнительный анализ» (*Comparative Analysis*), где номинируемый объект сравнивается с похожими местами в других странах мира. Необходимо доказать, что выбранный объект действительно является уникальным, и что никаких близких ему аналогов в мире не существует. Также надо продемонстрировать, что этот объект является наилучшим представителем определённого типа наследия (в нашем случае – архаичный крестьянский ландшафт Русского Севера), и что именно его следует «делегировать» в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО. В ходе подготовки номинационного досье для Кенозерья такой сравнительный анализ был осуществлён [3], причём, как это и предписано Руководством по применению Конвенции о всемирном наследии, изучались как фигуранты основного Списка ЮНЕСКО, так и перспективные объекты из Предварительных списков от разных стран [4]. В расчёт принимались и прочие ценные культурно-ландшафтные комплексы Русского Севера, лежащие вне обоих указанных перечней, но представляющие особый историко-культурный интерес.

Из сотен объектов, в качестве возможных аналогов были отобраны: памятники деревянного зодчества (обычно подобные шедевры номинируются по критерию (i); районы с уцелевшими историческими культурными традициями (iii); сельские культурные ландшафты, где прослеживается историческая система расселения и/или землепользования (v); районы с сохранившимися духовными практиками, народными традициями, верованиями, фольклором и пр. (vi).

Акцент был сделан на достопримечательностях, расположенных в геокультурном регионе Северной Европы и на севере Европейской территории России (Русский Север). Однако некоторые из отобранных для анализа возможных аналогов Кенозерья находятся и в более отдалённых районах мира.

Сравнение по сочетанию критериев

Перед изложением результатов сравнений по отдельным оценочным критериям, обратим внимание на следующее.

Во-первых, объектов, номинированных строго по обсуждаемому комплексу из 4-х критериев (i, iii, v, vi), в современном Списке Всемирного наследия нет ни одного! Это свидетельствует о том, что набор ценностей, на основании которого «Заповеданное Кенозерье» предлагается включить в Список Всемирного наследия, является действительно неповторимым.

Во-вторых, если учесть, в дополнение к этим четырём, и другие возможные критерии, то номинированных объектов оказывается всего четыре: итальянский «город на воде» – знаменитая Венеция (i, ii, iii, iv, v, vi), исторический исламский город Кайруан в Тунисе (i, ii, iii, v, vi), а также два объекта в Китае – буддийский пещерный храмовый комплекс Могао (i, ii, iii, iv, v, vi) и священная гора даосизма Тайшань (i, ii, iii, iv, v, vi, vii). Однако даже по одним только наименованиям указанных объектов легко заключить, что ни один из них не является даже отдалённым аналогом Кенозерья.

Выявление аналогов по каждому в отдельности из оценочных критериев, предлагаемых для Кенозерья (аргументация их выбора приводится в статье Веденина Ю.А. и Кулешовой М.Е.) подтверждает отсутствие сходства выявленных объектов с рассматриваемой территорией.

Кенозерье – район концентрации выдающихся шедевров деревянной архитектуры Русского Севера: критерий (i)

Речь идёт об уникальных памятниках деревянного зодчества Кенозерья, гармонично вписанных в окружающую среду, – крупных храмовых комплексах, небольших часовнях, имеющих уникальные расписные своды – «небеса», а также о традиционных жилых и хозяй-

ственных постройках (подробнее об этом рассказано в статье И.Н. Шургина).

Памятники деревянного зодчества Списка Всемирного наследия, отвечающие критерию (i):

Погост Кижи (Россия). Расположен на одном из островов Онежского озера, в Карелии. Две уникальные деревянные церкви XVIII в. и колокольня XIX в., окруженные по периметру невысокой оградой (i, iv, v).

Деревянная церковь в Урнесе (Норвегия). Сооружена в XII–XIII вв. Яркий пример скандинавской деревянной архитектуры. Сочетает элементы кельтского искусства, традиции викингов и романский стиль (i, ii, iii).

Памятники Хорюдзи (Япония). Старинные буддийские памятники, некоторые из которых относятся к VII–VIII вв. Пример проникновения китайской буддийской архитектуры в культуру Японии (i, ii, iv, vi).

Деревянные постройки из Списка Всемирного наследия, оценённые не по критерию (i), а по иным мотивам:

Старая Раума (Финляндия) – яркий пример старинного северного города, построенного из дерева. Фасады одноэтажных домов XVIII–XIX вв., всего около 600, выделяются красивым оригинальным декором (iv, v).

Старинная церковь в деревне Петяявеси (Финляндия). Построена из бревен в 1763–1765 гг., архитектура типична для Восточной Скандинавии. Симметричная планировка церкви Ренессанса соединяется с более старыми готическими формами (iv).

Украшенные сельские дома Хёлсингланда (Швеция). Деревянные строения XIX в., яркий образец древней местной традиции. Дома расписаны в стиле, объединившем местные традиции, барокко и рококо (v).

Деревянные церкви на юге Малой Польши (Польша). Построены с использованием методов горизонтальной укладки бревен, характерных для Восточной и Северной Европы еще со Средних веков (iii, iv).

Деревянные церкви Польши и Украины в Карпатах (Польша/Украина). Возведены в XVI–XIX вв. общинами православной и греко-католической веры. Построены по трёхчастному плану, имея открытые снизу квадратные или восьмиугольные в плане барабаны и увенчивающие их купола (iii, iv).

Деревянные церкви исторической области Марамуреш (Румыния) – узкие и высокие деревянные сооружения, имеющие одно- или двускатные крыши, покрытые дранкой, и характерные стройные часовые башни (iv).

Церкви на островах Чилоэ (Чили). Традиция, начатая в XVII–XVIII вв. иезуитской миссией, продолженная и развитая в XIX в. францисканцами. Удачный пример включения архитектуры в окружающий ландшафт (ii, iii).

Деревянные постройки в составе номинаций Предварительного Списка Всемирного наследия России:

Исторический центр Иркутска – пример градостроительного ансамбля, богатого городской деревянной архитектурой, относящейся, в основном, к XVIII–XIX вв. Выделяются богатые декоры домовых фасадов.

Аналогичные объекты на Русском Севере (объекты вне основного и предварительных списков Всемирного наследия).

На Русском Севере (прежде всего в Карелии и Архангельской области) есть, помимо Кенозерья, еще целый ряд территорий, где отмечена достаточно высокая концентрация ценных памятников деревянного зодчества, не говоря уже о десятках отдельно расположенных построек такого рода, в числе которых:

Историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижи» (Карелия);

Музей деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы» (Архангельская область);

Каргопольский историко-архитектурный и художественный музей (Архангельская область);

Ильинский погост Водлозерского национального парка (Карелия), памятник федерального значения;

Церковь Божией Матери Одигитрии в деревне Кимжа (Архангельская область), памятник федерального значения;

Деревянный храм во имя святого отрока Артемия в Верколе (Архангельская обл.), памятник федерального значения.

Результаты сравнения по критерию (i).

Среди перечисленных объектов нет ни одного, который, благодаря наличию памятников деревянной архитектуры, являясь частью традиционного эволюционирующего культурного ландшафта, мог бы получить столь же высокую экспертную оценку, как Кенозерье. Отличия прослеживаются в различных аспектах.

Аутентичность вмещающей среды. Некоторые из потенциальных аналогов Кенозерья представляют собой место размещения свезённых с округи деревянных строений (музей «Малые Корелы» и основная, т.е. вне погоста, часть музея-заповедника «Кижи»). Деревянные жилые дома Иркутска, подлинные сами по себе, оказались, со вре-

менем, в чуждом окружении центра крупного города. Старая Раума, хотя и сохранила свой первоначальный стиль и планировку, представляет собой, в отличие от Кенозерья, городской, но не сельский ландшафт.

Различия в архитектурных решениях и стилях. Так, норвежская церковь – каркасная (в Кенозерье – срубы), отражает явное влияние романского стиля. Церкви Украины и Польши иллюстрируют влияние барокко, финская церковь Петяявеси – готики и ренессанса, японские памятники Хорюдзи – китайской буддийской архитектуры.

Время создания. Гораздо древнее кенозерских церквей и домов – памятники Хорюдзи, норвежская церковь, некоторые другие. Есть памятники и более молодые. Кенозерские постройки относятся в основном к XVIII–XIX вв., чётко занимая промежуточную хронологическую нишу.

Концентрация старинных деревянных построек различных типов. На некоторых объектах-аналогах представлены единичные шедевры деревянного зодчества: норвежская церковь в Урнесе, Кижский и Ильинский погосты, церковь Одигитрии в Кимже и пр. Другие объединяют по нескольку ценных строений: церкви Польши и Украины, сельские дома в Швеции и т.д. То есть там не идёт речь о столь значительной концентрации аутентичных деревянных памятников в сравнительно компактном ареале, как в Кенозерье, где, помимо этого, представлен богатый типологический ряд деревянных сельских построек – разных функциональных типов и разных эволюционных форм.

Таким образом, уникальность Кенозерья по критерию (i) связана, прежде всего, с обилием на компактной территории старинных, но хорошо сохранившихся деревянных построек – культовых, жилых и хозяйственных, которые располагаются в аутентичной обстановке и представляют собой неотъемлемую часть патриархального северорусского ландшафта. Деревянные строения Кенозерского национального парка оригинальны и не похожи на другие деревянные сооружения, уже фигурирующие в Списке ЮНЕСКО. Сходных объектов не обнаружено и в Предварительных списках Всемирного наследия. В масштабах всего Русского Севера эти места также следует признать уникальными.

Кенозерье – место бытования живой реликтовой крестьянской культуры Русского Севера с её уникальными материальными свидетельствами: критерий (iii)

Наиболее вероятные аналоги Кенозерья по данному критерию – это расположенные в разных странах национальные деревни и/или сельские местности, со специфическими хозяйственно-бытовыми укладами.

Примеры архаичной народной культуры из Списка Всемирного наследия, отвечающие критерию (iii):

Лапландия (Швеция) – район в северной Швеции, расположенный близ Полярного круга, населённый народом саами. Традиционный кочевой уклад этого народа основан на сезонной смене оленьих пастбищ (iii, v, vii, viii, ix).

Старинные деревни Сиди и Хунцунь (Китай) – средневековые поселения, редкие в наши дни. Сохранилась планировка сел, архитектура и декор построек, а также система водоснабжения (iii, iv, v).

Национальная индейская деревня на острове Энтони (Канада) – демонстрирует культурные традиции и обычаи коренного населения тихоокеанского побережья Северной Америки (iii).

Объекты из Предварительных списков Всемирного наследия.

Среди перспективных объектов стран Северной Европы, выдвинутых по критерию (iii), аналогов Кенозерью не выявлено. По критериям (i, iii, iv) от России выдвинуты онежские и беломорские петроглифы, на востоке Карелии, однако явного отношения к сельскому ландшафту Русского Севера эти древние наскальные рисунки не имеют.

Аналогичные объекты на Русском Севере (вне основного и предварительных списков Всемирного наследия). На официальном сайте Водлозерского национального парка, лежащего на границе Карелии и Архангельской области (http://vodlozero.ru), указано: «Объекты историко-культурного наследия парка – это археологические объекты разных эпох, памятники деревянной архитектуры, храмы и особо почитаемые святыни, сеть старинных поселений, сохранивших элементы традиционной застройки, традиции духовной культуры местного населения, традиционные промыслы и ремесла, традиционная система природопользования…».

В целом, то же можно сказать и о Кенозерье, что не удивительно – парки разделяет всего 60–80 км. Однако несомненно, что у каждого из них есть своя неповторимая специфика (в частности, часовни с расписными сводами на Водлозере отсутствуют, количество памятников значительно меньше, разнообразие архитектурных форм значительно скромнее). Более того, природная ценность Водлозерского парка в целом превышает значимость его историко-культурного наследия (в 1990-х гг. он предлагался в Список ЮНЕСКО как объект природного наследия), в Кенозерье ситуация обратная.

Результаты сравнения по критерию (iii). Ни один из упомянутых выше сельских районов – носителей важных культурных традиций – нельзя признать близким аналогом Кенозерья. Эти места отражают традиции и уклады, которые крайне далеки от тех, которые мы наблюдаем в районе Кенозера. В Предварительных списках Всемирного наследия североевропейских стран и России похожих объектов нет. Если говорить об объектах вне Списка ЮНЕСКО, то внимание привле-

кает лишь один объект – Водлозерский национальный парк, который, однако, не обладает столь яркими свидетельствами традиционной культуры, как это демонстрирует Кенозерье.

Кенозерье – выдающийся культурный ландшафт Русского Севера, сохранивший традиционные формы землепользования и исторически сложившуюся систему крестьянских поселений: критерий (v)

Фигуранты основного Списка Всемирного наследия, отвечающие критерию (v). Здесь в качестве возможных аналогов Кенозерья имеет смысл рассматривать объекты, представляющие традиционные фермерские ландшафты, относящиеся, прежде всего, к лесной зоне умеренного пояса северного полушария, как-то:

Ландшафт Гранд-Пре (v, vi), на атлантическом побережье Канады, демонстрирует польдерную фермерскую культуру, заложенную акадийцами в XVII в. Обширная болотистая территория включает сельскохозяйственные угодья на польдере и археологические остатки нескольких старых поселений.

Агроландшафт на юге острова Эланд в Швеции (iv, v) сохранил оригинальные формы фермерского хозяйства и расселения со времён Средневековья. Сохранились многочисленные следы проживания человека, начиная с доисторических времен (3 тыс. лет до н.э.).

У западных берегов Норвегии располагается Вегаэйн – архипелаг Вега (v). Здешний культурный ландшафт – свидетельство традиционного уклада рыбаков и фермеров, существовавшего последние 1500 лет.

Однако упомянутые объекты, демонстрирующие различные поморские уклады, не обнаруживают большого сходства с Кенозерьем ни по историко-культурным, ни по природным параметрам. Основная ценность этих, по сути, палеокультурных ландшафтов заключена в археологических находках, в то время как живая культура аборигенного населения сохранилась там, в отличие от Кенозерья, минимально.

Гораздо более близок Кенозерью культурный ландшафт Фертё-Нойзидлер-Зе, на границе Австрии и Венгрии (v). Это обширное поозерье, со сложной мозаикой лугов, болот, полей, лесов и перелесков, с живописными селами по берегам, и со следами многовекового землепользования. Однако в этом культурном ландшафте преобладают виноградники и пастбища, а в Кенозерье набор агроландшафтов иной: сочетание лесных промысловых, луговых пастбищных и полевых земледельческих угодий. Разнится и местная архитектура: в районе Ферте-Нойзидлер-Зе можно обнаружить несколько старинных дворцов XVIII–XIX вв., степень освоенности этой местности существенно выше.

Ещё один заслуживающий внимания объект – Озерный край, на севере Англии, он же – национальный парк Лейк-Дистрикт (ii, v, vi). Обе сравниваемые местности являются традиционными агроландшафтами лесной зоны, причём весьма давнего освоения, в обеих характерной чертой ландшафта являются крупные водоёмы и лесные массивы. Вместе с тем, серьёзные отличия имеются в характере рельефа (в первом случае –низкогорный, во втором – всхолмлённой моренной равнины), степени сохранности территории (Кенозерье сохранилось много лучше), в преобладающем сельскохозяйственном профиле (земледелие на Кенозере и овцеводство в «Озёрном крае»). Рисунок культурного ландшафта также разнится: сложные границы сельхозугодий на Кенозере, следующие природным рубежам, и аккуратная нарезка фермерских пастбищ «Озёрного края», ограниченных по периметру каменными изгородями. Не говоря уже о несхожести культурных традиций и сельской архитектуры: с одной стороны, патриархальные уклады и деревянное зодчество Русского Севера, с другой – фермерские традиции и прочные каменные усадьбы Северной Англии.

Можно также перечислить и другие примеры исторических сельскохозяйственных ландшафтов Европы, номинированных по критерию (v), которые не имеют с Кенозерским краем никакого существенного сходства, однако для полноты проводимого сравнения могут быть названы: Национальный парк Хортобадь (Венгрия) – обширная степная равнина и заболоченные приречные участки, традиционно используемые в качестве пастбищ (iv, v); Пиренеи (Испания-Франция) – горные пастбища и соответствующая инфраструктура, на высоте 2–3 тыс. м над у.м. (iii, iv, v, vii, viii); Равнина у Стари-Града (Хорватия) – район традиционного выращивания винограда и оливок (i, ii, iii, v).

Особо упомянем два российских объекта, которые уже были номинированы как культурные ландшафты: Куршская коса, с ее дюнами, рыбацкими поселениями и сосновыми лесами (v), и античный город Херсонес Таврический, с его древними земельными наделами – «хорой» (ii, v). Ни один из них не имеет оснований рассматриваться в качестве аналога культурного ландшафта района Кенозера.

Аналогичные объекты на Русском Севере (вне основного и предварительных списков Всемирного наследия). На территории Русского Севера существует целый ряд охраняемых природных и историко-культурных территорий, где ещё встречаются яркие следы исторической системы землепользования и расселения. Это уже упоминавшиеся национальный парк «Водлозерский» и музей-заповедник Кижи (во Всемирное наследие включен только погост Кижи), а также национальный парк «Русский Север», природный парк «Вепсский лес», и остров Вайгач, с его следами аборигенных культур Крайнего Севера.

Как и Кенозерью, всем этим местам, в той или иной мере, свойственны суровая и живописная северная природа, заболоченность, наличие памятников истории и культуры разных эпох, включая шедевры деревянного зодчества. Однако только в Кенозерье мы имеем дело с практически полностью сохраняющимся до наших дней феноменом культурного ландшафта Русского Севера, с различными типами ландшафтно-хозяйственных комплексов, адаптированных к сложноустроенному озерно-болотно-лесо-луговому ландшафту. В других местах сохранились либо только памятники, причём в изменённом вмещающем ландшафте (музей-заповедник Кижи), либо отдельные небольшие очаги культурного ландшафта (Водлозерский национальный парк и «Вепсский лес»), либо функционально иные типы такого ландшафта («Русский Север», 200 км южнее Кенозера).

Результаты сравнения по критерию (v).

Явных аналогов Кенозерью не обнаружено. Данный район, со своим архаичным сельским ландшафтом, удачно дополняет общемировую палитру территорий традиционного землепользования и расселения, являясь ярким примером патриархального уклада жизни на Русском Севере, чудесно сохранившимся до нашего времени. Ни в основном Списке ЮНЕСКО, ни в Предварительных списках похожих объектов нет.

Кенозерье – территория, сохранившая уникальные духовные традиции и обогатившая мировую фольклористику русской эпической поэзией: критерий (vi)

Аналогичные объекты из Списка Всемирного наследия, отвечающие критерию (vi). Несмотря на то, что по критерию (vi) в Список ЮНЕСКО прошло довольно много объектов, непосредственно к фольклору имеет отношение всего несколько, и почти все они относятся к странам Азии, Африки и Океании, представляя совершенно иные культурные и сакральные традиции. К примеру, это национальный парк Тонгариро в Новой Зеландии (vi, vii, viii), известный как место рождения легенд аборигенного народа маори.

Аналогичные объекты на Русском Севере (вне основного и предварительных списков Всемирного наследия). На севере Европейской России имеется и иные ценные культурные ареалы, где была зафиксирована эпическая традиция, например, в национальном парке «Водлозерский» и отдельных районах Поонежья. На их фоне Кенозерье выделяется тем, что здесь эпическое наследие (главным образом, былины) оказалось много богаче, как по числу записанных былинных текстов, их сюжетному составу, так и по числу исполнителей, по длительности и повсеместности бытования (см. статью Ведерниковой Н.М., Мелютиной М.Н).

Определённую аналогию представляет национальный парк «Калевальский» на границе Карелии и Финляндии, территория которого с древности была заселена карело-финскими племенами. В 1820–1830-х гг. здесь были записаны мифологические сказания – руны, на основе которых была воссоздана «Калевала», шедевр карело-финского эпоса. Однако и «Калевала», и русские былины Кенозерья порождены культурно-историческими традициями создававших их народов (а они заметно разнятся), отличаются они и эпохами, отразившимися в них, и характером героизма, и несопоставимостью поэтической формы.

Результаты сравнения по критерию (vi). Значимость Кенозерья состоит в том, что оно сохранило духовное наследие своих исконных жителей – уникальные традиции русской эпической поэзии и духовные практики, архаичные верования и обряды. Это ярко высвечивает ценность Кенозерья на фоне современного состава Списка ЮНЕСКО, где подобных «фольклорных очагов» европейского Севера не отмечено. Не обнаружено похожих объектов и в Предварительных списках Всемирного наследия. Идентичных по сути культурных очагов на Русском Севере также не выявлено.

Выводы

Выше были перечислены только основные, наиболее яркие и созвучные Кенозерью объекты, но ни один из них не может рассматриваться в качестве близкого аналога.

Патриархальный культурный ландшафт «Заповеданного Кенозерья» символизирует Русь крестьянскую, принципиально отличаясь от прочих российских объектов Всемирного наследия [5; 6], развивая и дополняя уже сложившийся их состав от России, который представляет:

«Русь державную» (кремли – Московский, Казанский, Новгородский, Суздальский, храм в Коломенском);

«Русь имперскую» (центр Санкт-Петербурга, плюс Петергоф, Павловск, Пушкин и т.д., это также исторический центр Ярославля);

«Русь православную» (Соловецкий монастырь, Ферапонтов монастырь, Троице-Сергиева Лавра, Новодевичий монастырь, Успенский монастырь в Свияжске, это также храмы Владимиро-Суздальской земли, Великого Новгорода и окрестностей, Кижский погост).

В заключение отметим, что анализ Списка всемирного наследия, проведённый ИКОМОС в 2004 г. [7], но не утративший своей актуальности до настоящего времени, показал, что наиболее слабо представлены в Списке и требуют особого внимания и продвижения: сельская архитектура и поселения (*vernacular architecture and settlements*), священные природные объекты (в частности, святые рощи – *sacred*

forests), объекты традиционного природопользования (*utilising natural resources*), а также – традиционные сельскохозяйственные ландшафты, которые бы «демонстрировали ранние стадии развития фермерского хозяйства и системы землепользования, а также адаптацию этой системы к местным природным условиям». Всё это великолепное сочетание демонстрирует «Заповеданное Кенозерье».

Литература

1. Preparing World Heritage Nominations. Second Edition. UNESCO. 2011. 138 p. Электронный ресурс: http://whc.unesco.org/en/preparing-world-heritage-nominations/

2. Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. UNESCO. WHC. 17/01, January 2017. 178 p. Электронный ресурс: http://whc.unesco.org/en/guidelines/

3. *Максаковский Н.В.* Потенциальное место Кенозерского национального парка в Списке Всемирного наследия ЮНЕСКО. Кенозерские чтения – 2015, «Заповеданное Кенозерье»: природа, культура, человек», сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции. Архангельск, 2016, с. 329–340.

4. http://whc.unesco.org/en/list/ (Список Всемирного наследия ЮНЕСКО, 2019, англ.).

5. *Максаковский Н.В.* История развития и современные тенденции формирования Списка всемирного наследия ЮНЕСКО // Наследие и современность. 2018. Вып. 1. с. 8–30.

6. *Максаковский Н.В.* Предварительный список Всемирного наследия России: история развития, современный состав, пути оптимизации // Наследие и современность. 2018. Вып. 2., 2018. с. 39–71.

7. The World Heritage List: Filling the Gaps – an Action Plan for the Future. ICOMOS. – 2004. 111 p.

"ZAPOVEDANNOE KENOZERIE": COMPARATIVE ANALYSIS BY THE ESTABLISHED VALUE CRITERIA

N. Maksakovsky

nmaks2007@rambler.ru

Higher School of Economics,
Center for Regional Programmes of Social and Cultural Development,
Institute for Social Policy, Moscow, Russia

Abstract. *The article presents stages and results of comparative analysis, during which "Zapovedannoe Kenozerie", proposed to inclusion in the UNESCO World Cultural Heritage List, is compared to similar objects. The stress is made on that objects, already received the status of the UNESCO world heritage and are located in Northern Europe countries. The analysis is carried out with regards to four estimated criteria of "the outstanding universal value". "Zapovedannoe Kenozerie" lacks evident analogs, that confirms uniqueness of this cultural and landscape complex on a global scale.*

Keywords*: Kenozero National Park, UNESCO World heritage, cultural landscape.*

For citation: Maksakovsky N. "Zapovedannoe Kenozerie": comparative analysis by the established value criteria. *Heritage and Modern Times*. 2019;2(2):120–131.

References

1. Preparing World Heritage Nominations. Second Edition. UNESCO. 2011. 138 p. http://whc.unesco.org/en/preparing-world-heritage-nominations/

2. Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. UNESCO. WHC. 17/01, January 2017. 178 p. http://whc.unesco.org/en/guidelines/

3. *Maksakovskij N.V.* Potencial'noe mesto Kenozerskogo nacional'nogo parka v Spiske Vsemirnogo nasledija UNESKO. Kenozerskie chtenija – 2015, «Zapovedannoe Kenozer'e»: priroda, kul'tura, chelovek», sbornik materialov VII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Arhangel'sk, 2016, s. 329–340.

4. http://whc.unesco.org/en/list/ (UNESCO World Heritage List, 2019, angl.).

5. *Maksakovskij N.V.* Istorija razvitija i sovremennye tendencii formirovanija Spiska vsemirnogo nasledija UNESKO // Nasledie i sovremennost'. 2018. Vyp. 1. s. 8–30.

6. *Maksakovskij N.V.* Predvaritel'nyj spisok Vsemirnogo nasledija Rossii: istorija razvitija, sovremennyj sostav, puti optimizacii // Nasledie i sovremennost'. 2018. Vyp. 2., 2018. s. 39–71.

7. The World Heritage List: Filling the Gaps – an Action Plan for the Future. ICOMOS. – 2004. 111 p.

Сведения об авторе

Максаковский Николай Владимирович, кандидат географических наук, эксперт Центра комплексных региональных программ социально-культурного развития Института социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Москва, Россия.
E-mail: nmaks2007@rambler.ru

Author of the publication

Nikolai Maksakovsky, Ph.D. in Geogr., expert Higher School of Economics, Centre for Regional Programmes of Social and Cultural Development, Institute for Social Policy. Moscow, Russia.
E-mail: nmaks2007@rambler.ru

Дата поступления 17.04.2019

УДК 913

«ЗАПОВЕДАННОЕ КЕНОЗЕРЬЕ» В СИСТЕМЕ КАТЕГОРИЙ ВЫДАЮЩЕЙСЯ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ЦЕННОСТИ ЮНЕСКО

Ю.А. Веденин, М.Е. Кулешова
vedenin37@gmail.com, culturalandscape@mail.ru

Москва, Россия

Аннотация: *На основании проведённых тематических исследований даны формулировки выдающейся универсальной ценности «Заповеданного Кенозерья» по критериям всемирного наследия ЮНЕСКО, его краткое резюме, аргументация целостности и подлинности объекта, как этого требуют Руководящие указания ЮНЕСКО. Заповеданное Кенозерье – первый культурный ландшафт, выдвижение которого в Список всемирного наследия инициируется российской стороной.*

Ключевые слова: *Заповеданное Кенозерье, Список всемирного наследия, выдающаяся универсальная ценность, целостность, подлинность, критерии ценности, культурный ландшафт, живая культура.*

Для цитирования: Веденин Ю.А., Кулешова М.Е. «Заповеданное Кенозерье» в системе категорий выдающейся универсальной ценности ЮНЕСКО. *Наследие и современность = Heritage and Modern Times*. 2019;2(2):132–145.

Работа по обоснованию всемирной ценности северорусского крестьянского ландшафта Кенозерья (включая Лёкшмозерье и разделяющие их водораздельные пространства) была начата авторами ещё в начале 2000-х годов, но по ряду обстоятельств на длительное время приостановлена, вплоть до 2013–2014 гг., когда интерес к этой теме возобновился, и со стороны уполномоченных инстанций была оказана необходимая организационная поддержка. Состав критериев ВУЦ (выдающейся универсальной ценности), по которым принято рассматривать претендентов в Список Всемирного наследия, несколько раз пересматривался[1] и после многократных обсуждений с руководством Кенозерского национального парка и профильными специалистами был установлен в том виде, как это приведено ниже. Понятно, что один и тот же объект может обладать разными аспектами ценности, но не просто определить, какие из них объективно являются ведущи-

[1] Тексты первоначального обоснования всемирной ценности Кенозерья были опубликованы в 2004 г. (Кулешова М.Е. Принципы и методы оценки культурного ландшафта // Культурный ландшафт как объект наследия. М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 37–67), затем заявка была обновлена и Кенозерье было включено в Предварительный список всемирного наследия (Кулешова М.Е. Культурный ландшафт Кенозерья как перспективный объект Всемирного наследия. Критерии выдающейся универсальной ценности // Кенозерские чтения – 2013. «Культурные ландшафты: традиции для развития». – Архангельск, 2014. С. 68–74). Впоследствии состав обосновывающих критериев был опять откорректирован (Веденин Ю.А., Ведерникова Н.М., Колбовский Е.Ю., Кулешова М.Е., Максаковский Н.В. Методика составления номинационного досье культурного ландшафта на примере «Заповеданного Кенозерья», заявленного от России в Список всемирного наследия ЮНЕСКО // Кенозерские чтения – 2016. Деревянная архитектура в культурном ландшафте: вызовы современности. Архангельск, 2017. с. 145–155).

ми. На примере статей представленного «кенозерского» выпуска прослеживается, как специалисты разного профиля оценивают один и тот же объект – культурный ландшафт – с различных сторон его предметности, в различных его элементах, в результате формируется его целостный аксиологический портрет.

Формулировка выдающейся универсальной ценности культурно-ландшафтного комплекса «Заповеданное Кенозерье»

Крестьянский культурный ландшафт Кенозерья, в том числе его уникальные памятники деревянной архитектуры, имеет основания быть включённым в Список Всемирного наследия как выдающийся образец северорусского крестьянского культурного ландшафта, сформировавшегося в основных своих чертах в XII–XVI вв. и сохранившего до наших дней на своей территории культурные традиции и архаичные/реликтовые формы народного творчества, хозяйствования и природопользования. Здесь можно видеть гармоничное сочетание старинных сельских поселений с традиционной для Русского Севера системой сельскохозяйственных угодий, отражающей сложившуюся много веков назад практику общинного земледелия и индивидуальные черты промыслово-земледельческого хозяйственного уклада, совместившего «культуру леса» (унаследованную от финно-угорских племён) и «культуру поля» (привнесённую славянскими племенами).

Рис. 1. Украшение крестьянского дома, деревня Вершинино

В поселениях поддерживаются историческая планировка и застройка, характерная организация усадеб, традиционные сельские дома с их традиционным декором и внутренним устройством (рис. 1).

Почти при каждой деревне находятся деревянные часовни, многие из которых являются подлинными шедеврами русского деревянного зодчества, для центральной и северной частей рассматриваемой территории характерны священные (в местной традиции называемых *святыми*) рощи – островки старовозрастного леса, культура особого почитания которых идёт со времен язычества. Берега озёр с их причудливыми очертаниями, разнообразными заливами и островами, силуэтами деревянных часовен и священных рощ, старинными деревушками, водно-ледниковыми холмами и затейливым рисунком полей представляют собой *шедевр организации пространства, обихоженного трудами многих поколений крестьян Европейского Севера,* сумевших в процессе своей хозяйственной, сакральной, бытовой, мифопоэтической деятельности талантливо использовать природные особенности края – всхолмлённой водно-ледниковой равнины, образующей своеобразное поднятие среди обширных болот и тайги.

На территории находятся уникальные деревянные храмы (принадлежащие двум погостам – Порженскому и Почезерскому), а также десятки часовен, построенных в XVIII–XIX веках, поклонных и обетных крестов, священных рощ, памятников археологии. Культовые памятники выделяются самобытным внутренним убранством – расписными «небесами» — сводами часовен с богатыми росписями на библейские сюжеты (их сохранилось 17). Многие часовни и Георгиевская церковь расположены в священных рощах. Там же расположены многие обетные кресты. Столь *высокая концентрация священных рощ и часовен делает Кенозерье уникальным регионом, аналога которому нет на территории России и других стран мира*.

Кенозерье является особым культурным пространством, представляющим *исключительную ценность также как феномен живой культуры*, зафиксированной в традиционных знаниях, умениях, представлениях, в характере поддержания культовых памятников, технологиях домостроительства и украшения жилищ, в организации быта и особенностях праздничной культуры. Это один из основных районов формирования русской мифопоэтики, сохранивший древние предания Киевской Руси, что было зафиксировано ведущими русскими этнографами, начиная с середины XIX века, и стало достоянием мировой фольклористики, а также оказало сильное влияние на культуру северных регионов России. Крестьянский ландшафт Кенозерья – это люди, сумевшие в непростых экономических и политических условиях отстоять своё право на особость своего культурного пространства и сумевшие сохранить свой культурный микрокосм в его основных физических параметрах (рис. 2).

Рис. 2. Фольклорный праздник в деревне Вершинино, вязка снопов

Критерии ценности, применяемые к культурно-ландшафтному комплексу «Заповеданное Кенозерье»

Культурный ландшафт Кенозерья удовлетворяет критериям i, iii, v, vi, установленным в качестве критериев ценности объектов Всемирного наследия.

Критерий (i) – формулировка ЮНЕСКО	Формулировка критерия (i) применительно к объекту
Представляет собой шедевр творческого гения человека	Выдающиеся памятники храмовой народной архитектуры Кенозерья являются шедеврами храмового деревянного зодчества, а собрание храмовых и часовенных потолочных росписей – «небес» – уникально по численности, сохранности и художественной выразительности

Вся деревянная архитектура Кенозерья является неотъемлемой частью культурного ландшафта, его основополагающим элементом, который во взаимодействии с формами рельефа, растительными ассоциациями, акваторией образует целостные ансамблевые комплексы. Памятники храмовой архитектуры нередко служат визуальными доминантами ландшафта. *В Кенозерье «царствует» деревянное зодчество* – начиная от двух выдающихся памятников-погостов с собранием более трёх десятков часовен, и заканчивая малыми хозяйственными постройками – банями, амбарами, мельницами, мостами. Эта плотность деревянного «покрова», пронизывающая весь ландшафт, формирует образ Севера России и является культурным шедевром.

Два архитектурных ансамбля заслуживают особого внимания как *выдающиеся произведения строительного искусства – Порженский и Почозерский погосты* (см. статью И.Н. Шургина). Георгиевский храм Порженского погоста послужил образцом-источником для часовен, обладающих клинчатым с полицами в основании завершением. Храмовый комплекс Почезерского погоста – уникальный пример архитектурного комплекса, объединившего в одно сооружение объёмно раздельные две церкви и колокольню. Архитектурные шедевры определяют иконичный образ культурного ландшафта.

Выдающимся достоинством религиозных памятников служат расписные небеса (перекрытия молельных залов) храмов и часовен. *В «Заповеданном Кенозерье» – уникальное для России и мира художественное собрание таких потолочных перекрытий – коллекция из 17 расписных небес*, частично сохраняется *in situ* в часовнях, частично – в музейном собрании Кенозерского национального парка. Эти росписи отражают известные библейские сюжеты и фиксируют круг наиболее почитаемых святых. Полнота представленности живописных полотен уникальна по своей репрезентативности для всего Русского Севера, здесь сочетаются архаика и классика, профессионализм и незамысловатое народное ремесло. Кенозерье – это рефугиум самобытного крестьянского искусства, сложившегося благодаря особому укладу жизни и социальным условиям.

Критерий (iii) – формулировка ЮНЕСКО	Формулировка критерия (iii) применительно к объекту
Содержит уникальное или выдающееся свидетельство культурной традиции или цивилизации, существующей либо исчезнувшей	Архаичный крестьянский ландшафт «Заповеданного Кенозерья» – место бытования живой реликтовой крестьянской культуры с уникальными её материальными свидетельствами: редчайшим по концентрации собранием часовен и «святых» рощ, глубокими традициями в домостроительстве и организации жизненного пространства, не имеющими столь выраженных аналогов в других регионах

«Заповедное Кенозерье» – исключительное свидетельство глубинных традиций, во многом определивших своеобразие культурного ландшафта этой территории. Подтверждением служит *уникальная по численности концентрация святых рощ, часовен и обетных крестов, которые в совокупности формируют структурированное сакральное пространство*. Примечательно разнообразие типов часовенных построек и их характерные местоположения в ландшафте, что представляет универсальную ценность**.** Одна из значимых функций кенозерских святынь – церквей и часовен, посвящённых чтимым святым, помимо их сакральной роли – консолидирующая, связывающая жителей деревень Кенозера в единое этническое сообщество.

Высокая степень адаптации к природным условиям – с одной стороны, и менявшийся на протяжении трех веков социальный фон освоения вызывали трансформацию культурного ландшафта Кенозерья. Подобные трансформации являются признаками сельского ландшафта во всем мире, но уникальность Кенозерья – в сохранности центральных мест, наследуемости планировочной структуры ландшафта, устойчивости функциональных связей всех уровней. Поля Кенозерья сформированы на привершинных поверхностях различных мезоформ рельефа, а также на склонах холмов, поэтому *имеют характерную эллипсовидную форму и ограничены характерными острыми бровками многовекового выпахивания, которые не встречаются более нигде на Русской равнине* (см. статью Е.Ю. Колбовского). Крестьянские дома в деревнях на территории Кенозерья *позволяют составить типологический ряд, демонстрирующий этапы формирования пятистенного жилища* и вариантов связи его с хозяйственной частью в домах-дворах. Это уникальная возможность проследить зарождение и развитие наиболее распространённого на Русском Севере типа избы – пятистенка (см. статью И.Н. Шургина).

Критерий (v) – формулировка ЮНЕСКО	Формулировка критерия (v) применительно к объекту
Является выдающимся примером традиционного поселения или формы землепользования, которые представляют определённую культуру, особенно когда она стала уязвимой под влиянием необратимых изменений	Заповеданное Кенозерье служит выдающимся по сохранности примером средневекового культурного ландшафта Русского Севера, сформировавшегося в результате сочетания традиционного землепользования и промыслово-земледельческого уклада хозяйства с традиционной системой крестьянских поселений, сохранившегося с XVI века и чрезвычайно уязвимого в связи с современными социально-экономическими процессами

В Кенозерье представлен весь набор элементов, которые иллюстрируют ход и результаты эволюции северорусского крестьянского ландшафта. Сочетание исторических поселений с полями, пожнями, полянами, сетью троп и дорог, ведущих к промысловым водным и лесным угодьям, с системой сакральных локусов пространства, с определённым функциональным членением и устроением территории, где всякий элемент занимает строго отведённое ему в ландшафте место, *формирует уникальную пространственную композицию*.

Планировка и застройка деревень подчинены традиционному укладу, рисунку береговой линии и характеру рельефа, в застройке характерны бревенчатые избы-пятистенки с обширными примыкающими в линию хозяйственными дворами (дома-корабли). Часовни клетские, нередко с колоколенкой и луковичным завершением клиновидной кровли, с расписными небесами, пространственно бывают синхро-

низированы со святыми рощами и образуют с ними функционально-планировочные доминанты культурного ландшафта. Одним из ярких специфичных для кенозерского ландшафта элементов являются также острова-кладбища, островное и полуостровное положение погребений – особенность пространственной организации культурного ландшафта.

К поселениям примыкают обширные открытые пространства полевых угодий, визуально связанные с водной гладью озёр, в глубь окаймляющих поля лесов уходят связующие дороги-коммуникации. Это важные планировочные оси, на которые нанизана мозаика небольших полян – индивидуальных хозяйственных угодий внутри крупных лесных массивов. Своеобразие рельефа и чрезвычайная распространенность элементов ложбинно-лощинной сети не позволили в Кенозерье существенным образом укрупнить поля и уничтожить межевые элементы (в отличие от территории Центральной России), что обусловило *уникальную сохранность масштаба и конфигурации как полевых угодий, так и всего паттерна культурного ландшафта* (см. статью Е.Ю. Колбовского).

Критерий (vi) – формулировка ЮНЕСКО	Формулировка критерия (vi) применительно к объекту
Непосредственно или опосредованно ассоциируется с событиями или сохранившимися традициями, с идеями или поверьями (верованиями), с художественными или литературными работами, имеющими исключительную универсальную значимость	Кенозерье – один из основных центров русского былинного творчества, обогативший всю мировую фольклористику, место сохраняющихся духовных практик и способов сакрализации пространства

Территория Кенозеррья является своеобразным *очагом хранения и распространения эпических песен – былин, баллад, духовных стихов*, которые представляли живую традицию вплоть до 1960–1970-х гг., только былин здесь было записано около трёхсот на сюжеты мифологического содержания, воинские, социально-бытовые и др. (см. статью Н.М. Ведерниковой и М.Н. Мелютиной). В отличие от других регионов Русского Севера былины в Кенозерье – достояние всех жителей, а не отдельных певцов (исполнителями былин были мужчины и женщины, люди разных возрастов). Эта *уникальная особенность – длительность и повсеместность бытования* определялись как природными факторами – северорусским крестьянским ландшафтом, созвучным эпическому складу поэзии, удаленностью от городских центров, так и нравственными представлениями жителей Кенозерья, не знавших крепостного права. Помимо былин, Кенозерье – место широкого и длительного бытования исторических песен эпохи Средневековья (XIV–XVII вв.) и баллад, среди которых есть уникальные сюжеты.

Живую традицию представляют сохраняющиеся обычаи и поверья, связанные с возведением и сохранением часовен и крестов, са-

кральными практиками, а также с хозяйственными заботами (см. статью Н.М. Ведерниковой). Знаковым явлением в сакрализованном пространстве Кенозерья служит постановка обетных крестов и часовен и приношение им дара (завета). В качестве дара *часовни нередко украшаются узорными тканьми и вышитыми полотенцами, в орнаменте которых сохранены древнейшие мифологические мотивы и композиции*. Возле крестов и в часовнях творят молитвы, просят благословения на дневные работы, ограждают себя от болезней. Сохраняются архаичные обряды и обычаи *островных захоронений в свайных могилах с переправой покойного на весельных лодках*, восходящие к традициям финско-балто-славянской культуры (см. статью Н.М. Ведерниковой и М.Н. Мелютиной).

Содержание скота породило развитую *скотоводческую обрядность*, домашнюю и пастушескую, включающую заговоры, магические действия, направленные на обеспечение здоровья животных, сохранение численности стада, защиты его от лесного зверя. Сохранившиеся тексты пастушеского отпуска – уникальные памятники народной письменности.

В бытовой культуре сохраняется *множество черт, позволяющих местному сообществу называть себя «кенозерами»*. Сохраняются традиционные праздники годового цикла, из них особенно почитаемы Васильев день, Святки, Масленица, Троица и Духов день, Успения Богородицы, сопровождаемые народными гуляниями. Кенозерье – территория, где были развиты художественные ремесла, в частности изготовление кенозерских прялок, сочетающих традиции резьбы и росписи по дереву. Хотя их изготовление более не практикуется, однако они богато представлены как в музейных коллекциях, так и в кенозерских домах, где они передаются по наследству.

Целостность культурно-ландшафтного комплекса «Заповеданное Кенозерье»

Качество целостности культурного ландшафта подтверждается:

– наличием всех элементов, необходимых для передачи полноты выдающейся универсальной ценности, а именно репрезентативным комплексом живых деревень с их коренным населением, рощ, храмов, часовен, угодий и пр.,

– достаточными размерами для всестороннего представления особенностей и процессов, отражающих значение объекта, площадь которого в трёх кластерах – 52,7 тыс. га,

– хорошим состоянием физической структуры объекта и его характерных элементов, контролируемостью рисков и угрожающих факторов,

– сохранностью многочисленных исторических, функциональных, планировочных, геосистемных взаимосвязей между элементами культурного ландшафта.

Целостность культурного ландшафта Кенозерья определяется *сохранностью и полнотой представленности* его составляющих, а также исторической *преемственностью развития*. Площадь национального парка составляет 140 тыс. га, в границах которых выделяются три участка (Кенозерский, Лёкшмозерский, Порженский), взаимосвязанных между собой исторически, функционально, планировочно, геосистемно. Здесь представлен весь набор элементов, которые иллюстрируют ход и результаты эволюции северорусского крестьянского ландшафта. Историческая система расселения с традиционными сельскохозяйственными, лесными и водными угодьями, коммуникациями, сакральными центрами и объектами сформировалась в процессе многовекового освоения территории и на основе гармоничного взаимодействия человека и природы Кенозерья.

Рис. 3. Вид от деревни Вершинино на Ряпусный берег Кенозера

Пространственные параметры культурного ландшафта Кенозерья заданы строением природного каркаса, узловыми элементами которого являются два крупных (Кенозеро и Лёкшмозеро) и целая система меньших озёр, в значительной части связанных небольшими речками и протоками. Традиционная система расселения с угодьями формировалась соответственно природному устроению местности и идентифицируется как поозерная кустовая, озера выполняют центрирующие функции для расселения и служат общими рыболовными угодьями (рис. 3). Важной характеристикой целостности являются визуальные связи между кустами деревень и внутри их, что требует поддержания

открытых пространств (полей, полян, лугов) на основных визирных осях. Исторически сложившаяся иерархия поселений фиксируется наличием храмов в наиболее значимых поселенческих центрах. Во всех деревнях сохраняются часовни, многие из них восстановлены в последние годы силами местного населения, часовенные и храмовые праздники обеспечивают поддержание традиции гостевания и контактов между жителями деревень в памятные даты в течение всего года.

Наличие нескольких десятков поселений на трёх взаимосвязанных участках с вариативными составляющими их элементами обеспечивает полноту представленности традиционного реликтового крестьянского ландшафта севера России с традиционным укладом жизни и правилами домостроительства. В сочетании деревень представлены все возможные элементы номинируемого ландшафта – жилые, хозяйственные, сакральные, коммуникативные в их взаимосвязях. На пограничье некоторых деревень можно увидеть следы от когда-то располагавшихся там мельниц и кузниц, две мельницы восстановлены, что позволяет показать полный процесс традиционного природопользования отдельных поселений в границах застройки и её ближайшем окружении. Поля, поляны, луговины, святые рощи, кресты при дорогах, разновозрастные леса, озёра и озерки образуют сложную мозаику угодий, взаимосвязанных между собой и с системой поселений, составляя целостный мир крестьянской культуры.

Подлинность культурно-ландшафтного комплекса «Заповеданное Кенозерье»

Аутентичность (подлинность) крестьянского культурного ландшафта Кенозерья подтверждается документами и материальными свидетельствами сохранности системы расселения, начиная с XVI века, унаследованности планировочной структуры деревень и ландшафта, достоверностью архитектуры храмов и часовен, большинство из которых было построено в XVIII–XIX вв. и до настоящего времени сохранило свой исторический облик, сохранностью народных традиций домостроительства и природопользования.

При рассмотрении атрибутов аутентичности/подлинности принято учитывать[2]: форму и замысел; материалы и субстанцию; использование и функции; традиции, методы и системы управления; местоположение и окружение; язык и др. формы нематериального наследия; духовное и чувственное восприятие (поддержание традиции и культурной преемственности в сообществах).

[2] Критерии аутентичности были сформулированы на конференции по применению Конвенции о Всемирном наследии ЮНЕСКО в Наре (Япония) в 1994 г. и вошли в основной руководящий документ – Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention, регулярно обновляемый и дополняемый.

Условиям аутентичности были признаны соответствующими полностью или в достаточно высокой степени:

1. *Система расселения, планировка и застройка деревень, пути сообщения.* Подлинность культурного ландшафта Кенозерья подтверждается историческими картами, где указаны места расположения исторических деревень и монастырей, основных дорог, границы полей и лугов, имеются многочисленные письменные описания этого места, относящиеся к прошлым столетиям. Современная ситуация свидетельствует о сохранности многовековых традиций выбора и организации мест расселения, что проявляется в унаследованности исторического распределения населенных пунктов и связующих их дорог, традиционной планировке деревень, в характере их застройки, подчинённости планировки конфигурации береговой линии и характеру рельефа.

2. *Структура/мозаика/рисунок/характер использования угодий.* Структура культурно-ландшафтных комплексов сформировалась много лет назад и в основном сохранилась в своём первозданном состоянии. Она включает само поселение на берегу крупного озера, святую рощу, часовни (в планировочных узлах расселения – также и храм), поля, примыкающие к поселению, кресты, расположенные в святой роще и на дорогах к соседним деревням, кладбище, небольшие озера и поляны, лесные угодья.

3. *Архитектурные формы и конструкции: храмы и часовни, домовладения с хозяйственными постройками.* В архивах сохранились рисунки, фотографии и обмеры расположенных в Кенозерье деревянных церквей, многих часовен и отдельных крестьянских домов, сделанные в первой половине прошлого века. Личные свидетельства местных жителей, возраст строительных материалов, формы и функции сооружений свидетельствуют о подлинности многочисленных деревянных построек первой половины XX, XIX и даже XVIII века. Многие их архитектурные особенности сложились именно в Кенозерье. Это образование избы-пятистенка, традиция повсеместного строительства часовен, широкое распространение в часовнях и церквах расписных потолков – «небес», формирование храмового комплекса-ансамбля типа Почезерского погоста.

4. *Традиционные техники в строительстве и ремесле.* Жители кенозерских селений до сих пор не утратили навыки традиционного плотничьего ремесла, строя себе дома или, что чаще, бани с печами-каменками. Такие строения по-прежнему рубятся топором «в обло» (иначе «в чашу»), для гидроизоляции и утепления могут использоваться природные материалы (береста, мох). Поддерживаются традиции украшения жилых домов коньками, резьбой, раскраской подшивки выноса кровли на фронтоне, фронтонов, ставней. Сохраняются традиции строительства лодок «кенозерок» с их характерными пропор-

циями и конструкцией, на малых лесных озёрах можно встретить архаичную конструкцию – лодку-дубан (рис. 4). Кенозеры помнят и старую плотничью терминологию. В Кенозерье сохраняются также многие сельскохозяйственные практики и технологии (при заготовке сена, содержании сельскохозяйственных животных, разведении огородов).

Рис. 4. Лодка-дубан

5. *Сохранность сакральных объектов (часовни, святые рощи, кресты, кладбища), духовных практик, бытовых традиций и обычаев*. Часовни продолжают жить и выполнять свои функции в качестве сакрального и социального компонента местного сообщества (рис. 5). Часовни даже в покинутых деревнях регулярно посещаются их бывшими жителями или их потомками для совершения религиозных обрядов и в память о своих предках.

Рис. 5. Самая маленькая часовня – Успения Богородицы в Тырышкинской святой роще

На территории Кенозерья установлено множества крестов, которые оберегаются, сохраняются, заменяются на новые в случае их обветшания. Сохраняется многовековая традиция бережного отношения и признание ценности святых рощ, где на уровне народных обрядов и традиций установлен запрет на вырубку и лесохозяйственные работы. В Кенозерье сохраняются также священные (заветные) деревья и камни, культ почитания которых возник в далёком прошлом (рис. 6).

Рис. 6. Особо почитаемый Николин камень в окрестностях деревни Морщихинской

Подлинность эпической традиции в Кенозерье подтверждается многочисленными источниками информации – опубликованными текстами и научными исследованиями русских и зарубежных учёных. В Кенозерье отрабатывались методы и принципы исследования, записи и публикации эпических песен, предполагающие подробную характеристику личности исполнителя былин.

Ключевые элементы культурного ландшафта «Заповеданного Кенозерья» взяты под охрану и контроль благодаря огромной работе, осуществляемой под руководством и по программам Кенозерского национального парка. Однако процесс запустения сельских угодий и дальних деревень пока не остановлен. Современные социально-экономические тренды не могут не влиять на ландшафтную динамику и создают определённые угрозы уязвимому реликтовому ландшафтному комплексу. Тем не менее, мозаика ландшафта и основные типы угодий, в целом, сохраняют преемственность историческому природопользованию. Эта структурная устойчивость имеет природные предпосылки, она основана на природной морфометрии ландшафта и определяется рисунком основных ландшафтных местоположений: моренных и водноледниковых холмов и гряд, озёрных котловин, террас, склонов, уступов, речных долин, древних ложбин стока, западин и т.д.

Несмотря на серьёзные риски и утраты, культурный ландшафт Кенозерья продолжает быть репрезентативным образцом патриархального уклада жизни и традиционной пространственной организации жилой крестьянской среды. Условия для его естественного воспроизводства весьма ограничены, однако, при грамотной стратегии управления, он может быть длительно сохраняем. Внесение его в Список всемирного наследия ЮНЕСКО должно способствовать поддержанию его основных черт и особенностей в изменившихся социально-экономических условиях. Ландшафтные реликты культурно-хозяйственных укладов сельского мира прошлого тысячелетия – ценнейший вклад в мировую сокровищницу наследия.

"ZAPOVEDANNOE KENOZERIE" IN THE UNESCO OUTSTANDING UNIVERSAL VALUES NOMINATION SYSTEM

Yu. Vedenin, M. Kuleshova
vedenin37@gmail.com, culturalandscape@mail.ru

Moscow, Russia

Abstract. *On the basis of the conducted case researches, definitions of "Zapovedannoe Kenozerie" outstanding universal value by criteria of UNESCO world heritage are given, as well as its short summary, the object's integrity and authenticity proof, as it is demanded by UNESCO Guidelines. "Zapovedannoe Kenozerie" is the first cultural landscape, promoted into the World Heritage List by the Russian side.*

Keywords: *Zapovedannoe Kenozerie, UNESCO World Heritage List, outstanding universal value, integrity, authenticity, criteria of value, a cultural landscape, live culture.*

For citation: Vedenin Yu., Kuleshova M. "Zapovedannoe Kenozerie" in the UNESCO outstanding universal values nomination system. *Heritage and Modern Times.* 2019;2(2):133–145.

Сведения об авторах

Веденин Юрий Александрович, доктор географических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института географии РАН. Москва, Россия.
E-mail: vedenin37@gmail.com

Кулешова Марина Евгеньевна, кандидат географических наук, независимый эксперт по культурным ландшафтам, член Научно-методического совета по культурному наследию Минкультуры РФ, член общественных организаций – Национального Комитета ИКОМОС, МСОП, ВООПИиК.
E-mail: culturalandscape@mail.ru

Authors of the publication

Yuri Vedenin, Doctor of Geography, Leading Researcher of the Institute of Geography, RAS. Moscow, Russia.
E-mail: vedenin37@gmail.com

Marina Kuleshova, Ph.D. in Geogr., independent expert on cultural landscapes, member of Scientific Methodological Council on Cultural Heritage within the Russian Federation Ministry for Culture, member of public organizations – National Committee of ICOMOS (Russia), IUCN, VOOPIiK.
E-mail: culturalandscape@mail.ru

Дата поступления 06.05.2019

СТРУКТУРА ОТЧЁТА
О НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЕ
«ОБОСНОВАНИЕ ВКЛЮЧЕНИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО
СЕВЕРОРУССКОГО КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА
“ЗАПОВЕДАННОЕ КЕНОЗЕРЬЕ”
В СПИСОК ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ ЮНЕСКО»,
(руководитель проекта – д.г.н., проф. Ю.А. Веденин, Москва, 2017 год)

ВВЕДЕНИЕ (Веденин Ю.А., Кулешова М.Е.)

ГЛАВА I. ОПИСАНИЕ КУЛЬТУРНО-ЛАНДШАФТНОГО КОМПЛЕКСА «ЗАПОВЕДАННОЕ КЕНОЗЕРЬЕ» (раздел 2а номинационного досье «Описание»)
1.1. Характеристика местоположения (Кулешова М.Е.)
1.2. Природные особенности и их значение для формирования культурного ландшафта (Максаковский Н.В.)
1.3. Культурно-ландшафтная дифференциация территории и ключевые особенности кластерных участков (Веденин Ю.А., Тормосов Д.В.)
1.4. Культурный ландшафт Кенозерья и его структура (Колбовский Е.Ю., Кулешова М.Е.)
1.5. Деревянная архитектура как ключевой элемент культурного ландшафта (Шургин И.Н.)
1.6. Кенозерские расписные «небеса» (Анциферова А.И.)
1.7. Традиционные хозяйственные практики, определившие формирование культурного ландшафта (Ведерникова Н.М.)
1.8. Традиции бытовой художественной культуры (Анциферова А.И.)
1.9. Духовная культура и сакральная топография Кенозерья (Ведерникова Н.М., Мелютина М.Н.)
1.10. Особенности топонимической структуры ландшафта (Калуцков В.Н.)

ГЛАВА II. ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНО-ЛАНДШАФТНОГО КОМПЛЕКСА «ЗАПОВЕДАННОЕ КЕНОЗЕРЬЕ» (раздел 2б номинационного досье «История и развитие»)
2.1. История освоения Кенозерья (Шатковская Е.Ф., Мелютина М.Н.)
2.2. Монастырская история в структуре ландшафта (Мелютина М.Н., Кулешова М.Е.)
2.3. Появление основных памятников деревянного зодчества и эволюция домостроительства XVIII–XIX вв. (Шургин И.Н.)
2.4. Пульсация ландшафта. Унаследованность структуры и функций ландшафта: живой 500-летний реликт в современной системе природопользования (Колбовский Е.Ю.)
2.5. Распространение и угасание эпической традиции Кенозерья (Ведерникова Н.М.)
2.6. Возрождение исторических элементов ландшафта через музеефикацию: пример кенозерских мельниц (Анциферова А.И.)
2.7. Музейные собрания Кенозерского национального парка как депозитарии культурного наследия и локусы исторической ретроспективы в пространственной организации ландшафта (Мелютина М.Н.)

ГЛАВА III. ОБОСНОВАНИЕ ВЫДАЮЩЕЙСЯ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ЦЕННОСТИ КУЛЬТУРНО-ЛАНДШАФТНОГО КОМПЛЕКСА «ЗАПОВЕДАННОЕ КЕНОЗЕРЬЕ» (раздел 3 номинационного досье «Основания включения в Список всемирного наследия»)
3.1.1. Формулировка выдающейся универсальной ценности культурно-ландшафтного комплекса «Заповеданное Кенозерье» (подраздел 3.1a номинационнного досье «Синтез основных характеристик и ценности») – Веденин Ю.А., Кулешова М.Е.
3.1.2. Критерии ценности, применяемые к культурно-ландшафтному комплексу «Заповеданное Кенозерье» (подраздел 3.1в номинационного досье «Обосновывающие критерии») – Кулешова М.Е., Ведерникова Н.М., Колбовский Е.Ю., Шургин И.Н.
3.1.3. Целостность культурно-ландшафтного комплекса «Заповеданное Кенозерье» (подраздел 3.1c номинационного досье «Целостность») – Веденин Ю.А., Кулешова М.Е.
3.1.4. Подлинность культурно-ландшафтного комплекса «Заповеданное Кенозерье» (подраздел 3.1d номинационного досье «Аутентичность») – Веденин Ю.А.
3.2. Сравнение культурно-ландшафтного комплекса «Заповеданное Кенозерье» с возможными аналогами по установленным критериям ценности (подраздел 3.2 номинационного досье «Сравнительный анализ») – Максаковский Н.В., Шургин И.Н.

ГЛАВА IV. ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ КУЛЬТУРНО-ЛАНДШАФТНОГО КОМПЛЕКСА «ЗАПОВЕДАННОЕ КЕНОЗЕРЬЕ» И ВЫЯВЛЕНИЕ УГРОЖАЮЩИХ ФАКТОРОВ ВОЗДЕЙСТВИЯ (раздел 4 номинационного досье «Состояние сохранности и факторы воздействия»)
4.1 Оценка современного состояния культурно-ландшафтного комплекса «Заповеданное Кенозерье» (раздел 4a номинационного досье «Состояние сохранности») – Колбовский Е.Ю.
4.2 Актуальные угрозы для выдающейся универсальной ценности культурно-ландшафтного комплекса «Заповеданное Кенозерье» (раздел 4в номинационного досье «Факторы воздействия») – Колбовский Е.Ю.

БИБЛИОГРАФИЯ (сост. Мелютина М.Н.)

ПРИЛОЖЕНИЯ

"Не отдай меня, батюшка,
Не на Кену, не на Ундозеро,
А ты отдай меня, батюшка,
Во своё весёлое Кенозеро.
На погосте гуляньице,
За рекою щеголяньице,
По Вершининой дорожка торна,
А Глущёва то кофейна сторона..."

(Фрагмент песенного фольклора Кенозерья)